

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 94 (407/571) «1732/1735»: 327

Н. А. САЛАМОВА

Дагестанский
государственный университет

КАВКАЗСКАЯ ПРОБЛЕМА И КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ ОТ РЕШТСКОГО ДОГОВОРА ДО ГЯНДЖИНСКОГО ТРАКТАТА (1732–1735)

В статье рассматривается роль кавказской и крымской проблем в русско-турецких отношениях от Рештского договора до Гянджинского трактата (1732–1735 гг.) и взаимосвязи этих проблем в контексте восточной политики. Показаны усилия Турции и Крыма по организации антироссийских выступлений и ответные меры со стороны Петербурга. Отмечено влияние на русско-турецкие отношения русско-иранских договоров.

Кратковременный период от Рештского договора до Гянджинского трактата занял важное место в русско-турецких отношениях. Рештский договор 1732 г. обозначил принципиально новый подход наследников Петра I по отношению к приобретенным им территориям на Кавказе: готовность возвратить их Ирану вопреки стратегическим интересам России. Такой поворот в кавказской политике России был обусловлен тем, что внутреннее и международное положение России при императрице Анне Иоанновне (1730–1740), когда все вопросы решались «немец-

кой партией» во главе с Э.-Г.Бироном, пренебрегавшей насущными нуждами страны, значительно ухудшилось. Глубокий знаток придворных нравов этой коррумпированной элиты В.Я.Лефорт так выразил ее подлинное лицо: «Нет сил определить состояние этого двора. ... О делах позабыли, все стоит и погибает, ... казна пуста, денег не поступает. ... Никому не платят. Одним словом, не нахожу красок, чтобы описать этот хаос»[1].

С мнением Лефорта совпадают и оценки других авторов. Воцарившаяся на троне в 1730 г. «императ-

рица Анна Ивановна, — пишет Потто, — тяготилась персидскою войною. Насколько поверхностно смотрели тогда правительственные сферы на эту войну, можно судить уже по одному тому, что сначала больше всего опасались турецких успехов, а потом стали бояться их неудач, рассчитывая, что Персия, упрямившись с турками, обратит против России все свои силы» [2].

Такая позиция российского двора, когда подписание Рештского договора изменило соотношение сил на Востоке в пользу Ирана, фактически оказавшегося под властью Надира, не могла не вызвать острой реакции со стороны Стамбула, вновь обострив российско-турецкие отношения.

Недовольный подписанием этого договора, способствовавшего сближению Ирана с Россией, султан Махмуд стал обострять обстановку на Кавказе, подготавливая пограничные конфликты с помощью крымского хана Каплан-Гирея с запада и находившегося в его подданстве в качестве правителя Дагестана и Ширвана Сурхай-хана с юга. По прямому подстрекательству Порты Каплан-Гирей выступил с претензиями на Кабарду и Черкессию. Охотно поддерживая эти притязания, османские министры убеждали Неплюева, что «в реестрах при Порте» Кабарда и Черкесия значатся независимыми от крымских ханов. Сам Каплан-Гирей выступил с заявлениями «не только Кабарду разорить», но и «Россию плетью мазать» [3].

Одновременно Порта готовила Сурхай для нападения на Дербент, Низабад и Кубу, надеясь насильно привести их в свое подданство. Но выполнить эту задачу Сурхай, вызвавший недовольство своих подданных протурецкой ориентацией, не удалось. В качестве ответных мер в июне 1732 г. российское правительство привело в боевую готовность свои войска на Дону и на Тереке, открыто взяло под свою защиту Кабарду. Порта вынуждена была отступить, обещая отправить хану указы воздержаться от похода в Кабарду [4].

Однако это обещание Порты не означало отказа от своих намерений в отношении Кавказа. На позицию Порты повлияло и то, что, не признав Керманшахский договор 1729 г., Надир стал готовиться к войне с Турцией за возвращение захваченных османами бывших иранских владений при Сефевидах на Кавказе, в Закавказье и Иране.

Узнав о намерениях Надира возобновить войну, султан отправил указ крымскому хану быть готовым к предстоящей военной кампании. Обращение султана Махмуда в Крым было встречено с большим удовлетворением. Хан Каплан-Гирей, искавший случая напасть на Кабарду и Дагестан, с готовностью ответил, что «нашел дорогу ксылке татар в Персию через Кавказские горы, близ Дагестана» [5], не касаясь владений России. Это было явным вымыслом, рассчитанным на внезапность нападения, неподготовленность русских войск к отпору и поддержку ханского похода со стороны северокавказских владетелей.

Заклучив перемирие с Надиром, Порта форсировала поход крымских войск в Персию через Кабарду, Чечню и Дагестан. Северный Кавказ выдвинулся на передний план во внешнеполитических замыслах России и Турции, став предметом острого спора между Петербургом и Стамбулом. Однако дипломатические демарши российского правительства оказались недостаточными. Несмотря на двукратное предупреждение русского резидента по поручению из Петербурга о том, что намеченное Стам-

булом и Бахчисараем предприятие вызовет военный конфликт с Россией, Порты и Крым не отказались от своих планов.

Активное содействие в этом оказала им французская дипломатия. Находившийся на французской военной службе венгерский офицер барон Тотт, направленный в Крым со специальным заданием из Версаля, инспектировал подготовку крымской конницы для предстоящей операции. Французский посол Луи де Вильнев энергично настраивал против России великого визиря Али-пашу Хакима-оглы, активно обсуждая с ним вопрос о походе крымцев через Северный Кавказ. По признанию руководителя внешней политики Франции кардинала Флери, французское правительство настраивало Порту против России, используя ее в своих интересах как шахматную фигуру [6].

Получив широкую поддержку, Каплан-Гирей развернул активную деятельность, чтобы выполнить султанский указ: «выступить против персов и привлечь к себе племена Северного Кавказа от устья Кубани до русской границы и идти к Дербенту» [7]. Вместе с тем, предвидя нелегкую борьбу с Россией, султан Махмуд обратился через своего представителя Хаджи Мухаммеда-эфенди со специальным воззванием к местным владетелям, чтобы они оказали содействие в прохождении крымцев через их владение «от устья Кубани до русских границ в Дербенте» [8].

Эти обращения крымского хана Каплан-Гирея и калги Фетхи-Гирея к местным владетелям были доставлены им их курьерами, но не встретили той поддержки, на которую рассчитывали в Стамбуле и в Крыму. Воззвания хана и калги чеченскому князю Патуду, эндириевскому князю Айдемиру, уцмью Ахмед-хану и сыну Адиль-Гирея Хасбулату были вручены ими генералу Левашову, который отправил их оригиналы в Петербург, а копии и переводы с них — резиденту Неплюеву в Стамбул. Получив эти обличительные документы, российское правительство предписало резиденту заявить решительный протест Порте, но особого воздействия на нее это не оказало [9].

Русско-турецкие отношения резко обострились и оказались на грани военного конфликта. Пока шли дипломатические распри между Петербургом и Стамбулом, на Кавказе начались военные действия. В середине мая 1733 г. в Стамбуле признали, что 25-тысячный крымский корпус под командованием калги Фетхи-Гирея в сопровождении личного представителя султана Махмуда капыджи-баши Мустафы-аги форсировал Кубань и двинулся на Терек.

Получив об этом достоверные сведения, принц Людвиг (Евгений. — Н. С.) Гессен-Гамбургский, заменивший в мае 1733 г. на посту главнокомандующего генерала В.Я. Левашова, отправленного в Решт для переговоров с Надиром, письменно предупредил Фетхи-Гирея, что дальнейшее продвижение его войска будет отвращено военной силой. Но калга не посчитался с этим и в конце мая достиг Татартупа, где ему присягнули кабардинские князья «кашкатавской партии», придерживающиеся тогда крымской ориентации. Получив их поддержку, Фетхи-Гирей напал на сторонников России — князей «баксанской партии», произведя в их жилищах великое опустошение» [10].

После этой устрашающей акции, достигнув территории Чечни, в начале июня представители крымцев обратились к российскому командованию с требованием пропустить их войска, но, не получив на это согласия, решили пробиться силой. 11 июня 1733 г.

25 000 крымцев напали на русский отряд на р. Белой, но были отброшены на 10 верст назад, потеряв 1000 человек и 10 знамен. Крымцы остановились в Чечне, призывая жителей Дагестана и Чечни «к бунту, чтобы они с Фетхи-Гиреем султаном против россиян и российских войск неприятельски действовали» [11]. Хотя от имени турецкого султана и крымского хана наиболее влиятельным светским и духовным феодалам раздавались пышные титулы, денежные награды и щедрые подарки, привлечь горцев на сторону Турции и Крыма не удалось.

Получив сведения об этих событиях, великий визирь возобновил требования о пропуске татар, угрожая иначе войной. Обострением русско-турецких отношений воспользовалась французская дипломатия, настраивая Турцию против России. «Порта по внушениям французским, — доносил Неплюев, — пренебрегает Россиею и потому поступает горячо, доводит каждое дело до крайности, угрожая войной» [12].

Положение осложнилось тем, что в этот ответственный момент ставленник «немецкой партии» принц Людвиг проявил полную бездарность, проводя время на балах и увеселениях, объявляя ложные тревоги, запершись в крепости Святой Крест. Против двигающихся из Чечни крымцев была выслана с запозданием небольшая команда под начальством полковника Лошана, не сумевшая дать им надеждающий отпор. Воспользовавшись этим, с помощью чеченского князя Айдемира и кайтагского уцмья Ахмед-хана крымцы прошли через их владения и приблизились к Дербенту [13].

На подступах к Дербенту русские войска атаковали противника, нанесли ему существенный урон, но часть крымцев миновала заслон и с помощью Сурхай-хана в количестве до 3000 человек добралась до места расположения турецких войск на берегу Куры [14].

Российское правительство приняло ряд мер для восстановления спокойствия на Кавказе в связи с нашествием Фетхи-Гирея. Против изменившего уцмья был послан специальный отряд, который занял резиденцию уцмья Башлы и сжег ее. Проявивший бездарность принц Людвиг Гессен-Гамбургский был отозван в Петербург. Главное командование российскими войсками вновь принял сподвижник Петра I В.Я. Левашов. Прибыв на Сулак в начале ноября 1733 г., он предпринял суровые санкции против протурецки настроенных феодалов, восстановил относительное спокойствие в крае. Не случайно наблюдавший за его действиями И.Я. Лерх записал в своем дневнике: «С тех пор настала таки в Сулаке тишина и все пришло в порядок» [15].

В этом же плане следует рассматривать «исчезновение» 25-тысячного корпуса Фетхи-Гирея, разгромленного русскими войсками в Чечне и Дагестане вопреки бездействию влиятельных немецких чинов в придворных кругах Петербурга. Ввиду указанных причин Фетхи-Гирей не смог выполнить возложенной на него Портой задачи — пробиться через Дагестан на помощь турецким войскам в Закавказье и Иране [16]. Не помогли этому ни старания французского и немецкого послов в Стамбуле Вильнева и Кипуля, нажимавшие на Порту в русле антироссийской политики «восточного барьера», ни активное настраивание Надира против России специально направленным для этой цели из Крыма французским консулом Главани [17].

Положение на Кавказе и русско-турецкие отношения определялись событиями не только в самом регионе, но и далеко за его пределами — в Иране,

Ираке и Закавказье. Так было, например, осенью 1733 г., когда Надир нанес сокрушительное поражение 40-тысячной армии Топал Осман-паши под Багдадом в долине Лейлан, где погиб сам главнокомандующий [18]. Окруженный войсками Надира губернатор Багдада Эюб Ахмед-паша без ведома султана Махмуда I подписал мир с Надиром на условиях возвращения к границам Касре-Ширинского ирано-турецкого договора 1639 г., выполнение которого обязывало Порту возвратить захваченные османами с тех пор иранские владения на Кавказе [19].

В Стамбуле этот договор не признали, но вынуждены были умерить свой натиск на Кабарду и Дагестан. 26 ноября 1733 г. крымскому хану отправили указ, «чтобы он никаких предвосприятый к российской стороне ... не чинил, но паче в покое жил» [20]. Несмотря на это, обеспокоенное стремлением Англии и Франции добиться заключения антироссийского ирано-турецкого договора русское правительство ускорило переговоры с Надиром, поручив В.Я. Левашову и П.П. Шафирову установить с ним близкие отношения для совместных действий против Турции.

Для ускорения переговоров и заключения договора с Надиром в Иран был направлен в качестве полномочного министра князь В.Д. Голицын, чтобы склонить его к союзу с Россией, настойчиво внушая ему мысль, что «ныне действием против турок наилучшее и способное время, которого ему упустить и неприятелю своему против себя меч обострить давать весьма не надлежит» [21]. В то же время русское правительство, опасаясь возникновения ирано-турецкого альянса против России, делало Надиру далеко идущие, но не продуманные тщательно и реально не просчитанные уступки: вернуть прикаспийские провинции и оказать военную помощь против Турции. В этом Голицын убедился на аудиенции 20 мая, когда на вышепредложенные условия Надир заявил ему, что отказывается от помощи России и намерен заключить договор с Турцией, если российское правительство немедленно не возвратит Ирану прикаспийские области и Дербент сверх Рештского договора [22].

Неуступчивость Надира относительно турецких предложений обуславливалось тем, что после крупного поражения турецкой армии под Ереваном в мае 1734 г. султан Махмуд ратифицировал ирано-турецкий договор 1733 г., подписанный Ахмед-пашой под Багдадом, и велел своим командующим и наместникам вернуть Ирану подвластные им бывшие иранские владения, в том числе и на Кавказе.

Разумеется, что это решение турецкого султана подвигло Надира на более решительные требования к России о возвращении оккупированных ее войсками территорий по Петербургскому и Константинопольскому договорам 1723 и 1734 гг. Возможно, просчитав такой вариант развития событий еще до ратификации султаном Багдадского договора 1733 г., Надир разослал уполномоченных в Ереван, Тбилиси и Гянджу для принятия их от турок, назначив в эти места своих беглер-беков.

С этой целью для принятия Ширвана от Сурхая он назначил астраханского правителя Муса-хана и отправил к Сурхаю специального курьера с требованием сдать Шемаху, ссылаясь на то, что султан Махмуд разослал своим командующим «хатт-и шерифы» с предложением «немедленно очистить провинции, находящиеся под их управлением» [23].

Но Сурхай не подчинился этому требованию, оставил без боя Шемаху, которую захватчики сравнивали с землей, и после упорных боев в течение сентября

1734 г. отступил в Аварию [24]. Разгневанный непокорностью горцев и начавшимися массовыми антииранскими восстаниями в тылу, восстановив титул дагестанского шамхала и передав эту власть сыну сосланного российскими властями в Архангельскую губернию шамхала Адиль-Гирея — Хасбулату, Надир двинулся в обратный путь, понес значительные потери и 15 октября подошел к Гяндже, где находился осажденный турецкий гарнизон [25].

К этому времени русско-иранские переговоры о возвращении Ирану прикаспийских областей и Дагестана шли к концу. Как отмечает иранский историк Рамазани, политика Надира по отношению к России осуществлялась сравнительно легко, что было результатом использования русско-турецких противоречий. Натянутость отношений между Турцией и Россией была связана с иранской проблемой. «Во все периоды ирано-турецкой войны, — подчеркивает автор, — Порты подозревала Россию в секретной помощи Надир-шаху. Почва для подозрений была: Россия, по крайней мере, помогла Надир-шаху в укреплении его военной силы» [26].

В создавшихся условиях, оказавшись перед перспективой враждебной деятельности отдельных европейских держав на западе и угрозой антироссийского ирано-турецкого сближения на востоке, российское правительство решило вывести свои войска из этих областей, чтобы избежать войны на два фронта и превратить Иран из потенциального противника в своего союзника. По этим соображениям 10 марта 1735 г. Левашов и Голицын по указанию из Петербурга подписали с Надиром Гянджинский договор о возвращении Ирану прикаспийских областей и части Дагестана с отводом русских войск за р. Сулак, но чтобы эти области не были захвачены Турцией [27].

Гянджинский договор 1735 г. стал знаковым событием в изменении ситуации на Кавказе и развитии русско-турецких отношений от Причерноморья до Каспия и Северного Кавказа до Передней Азии, в чем немалую роль сыграли кавказские, крымские и иранские дела, отразившиеся на деятельности противоборствовавших сторон.

Библиографический список

1. Валкшневский К. Преемники Петра I. Пер. с франц. / К. Валкшневский. — М., 1990. — С. 115.
2. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях / В.А. Потто. — СПб.: Вып. 1., Т. 1, 1885 г. — С. 44.
3. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. / Н.А. Смирнов. — М., 1958. — С. 72-73.

4. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы / Сост. В.М. Букалова. — М., 1958. Т. 2. — С. 69-70.
5. АВПРИ. Ф.89, 1713. Оп. 89/1. Д. 5. Л. 158.
6. Cassels L. The Struggle for the Ottoman Empire 1717-1740. London, 1966. P. 37.
7. Hammer von Josef. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1831. Bd. 7. S. 442.
8. Hekmat M.A. Essai sur l'histoire des relations politique irano-ottomanes de a 1747. Paris, 1937. P. 200.
9. АВПРИ. Ф. 89, 1733. Д. 6. Л. 316-318.
10. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. В 2-х частях. / Д.П. Бутурлин. — СПб.: 1819-1823. — Ч. 1., Т. 2. — С. 119.
11. Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 2. Т. 4. С. 164.
12. АВПРИ. Ф. 77, Оп. 77/1. 1733. Д. 7. Л. 1, 13 об.
13. Алкадари М.Э. Асари Дагестан. / М.Э. Алкадари. — Махачкала, 1994. — С. 75.
14. АВПРИ. Ф. 89, 1733. Д. 7. Л. 13. об — 14.
15. Лерх И.Я. Выписка из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря / И.Я. Лерх // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч. 43. С. 13.
16. Unat T. 1700-gen 1958 kadar. Tırk siyasi tarihi. Ankara, 1958. S. 35.
17. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. / С.М. Соловьев. — М., 1963. Кн. 10. Т. 20. — С. 385-386.
18. Hammer von Josef. Указ. соч. — С. 429.
19. Hekmat M.A. Указ. соч. — С. 19-22.
20. АВПРИ. Ф. 89. 1733. Д. 7. Л. 595 об.
21. АВПРИ. Ф. 77. 1734. Д. 5. Л. 4 с об.
22. Соловьев С.М. Указ. соч. — С. 396-397.
23. Бакиханов А. К.А. Гюлистан — и Ирам. Баку, 1991. — С. 137-138.
24. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. / В.Н. Левиатов. — Баку, 1948. — С. 102.
25. АВПРИ. Ф. 77, 1734. Д. 4. Ч. 2. Л. 416; Lockart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London, 1938. P. 94.
26. Ramasani R.K. The Foreign Policy of Iran. A Developing nation in world Affairs: 1500-1941. Charlottesville, 1966. P. 24.
27. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Составитель Т.Д.Юзефович. — СПб., 1869. — С. 200-207.

САЛАМОВА Написат Абдулгамидовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета.

Статья поступила в редакцию 28.12.06 г.
© Саламова Н. А.

Книжная полка

Античный мир и варвары / Ин-т всеобщ. истории. — М.: Наука, 2006. — 23 л. — ISBN 5-02-010362-4 (в пер.).

В сборнике по-новому раскрыта важная проблема в истории древности: противостояние, взаимопроникновение античной цивилизации и варварского мира с его самобытной культурой, которые сыграли ведущую роль в становлении цивилизаций Элады, Рима, Ближнего Востока и отразились на ходе мировой истории. Рассмотрены возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами, критерии «варварства», термин «варвар» в политической лексике афинской демократии, образ варваров в античной драматургии и др. Отдельный круг проблем связан с изучением взаимоотношений греков и римлян между собой и с местным населением на Балканах и в Испании, Сицилии и на Северном побережье Черного моря. Особый интерес представляет анализ понятия «варвар» в коптских гностических текстах, ранее не привлекавшихся в связи с проблемой варваров.

Для историков, филологов и интересующихся античной цивилизацией.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье предпринята попытка выделить основные ценности (Кубанское казачье войско, православная вера, воля, земля и другие), которых придерживались кубанские казаки, и проследить взаимосвязь этих ценностей. Ценности рассмотрены в историческом контексте, то есть с точки зрения изменения степени их важности с течением времени.

В течение своего формирования и исторического развития система ценностей дореволюционного кубанского казачества вобрала в себя ценности социума-убежища, субэтнуса и сословия. В её становлении были задействованы традиции восточно-славянской общины, польской шляхты, русских служилых людей и тюркских казаков, т.е. народов восточно-европейской этноконтактной зоны.

Особое место в этой системе занимала православная вера. Она была и целью, и средством существования этой системы в целом. В XVI—XIX вв. вера духовно поддерживала казачество, обосновывала его моральные ценности. Однако влияние православия было различным и зависело от конкретного носителя казачьей системы ценностей и конкретных жизненных обстоятельств. Нормы христианской этики не всегда одинаково применялись по отношению к «своим» и «чужим». Часть членов казачьего социума (абсолютное меньшинство) вовсе не исповедовала православие. Однако и они находились в рамках общества, ценностная система которого во многом опиралась на православие.

Православная религиозность в казачьей среде во многом основывалась на внешних социальных факторах. Это сила общественного мнения в общине, уважение к этнической традиции и образу жизни, существующему государственному строю. Наибольшее воздействие на жизнь казаков они оказывали во второй половине 40-х — 60-х гг. XIX в., в период максимальной крепости социальных устоев. Поэтому изменения в образе жизни, набиравшие силу с 70-х гг. XIX в., ударили и по казачьему православию [14]. Самыми значительными из них были переход к мирной жизни после окончания Кавказской войны, приток иногородних и развитие рыночных отношений, сопровождавшееся укреплением связей с городскими центрами. С рубежа XIX — XX вв. процесс деформации образа жизни ускоряется.

Индивидуализация поведения и мировоззрения, связанная с развитием рыночного хозяйства, способствовала размыванию духовного единства казачества. В этих условиях казаки, для которых православная вера была личным убеждением, предпринимали попытки консолидации (церковно-приходские советы).

Другой важной составляющей казачьего мировоззрения был монархизм. В ранний период существования казачества он представлял из себя соедине-

ние идеологемы сакральности монарха с традицией свободной феодальной службы. Последняя предусматривала договорные отношения казаков с их сюзереном при обязательном признании последним казачьих прав и свобод [11].

Начиная с конца XVIII в., господствующее положение занял монархический этатизм, который подразумевал добровольное признание всевластия монарха и представляющего его интересы государственного аппарата [8]. При этом сакрализация особы государя продолжала иметь место. Царь считался носителем высшей правды, имеющим особые отношения с Богом. Именно она служила глубинным психологическим обоснованием господствующей модели отношений казачества и государства. Осознание свободы и элитарности было присуще казачеству изначально и сохранялось в среде кубанцев до первой половины XX в. Оно проявлялось в трепетном отношении кубанца к личной свободе, осознании своей значимости и близости к престолу.

Представления о религии и отношениях с государством образовывали основу идеологии кубанских казаков. Её ценностной основой было православие. Оно задавало духовные ориентиры частной и общественной жизни кубанцев. Православие инкорпорировало войско в этнокультурные системы более высокого уровня (русское государство и этнос, мировая семья православных народов). Монархизм связывал религиозные ценности казачества с практикой его взаимоотношений с государством. Если монарх считался фигурой полубожественного статуса [9], то государство — не всегда надёжным партнёром, во взаимоотношениях с которым надо, прежде всего, блюсти свою выгоду. Государство смогло долгое время держать кубанское казачество под жестким контролем только благодаря идейной поддержке православия и монархизма. На рубеже XIX — XX вв. традиционное отношение к монарху стало меняться. Для некоторых казаков он стал отождествляться с государственной машиной, её промахами и производом. На государя стали возлагать личную ответственность за неудачи армии во время Русско-японской и Первой мировой войн [3], за тяжелое положение в экономике, растущее малоземелье [5, 4].

Негативное отношение к деятельности государственного аппарата в наибольшей степени характерно для периодов становления и кризиса системы ценностей. На рубеже XVIII — XIX вв. рядовое черно-

морское казачество ещё пыталось отстаивать право контроля над внутренними делами войска (Персидский бунт) [6]. С начала 60-х гг. XIX в. казакам приходилось бороться за сохранение самого казачьего образа жизни в условиях модернизации и общегосударственной унификации социальной системы (протест черноморцев и хопёрцев против выселения в Закубанье в 1861 г. [7], требование автономии в 1917 г. [1]). В период же Кавказской войны казаки в условиях непрерывных боевых действий считали тесное единство с государством жизненно необходимым для нужд обороны и сглаживания внутренних противоречий.

Подсистема нравственных ценностей кубанских казаков должна была способствовать сглаживанию конфликтов и противоречий, поддерживать крепкое внутреннее единство. Согласие и единство были важнейшими моральными ценностями, ведь казачья община всегда активно противопоставляла себя внешнему миру. Необходимость сохранения единства диктовала необходимость соединять строгость этических принципов и терпимость к их нарушителям, стремление не наказывать, а исправлять их. Такой подход был обусловлен той относительной значимостью, которую казачья община признавала за отдельной личностью. Казачья этика строилась на сочетании коллективизма и индивидуализма.

Соотношение коллективизма и индивидуализма хорошо видно на примере таких важнейших ценностей, как земля, труд, воля. Гарантом их защиты должно было выступать стремление к единству. Его конкретным воплощением выступала община (социальный институт, окрепший вследствие необходимости развивать сельское хозяйство в условиях войны). Она была стержнем организации казачьего общества. В сознании кубанцев она наделялась такими признаками, как независимость, обязательное владение землёй, власть над своими членами. Казак делегировал общине значительную часть личной свободы.

Владение землёй было обязательным для общины. Она не могла находиться в собственности частного лица, так как любой казак являлся частью общины. Разделение земли означало бы её крушение как единого целого. Власть в представлении казаков была тесно связана с правом собственности. Эти принципы нередко сталкивались с сопротивлением отдельных казаков, боровшихся за свои интересы. Следствием этого был конфликт станичных общин и владельцев хуторов в 30 — 40-е гг. XIX в., завершившийся временным компромиссом. Последний выразился в ограничении размеров личных владений и приведении их в соответствие со служебными заслугами владельцев [15]. Особые права на пользование войсковой землёй ещё с появлением «Порядка общей пользы» в 1793 г. присвоила казачья старшина [13]. После окончания Кавказской войны государство решительно поддержало земельные притязания казачьей элиты и армейского офицерства. В 70-е гг. XIX в. на Кубани стало вводиться частное землевладение [11]. Естественно, эти действия правительства вызвали сопротивление казаков. Например, боролось общество станицы Полтавской, у которого отбирались земли для наделения офицеров в 1871 — 1873 гг. [2]. Стремление к приватизации казачьей земельной собственности отвечало индивидуалистической составляющей казачьей системы ценностей, представлениям о воле, самореализации. Однако частнособственнические настроения в казачьей среде нарастали медленно. Коллективистские представления преобладали.

В конце XIX — начале XX вв. государство активно участвовало в формировании среди казаков Кубани жизнеспособной общины. В Черномории этот процесс проходил непросто по причине социальной неоднородности войска и радикальных представлений о роли воли во внутриказачьих отношениях как верхов, так и низов. В ходе Кавказской войны при поддержке государства община обрела силу и оказывала активное влияние на повседневную жизнь своих членов. Период наибольшего морального влияния общины продолжался с конца 40-х до начала 70-х гг. XIX в. Позже, под влиянием социально-экономической модернизации, единство общины и её моральный авторитет среди казаков постепенно слабеют. Показателем этого процесса стало усиление давления государства. Ослабевшая община всё менее может противостоять ему, отношения её членов всё больше нуждаются во внешнем регулировании. Но к рубежу XIX — XX вв. община всё больше осваивает такие функции, как контроль над землепользованием и развитие образования.

Единство общины основывалось и на моральных принципах. Они должны были, наряду с общинным владением землёй, помочь казакам сохранить единство. Последнее должно было быть максимально полным, но добровольным. Поэтому община должна была поддерживать стремления своих членов, обеспечивать их интересы. Каждый казак должен был быть максимально удовлетворён в своих притязаниях. У него должна была быть земля в количестве, достаточном для безбедного существования. Казак ценил возможность участвовать в работе казачьего самоуправления и добиваться в нём почетных должностей, укреплять свой авторитет. Станичник хотел использовать силу общины для борьбы с обидчиками и чужаками.

Но для этого необходимо было взаимно согласовывать и ограничивать стремления. Это достигалось с помощью воспитания и общественного мнения, которые формировали единую шкалу моральных норм и предпочтений. Насилие по отношению к нарушителям принятых норм стало особенно частым явлением позднего периода существования кубанского казачества. Усиление репрессивных мер на рубеже XIX — XX вв. свидетельствовало о начавшемся разложении системы ценностей.

И община, и вольнолюбивый казак стремились к самодостаточности. Их интересы можно было согласовать только до определённого предела. Долгое время этому способствовала военная угроза. Во второй половине XIX — начале XX вв. фактор внешней опасности стал гораздо менее значимым, развитие экономики открывало всё больше возможностей для укрепления независимости отдельной личности. Трудовые усилия казака всё менее обусловлены поддержанием своего статуса. Отношение к труду всё более соответствует личным склонностям отдельного казака. Это было одной из причин усиления социального расслоения. В то же время сельское хозяйство на Кубани всё более переориентировалось на достижение коммерческого успеха. Последний в гораздо большей степени зависел от трудовых и организаторских способностей казака-хозяина, чем простое обеспечение необходимых потребностей. Сокращение паевых наделов усложняло выживание ленивых, малоспособных и неудачливых.

Внутренние противоречия в жизни кубанского казачества были частью единого процесса разрушения традиционного образа жизни русского народа.

Ещё одной важнейшей составляющей системы ценностей на протяжении столетий была воинская

доблесть. Последняя объединяла и обобщала такие ценности, как удаля, храбрость, сила, безусловная верность своим, установка на защиту религиозных святынь и христианскую непривязанность к жизни и её благам.

Наивысшей ценностью для кубанских казаков были само войско и принадлежность к нему, статус казака. Трепетное отношение к войску чаще всего не выражалось напрямую. Оно проявлялось в гордости своим положением казака. Любовь к войску распространялась на его составные части: станичные (куренные) общины, воинские подразделения. В этот ряд можно поставить и казацкую семью.

Поэтому основной казацкой добродетелью являлась преданность тем коллективам, в которые он был включен в соответствии со своим казацким статусом. Они могли проявлять известную вольность по отношению к существующим правилам (таким, как запрет воровать, пьянствовать), но при этом не имели права изменять интересам коллектива. Казаки не должны были враждовать с теми, кто считался «своим».

Однако такая казацкая ценность, как воля (обладание неотъемлемыми правами и привилегиями, возможность по собственному желанию менять свои отношения с государством и общиной), не всегда могла реализоваться в казацкой же среде XIX — XX вв., ведь казачество было подконтрольным элементом имперского государственного механизма. Поэтому поиски свободы и самореализации порой выводили казаков за пределы войска и его традиций, иногда и в революционное движение.

Следующими по значимости ценностями можно назвать православную веру, волю и воинскую доблесть. Они выделяются особой позицией по отношению к важнейшей ценности — кубанскому казачеству и её составным элементам. Признание в качестве ценностей православной веры, воли и воинской доблести одновременно оправдывало существование кубанского казачества и помогало обеспечить его выживание. Т. о., признание этих ценностей было абсолютно необходимо для поддержания высшей ценности — войска.

Религия как укрепляла внутреннее единство казацкой общины, так и помогала найти ей союзников и источники пополнения.

Вольнолюбие было необходимо для сохранения казацкой социокультурной автономии и поддержания традиционных особенностей казацкого образа жизни (равенства, взаимного уважения и т. д.). Оно же подталкивало казака бороться за освобождение от опеки коллектива. Этого можно было добиться только через социальную активность и интеграцию с такой внешней силой, как российское государство.

Почитание воинской доблести развивало в казаках решительность, твёрдость, самоуважение. Эти качества помогали защищать все названные выше ценности, воплощать в жизнь основанные на них принципы.

Падение значимости названных выше ценностей на рубеже XIX — XX вв. было признаком начавшегося общего разложения системы.

Непременным условием реализации важнейших казацких ценностей было наличие у войска земли. Последняя была основой материального обеспечения войска как такового, его военной активности и религиозной жизни. Владение землёй являлось как экономической основой казацкого самоуправления, так и его идейным основанием.

Особое значение для кубанских казаков имели особа российского монарха и возглавляемое им госу-

дарство. Идеиная установка на службу государю помогла объяснить и оправдать сложившийся образ жизни, найти ему необходимое внешнее обоснование и поддержку. Российская государственная власть была необходима казачеству как сильный союзник во внешних конфликтах и как третейский судья — во внутренних.

Все прочие ценности (например, трудолюбие, женская честь) можно рассматривать как конкретизацию вышеуказанных основных ценностей применительно к конкретным явлениям социальной жизни. Трудолюбие можно рассматривать как реализацию установки на укрепление семьи и общины, личной независимости, женскую честь — как конкретное проявление верности своим.

С конца XVIII в. до начала 40-х г. XIX отработывались механизмы реализации устойчивых ценностных констант в новых условиях. Для этого периода характерна относительная социальная нестабильность. Период наибольшего воплощения казацкой системы ценностей в жизнь приходится на конец 40-х — конец 60-х гг. XIX в. Тогда военные и общинные структуры казаков Кубани достигли высокой степени эффективности. Во многом благодаря им победоносно завершилась Кавказская война, началось освоение Закубанья. С начала 70-х гг. XIX в. на Кубани начинается быстрая модернизация. Толчком к ней послужило разрешение в 1868 г. иногородним поселяться на войсковых землях [12] и появление в начале 70-х гг. на Кубани частновладельческих земель. В новых условиях константы системы ценностей подверглись активному внешнему воздействию и начали деформироваться. Особенно этот процесс ускорился на рубеже XIX — XX вв.

Но система ценностей изменялась медленнее, чем социальная жизнь, в которой она реализовывалась. Сохранялись её архаичные элементы. Консерватизм системы ценностей позволял сохранять преемственность поколений и единые принципы образа жизни. Наличие в ней фрагментов разных периодов происхождения обеспечивало разнообразие и гибкость. Но на рубеже XIX — XX вв. темп социально-экономической эволюции стал слишком быстрым. Опорные элементы системы — вера, воля и престиж военного дела — стали терять свою значимость. Междоусобное противостояние казаков во время Гражданской войны показало, что основной компонент системы ценностей — казачество и верность ему — также начал отступать на второй план. Выдвижение на первый план таких ценностей, как материальное преуспевание, вело к нивелированию специфики системы ценностей кубанского казачества.

Библиографический список

1. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 31об — 32об. (Л. 1 — 42).
2. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 536. Л. 3 — 31об. (Л. 1 — 36).
3. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 120. Л. 2. (Л. 1 — 18).
4. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 585. Л. 20об. (Л. 1 — 23).
5. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 148. Л. 2об. (Л. 1 — 214).
6. Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев. 1956. С. 343 — 370. (С. 1 — 328).
7. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань в 1861 году с приложением документов и записки полковника Шарпа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 321 — 326. (С. 265 — 576).
8. Королёв Н.В. «На Дону нет царя». О так называемом казачьем монархизме // De Die in Diem. Памяти А.П. Пронштейна. 1919 — 1998. Ростов н/Д, 2002. С. 253. (С. 241 — 257).

9. Матвеев О.В. «Пристав от Бога» // Герои и войны в исторической памяти кубанских казаков. Краснодар, 2003. С. 176. (С. 169–182).

10. Матющенко П.П. Некоторые вопросы земельной политики царизма в казачьих областях Северного Кавказа в пореформенный период (1861 – 1914) // Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Краснодар, 1985. С. 45. (С. 42–51).

11. Назаров В.Н. Нереализованная возможность: существовало ли рыцарство на Руси в XIII – XV веках // Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 121. (С. 115–126).

12. О дозволении русским подданным невоинского сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января 1868 года по 1 января 1869 года). СПб., 1871. Т. 4. С. 62–64.

13. Приложения // Короленко П.П. Черноморцы. СПб., 1874. С. 231 – 235.

14. Тимофеевский Е. Холмская церковноприходская летопись // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1912. С. 316, 318. (С. 291 – 332).

15. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891. С. 41. (С. 1–95).

ВАСИЛЬЕВ Игорь Юрьевич, соискатель кафедры до-революционной отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 26.12.06 г.

© Васильев И. Ю.

УДК 930 (575.1)

О. А. ЕГОРЕНКО

Тольяттинский филиал
Российского государственного
социального университета

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНГЛО-РУССКОГО ПРОТИВОБОРСТВА В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ ДО И ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРОТЕКТОРАТА

В статье автор анализирует работы зарубежных историков, касающиеся противоборства Англии и России на территории Бухарского эмирата в XIX – начале XX вв. Особое внимание уделено освещению англо-русского соперничества на разных этапах развития зарубежной историографии.

Первые сведения о Бухарском эмирате появляются в зарубежной литературе с началом экономического проникновения Англии на территорию Туркестанского края. Так, например, Эверсман еще в начале 20-х годов XIX в. писал о том, что на базарах Бухары он видел много английских промышленных изделий, ввозившихся сюда персидскими и отчасти индийскими купцами [1. С. 76]. К 40-50-м гг. XIX в. ввоз в Среднюю Азию английских промышленных товаров резко усиливается. Одновременно англичане продолжали засылать в среднеазиатские ханства своих агентов в целях разведки, что нашло отражение в работах английских исследователей.

В 1838 г. под предлогом «освобождения русских пленников» из Ирана в Бухару прибыл английский полковник Стоддарт [2. С. 301-302]. На самом же деле Стоддарту было поручено заключить военный союз с Бухарой против России, о чем свидетельствует Фишер [3. С. 148]. Английский автор капитан Джеймс Эббот не скрывает, что Стоддарт был агентом-разведчиком [4. С. 94-98] и выполнял определенное правительственное задание. В конце 30-х гг. английские агенты были отправлены также в Кокандское и Хивинское ханства.

Стоддарт в своем обращении с бухарцами был груб и непочтителен, что вызвало враждебное к нему

отношение эмира Насруллы и его сановников. Попирав обычаи бухарцев, Стоддарт явился на прием к эмиру верхом и не преподнес повелителю Бухары подарка, после чего был арестован и посажен в тюрьму, где пробыл четыре года.

Вслед за Стоддартом в Среднюю Азию в сопровождении 60 афганцев приехал опытный английский разведчик капитан Конолли. Его задачей было объединение среднеазиатских ханств (Бухары, Хивы и Коканда) с целью противопоставления их России [5. С. 165]. Конолли вел переговоры по этому вопросу с хивинским ханом, но по дороге в Коканд был схвачен бухарцами и брошен в тюрьму, а затем в июле 1842 г. вместе со Стоддартом казнен [6, 7].

В январе 1840 г. Хивинское ханство посетил капитан Джеймс Эббот. В своей работе, посвященной поездке в Хиву, он отмечает, что вел переговоры с хивинским ханом Аллакули по весьма важным политическим вопросам. При этом Эббот стремился представить русских врагами среднеазиатских народов, пытающимися якобы поработить их, а англичан – искренними их друзьями [4. С. 87, 93].

Летом того же года в Хиве побывал представитель Ост-Индской компании капитан Р.Шекспир, который пытался оформить военный союз среднеазиатских ханств с Англией против России [8. С. 149]. Прав-

да, миссия Р.Шекспира не увенчалась успехом, но английские происки в Средней Азии не прекращались. Роулинсон в своей книге «Англия и Россия на Востоке» писал: «С Туркестаном у нас не было регулярных дипломатических отношений со времени возвращения Томпсона из Хивы в 1842 г., но все же практически непрерывно велась переписка между нашей миссией в Тегеране и хивинским Хазрет-ханом через специальных людей или, со времени афганской войны, через британского агента в Мешхеде. Даже из Бухары мы получали сведения о происходящих там событиях, хотя никогда не имели аккредитованного агента при бухарском дворе» [9. С. 193].

На основе путешествий в Бухару английскими исследователями написан ряд произведений, характеризующий положение Бухарского эмирата накануне русского наступления [10, 7]. Эти работы отражают англо-русское противостояние.

Соперничество между Англией и Россией за господство в Средней Азии и на Ближнем Востоке продолжалось и после установления Россией протектората над Бухарским эмиратом. Как свидетельствуют сами английские авторы [11. С. 216. 12. С. 8-9. 13. С. 10-20.], англичане по-прежнему интересовались экономическим богатством Средней Азии, а также чрезвычайно важным стратегическим положением Памира.

Даже после оформления при посредничестве Франции в 1907 г. англо-русского альянса англичане продолжили свои антирусские происки в Средней Азии [14. С. 140-148, 240, 241], стремясь ослабить в этом районе Азии позиции России.

Западные исследователи конца XIX — начала XX вв. особое внимание уделяли сюжетам завоевания территорий Бухарского эмирата Россией. Так, например, при описании битвы на Чупан-Атинской возвышенности 1 мая 1868 г. при взятии Самарканда в западной исторической литературе приводятся разные данные о численности сарбазов, участвующих в бою. Например, Пьер Кузнецов определяет их в 25 тыс. человек [15. С. 90], Джемс Гиттон — в 40 тыс. [16. С. 309], а Генри Лансдел — в 50 тыс. [17. С. 509]. Так как точные данные по этому вопросу отсутствуют в архивных и местных источниках, а также в воспоминаниях современников и востоковедческой литературе, то трудно сказать что-либо определенное о том, какая из приведенных цифр соответствует действительности. Несомненно одно: бухарские сарбазы численно в несколько раз превосходили российские войска. Но, несмотря на это, они потерпели поражение. Самарканд был захвачен, причиной чему являлась техническая отсталость войска эмира, на что единодушно указывали современники.

Покорение Россией Хивы и заключение в 1873 г. нового Русско-бухарского договора вызвали бурю протеста у англичан. Это способствовало появлению большого числа публикаций, авторы которых высказывали опасения, связанные с продвижением русских войск по направлению к Афганистану. Эти работы свидетельствуют об активизации антирусских происков в Средней Азии и Афганистане. В частности, Мэрвин пишет о том, что еще в 1872 г. в район юго-восточной части Каспийского моря был направлен капитан Мэрч, который собирал военно-политические сведения о концентрации русских войск на побережье Каспийского моря для похода на Хиву, об их численности, вооружении, военной подготовке. Затем он отправился в Тегеран, Мешхед и Герат, где также занимался сбором военно-политических сведений «...чрезвычайной важности...» [18. С. 78-88].

Английская разведка большие надежды возлагала и на миссию полковника Бэкера, в состав которой входили капитан Клейтон и лейтенант Хилло. Миссия прибыла в Туркмению и Хорасан через Закавказье, собрав на пути движения весьма важные материалы военно-политического характера, о чем свидетельствует сам полковник Бэкер [19. С. 143. 18. С. 145-147]. В описании миссии имеются интересные сведения, характеризующие колонизаторскую сущность политики Англии на Востоке. Находясь в Туркмении, англичане занимались вопросом создания из туркмен значительной боеспособной военной силы, считая их храбрыми и отважными воинами [19. С. 158-159]. Миссия Бэкера продолжительное время вела переговоры с туркменскими феодалами о заключении военного союза с Бухарой для борьбы с Россией, но безуспешно [18. С. 78-88, 145-147]. Мэрвин описывает также почти аналогичное задание, которое выполнял английский капитан Нэпир. Он пытался объединить мервцев с текинцами для последующего союза их с Бухарой [18. С. 78-88, 145-147]. Попытки Нэпира войти в тесный контакт с проанглийски настроенными туркменскими феодалами описаны в книге известного английского автора Боульжир «Англия и Россия в Центральной Азии». В частности, Нэпир вел переговоры с влиятельным туркменским феодалом Мухаммедом Багом [20. С. 19]. Однако создания антирусской коалиции он не добился. Боульжир описывает также неудачную попытку полковника Мак Грегора проникнуть с разведывательной целью в Восточную Бухару. Это происходило с ведома премьер-министра Англии Дизраэли. Последний считал Россию основным противником Англии на Востоке и всеми доступными ему средствами стремился причинить ей вред. В дальнейшем в качестве английских разведчиков Мак Грегора сменили капитан Бернаби и затем капитан Бэтлер [20. С. 150, 226]. Последний был послан в Среднюю Азию лично вице-королем Индии лордом Литтоном в целях организации туркмен ахалтекинцев и мервцев для борьбы с Россией. Но и эти разведчики, подобно своим предшественникам, не смогли реализовать поставленные перед ними английским правительством задачи.

Однако, несмотря на неудачи, англичане не расставались с идеей установления своего господства в Средней Азии: их очень привлекали ее экономические ресурсы и природные богатства [11. С. 216]. Причем англичане предпочитали действовать чужими руками. В 1884 году под давлением англичан афганский эмир начал концентрацию войск на границе Закаспийской области. 18 марта 1885 года в Ташкенте в Пендинском оазисе между афганскими войсками, которыми командовали английские офицеры во главе с генералом Лэмсденом, и русскими войсками во главе с начальником Закаспийской области генералом Комаровым произошло столкновение, окончившееся поражением афганцев [21. Л. 5]. На то, что афганскими войсками командовали английские офицеры, указывается в работах английского автора Ф. Скрайна и немецкого автора фон Вартебург [22. С. 302. 23. С. 51-52].

После инцидента в Пендинском оазисе англо-русские отношения резко обострились, английское правительство стало придерживаться открытого антирусского курса. Был выпущен ряд работ, в которых Россия изображалась захватнической державой. Маллесон, например, писал, что русские хотят захватить Индию и лихорадочно к этому готовятся в течение нескольких лет [24. С. 60-64]. О том, что Англия

стала готовиться к войне с Россией, свидетельствует Ф. Скрайн [22. С. 302]. План вторжения в Среднюю Азию был разработан генералом Мак Грегором, который считал, что после разгрома русских Российская империя должна быть разделена между государствами Западной Европы [25. С. 209]. По его плану, над Средней Азией и Кавказом должен был установиться английский протекторат, причем Бухара, Хива и Коканд подлежали превращению в английскую колонию или полуколонию. О подготовке войны между Россией и Англией в этот период свидетельствовали и русские авторы [26, 27]. Российские власти хотели использовать бухарских сарбазов в районе Средней Азии в случае войны между Россией и Англией. Количество сарбазов в связи с этим было сокращено до 10 000 человек, как указывает советский исследователь Т.Г. Тухтаметов со ссылкой на архивные документы [28. С. 53]. Такая численность сохранялась до начала XX в. В то же время английский автор Меакин утверждает, что к началу XX в. они насчитывали 14 тыс. человек [29. С. 50].

Английские авторы повествуют о торговых отношениях Бухарского эмирата с различными государствами в период протектората. Например, Добсон пишет, что особенно оживленную торговлю Бухара вела с Персией [30. С. 390-395].

В первые десятилетия XX в. появились произведения по отдельным вопросам этнографии, антропологии, географии Средней Азии, в которых нашло место и описание Бухарского эмирата [31, 32, 33]. Так, например, XVI – XXI главы книги Г. Нормана, изданной в Лондоне в 1902 г., посвящены Средней Азии. Здесь приведены краткие сведения о Бухарском эмирате [34. С. 476]. В работе Б. Жокелсона «Азиатские народы России» освещены вопросы антропологии и этнографии. В ней также содержатся сведения о территориальных, административных структурах и населении Бухарского эмирата [35]. Исследование Ж. Кунитса «Заря над Самаркандом. Возрождение Средней Азии» начинается с описания событий, связанных с бегством в Афганистан последнего мангытского эмира Сайида Алима Бахадир-хана [36].

В западной историографии XX в. значительное место занимают биографические очерки жизни и деятельности бухарских эмиров – Шахмурада (1785-1800), Хайдара (1800-1826), Насруллы (1826-1860), Музаффера (1860-1885), Абдулахада (1885-1910 гг.). Так, известный французский востоковед, профессор Парижского университета Пьер Кузнецов с возмущением писал, что бухарские эмиры ведут безобразный образ жизни; занимаются низменными делами, употребляют наркотики (опиум, гашиш), и характеризовал их как жестоких правителей и насильников [15. С. 241-242].

Западные историки в своих работах описывают административное управление Бухарского эмирата. Так, Пьер Кузнецов подробно раскрывает судопроизводство на местах [15. С. 87-88]. Уделено должное внимание также описанию бухарского духовенства [37. С. 365-385]. Дж. Уилер в третьей главе своей книги «Новая история советской Средней Азии» [38. С. 272], анализируя особенности экономики Бухарского эмирата, отмечает, что «система административного управления эмирата была наследственной, перешедшей от ирано-арабской администрации Маверраанхара, находившейся под властью Тимуридов и Аббасидского халифата. Она была простой и больше основывалась на сборе налогов и податей» [38. С. 43]. Интересно, что к такому выводу автор

пришел косвенным, аналитическим путем, без опоры на местные источники. То же можно сказать относительно его анализа административной системы и судопроизводства. Подвергая критике советских историков, Уилер считает неверным их утверждение, что экономическое положение Туркестана до прихода сюда русских было низким. Ссылаясь на данные, представленные О.Д. Чехович в 1956 г. [39], он пишет, что здесь наблюдалось определенное экономическое оживление. Экономическое оживление в Бухарском эмирате до прихода русских отмечали также С. Беккер, М. Холдсворт, Ю. Брегель [40, 41, 42] и другие.

Количественный анализ публикаций выявляет определенную особенность: в период 30 – 50-х гг. вышло заметно меньше изданий, чем в последующие десятилетия [43, 44, 45, 46], что, на наш взгляд, отражает перемены в политическом климате СССР (конец сталинской эпохи) и в мире в целом (окончание «холодной войны»). С 1953 г. обозначился новый этап образования и развития зарубежных научных центров по изучению Средней Азии, что вызвало появление большого числа публикаций. В 1953 г. в Англии на базе Центра тюркологии создается центр исследований Средней Азии (Central Asian research Center). В 1958 г. в США был принят «Закон об образовании в интересах национальной обороны», который предусматривал федеральные ассигнования на значительное расширение академической базы подготовки гуманитарных кадров и создание обширной сети востоковедческих научных центров, действующих при ведущих американских университетах. Только за первые десять лет в США было создано 98 научных центров, которые предприняли изучение почти 80 национальных языковых групп в Азии [47. С. 7].

Качественный анализ публикаций не обнаруживает резких перемен относительно проблемно-тематической стороны. Дело в том, что источниковой базой исследований являлись материалы, появлявшиеся в СССР, в том числе и в республиках Средней Азии, в открытой печати: это научная литература, периодические издания, статистические материалы, разнообразная справочная литература и т. п. Поэтому «перевешивала» политико-экономическая, культурная тематика, аналитическая публицистика. Среди них имелись и отдельные работы по историографии, где анализировались публикации XIX в. о путешествиях в Среднюю Азию, переиздавались книги того времени, например, труды Дж. Курзона, В. Жозефа и др.

Одним из первых исследователей, рассмотревших историю среднеазиатских ханств в комплексе, является М. Холдсворт. В ее обобщающей монографии «Туркестан в девятнадцатом столетии. Краткая история Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств» история ханств рассмотрена во взаимосвязи с политической историей, с особенностями административной системы, земельной собственностью, с экономическим развитием и культурной жизнью [41]. Основное внимание исследователь уделила Бухарскому эмирату как наиболее развитому государственному образованию на территории Средней Азии. Рассматривая политическую историю, административную систему, вопросы земельной собственности, экономику, завоевание территорий эмирата Россией и иные вопросы, автор отмечает, что в процессе работы она использовала труды Дж. Курзона, Р.Пирса, а также материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского госу-

дарственного военно-исторического архива, Министерства иностранных дел России, Центрального государственного архива Узбекистана. Широко привлекались при подготовке монографии труды русских историков, периодическая печать. Таким образом, М.Холдсворт удалось создать интересное исследование, оценки которого во многом совпадают с выводами отечественных ученых.

60-е гг. XX в. можно назвать самым плодотворным временем в историографии США и Англии, когда появилось наибольшее количество изданий, содержащих информационно насыщенный материал о ханствах Средней Азии, в том числе и о Бухарском эмирате. Среди них работы авторитетных западных ученых Л. Крадера, Дж. Уилера, С. Беккера, Э. Бэкона, Б. Уолша, Г. Хэмли и др. [48, 49, 38, 40, 50, 51].

В 70-е — середине 80-х гг. XX в. были опубликованы книги и статьи исследователей П. Морриса, Б. Вилфирда, Р. Крауссета [52, 53, 54], продолжившие традиции предшествующей историографии.

Политические перемены, начавшиеся с середины 80-х гг. и связанные с начавшейся в СССР «перестройкой», положили начало новому периоду в англо-американской историографии. В 1984 г. на базе кружка Средней Азии, функционирующего с 1978 г. в отделе языков и культуры Среднего Востока Колумбийского университета, был создан исследовательский центр Средней Азии. Создание научных центров продолжалось в течение 80-х гг., хотя исследования по Средней Азии в этот период рассматривались как часть исследований Среднего Востока. Именно в этот период в различных журналах, газетах, сборниках появляются многочисленные статьи и очерки о Бухаре. В работах, касающихся вопросов земельной собственности Бухарского эмирата, зарубежные исследователи в своих изысканиях опирались на работы русских и местных авторов, и при этом часто их выводы совпадали со взглядами, изложенными в указанных источниках.

Можно отметить особую важность фотодокументов и карт в освещении зарубежными историками истории Бухарского эмирата. Зарубежную историографию отличают также наличие подробной библиографии, широкое привлечение источников и стремление изучить проблему всесторонне и разнопланово.

В англо-американской историографии стало традицией в процессе исследований опираться на труды своих предшественников. Первую группу исследователей истории Бухарского эмирата в западной историографии составили диссиденты, политические эмигранты, оказавшиеся за рубежом по самым разным причинам. Вторую — местные ученые, непосредственно занимающиеся проблемами Востока. Благодаря их творческим усилиям к настоящему времени в англо-американской исторической литературе представлена довольно полная картина истории Бухарского эмирата в период протектората России.

В 80-е гг. увеличилось количество литературы по Бухарскому эмирату, переведенной с русского языка на английский. Например, книга «Миссия Игнатьева в Хиву и Бухару» [55] была переведена на английский Дж. Эвансом и под его редакцией издана в 1988 г. На английском языке была издана также монография французского исследователя К. Энкауззе [56].

Распад советского государства в 1991 г. вновь повысил интерес западной общественности к проблемам Средней Азии. В 1995 г. опубликовано инте-

ресное произведение «Центральная Азия во всемирной истории» С.Адшеада [57], которое отличается от других тем, что в нем использованы и японские исследования.

В настоящее время статьи научно-популярного характера, рецензии на публикации по истории Бухарского эмирата периодически появляются на страницах английских, американских газет и журналов типа «Royal Central Asian review», «Central Asian review», «The Russian review», «International journal of Turkish studies» и др.

Зарубежная историография англо-русского соперничества рассматривалась в трудах отечественных историков применительно к истории всего Туркестанского края. Как правило, выделялись завоевательные аспекты. Новизна данного исследования заключается в том, что автором впервые предпринята попытка комплексного рассмотрения зарубежной историографии Бухарского эмирата периода протектората России. Материал может оказать помощь в изучении истории среднеазиатских ханств, историографии второй половины XIX века, когда происходило завоевание Средней Азии Россией. Оценивая вклад западной исторической науки в изучение вопроса об англо-русском соперничестве перед установлением протектората России над Бухарским эмиратом, необходимо отметить неординарность ее подходов по сравнению с российской историографией, глубокий теоретический анализ происходящих процессов, формулировку четких концептуальных установок в оценке характера отношений имперского пространства и присоединенных территорий.

Библиографический список

1. Eversmann Ed. Orenburg nach Buchara. — Berlin, 1823.
2. Hutton J. Central Asia: from the Aryan to the Cossack. — London, 1875.
3. Fisher F.H. Afghanistan and the Central Asian question. — London, 1878.
4. Abbot James. Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the Late Russian invasion of Khiva. Vol.1. — London, 1884.
5. Соловьев М.М. Ученая экспедиция в Бухару в 1841 — 1842 гг. — М., 1936.
6. Wolff J. Narrative of a Mission to Bukhara in the years 1843 — 1845 to ascertain the fate of colonel Stoddart and captain Conolly. — New — York, 1875.
7. Grover Captain. An Appeal to the British Nation in behalf of Stoddart and Captain Conolly, now in Captivity in Bokhara. — London, 1843.
8. Macmunn G. Afghanistan. From Darius to Amanullah. — London, 1829.
9. Rawlinson H. England and Russia in the East. — London, 1875.
10. Burnes Sir A. Travels into Bukhara being an account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia in 1831 — 1833. — London, 1843.
11. Boulger D.Ch. The Life of Yakoob Beg. — London, 1878.
12. Curzon G. Problems of the Far East. — London, 1896.
13. Report on the proceeding of the Pamirs boundary comission... — Calcutta, 1897.
14. Arthur George. Life of Lord Kitchener. Vol.II. — London, 1920.
15. Kouznetsov Pierre. La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie Centrale. — Paris, 1912.
16. Hutton J. Central Asia: from the Aryan to the Cossack. — London, 1875.
17. Lansdell Henry. Russisch Zentrale Asien neben Kuldscha, Buchara, Chiwa und Merw, Zweite band. — Leipzig, 1885.

18. Marvin Ch. Reconnoitring Central Asia: pioneering adventures in the regions lying between Russia and India. — London, 1886.
19. Baker Val. Clouds in the East. — London. 1876.
20. Boulger D. Ch. England and Russia in the Central Asia. Vol. II. — London, 1897.
21. Российский государственный военный исторический архив (РГВИА). Ф.846. Оп.1. Д. 6948.
22. Skrine F.H. The Heart of Asia is History of Russian Turkistan and the Central Asian. Khanates from the earliest Times. — London, 1899.
23. Von Wartenburg. Das Vordringen der russischen Macht in Asien. — Berlin, 1900.
24. Malleson L.B. Russian — Afghan question and the invasion of India. — London, 1885.
25. Мак Грегор. Оборона Индии. Ч.1. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 43. — СПб., 1891.
26. Южаков С.Н. Англо — русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. — СПб., 1885.
27. Субботин А.П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. — СПб., 1885.
28. Тухтаметов Т.Г. Русско — бухарские отношения в конце XIX — начале XX вв. — Ташкент, 1966.
29. Meakin M.B. In Russian Turkistan. A Garden of Asia and his people. — London, 1915.
30. Dobson G. Russia's Railway advance into Central Asia. — London, 1890.
31. Wright George Fredorick. Asiatic Russia. — New York, 1903.
32. Curtis W.E. Turkestan the heart of Asia. — New York, 1911.
33. Pumpelly Raphael. Explorations in Turkestan with account of the basin of Eastern Persia and Sis tan. Exploration Raphael Pumpelly. — Washington, 1905.
34. Norman Henry. Travels and studies in contemporary European Russia. Finland Siberia the Caucuses and Central Asia. — London, 1902.
35. Jochelson B. Peoples of Asiatic Russia. — New York, 1928.
36. Kunits J. Dawn over Samarkand. The rebirth of Central Asia. — New York, 1935.
37. Olufsen O. The Emir of Bukhara and his country. — Copenhagen, 1911.
38. Wheeler G. The modern history of Soviet Central Asia. — London, 1966.
39. Чехович О.Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII — XIX вв. // Вопросы истории. 1956. №3.
40. Becker S. Russian protectorates in Central Asia, Bukhara and Khiva. 1865 — 1924. — Cambridge, 1967.
41. Holdworth M. Turkestan in the nineteenth century. A brief history of the khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. — Oxford, 1959.
42. Bregel Y. Rewriting Central Asian History. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. ORIENS. 1997. № 5.
43. Raymond D. and Steiger Andrew J. Soviet Asia democracy's First line of defence. — New York, 1942.
44. Mandel William. The Soviet Far East and Central Asia. New York, 1944; Gressey George. Asia, lands and peoples. — New York, 1944.
45. Gressey George. Asia, lands and peoples. — New York, 1944.
46. Corlis Lamont. The peoples of the Soviet Union. — New York, 1946.
47. Востоковеды США. История, социология, политические науки. 1960 — 1975. Библиографический справочник. Сост. В.И. Исаев. — М., 1978.
48. Krader L. The peoples of Central Asia. — Bloomington, 1962.
49. Wheeler G. The peoples of Soviet Central Asia. — London, 1964.
50. Bacon E. Central Asia under Russians Rule. A study in culture change. — New York, 1966.
51. Walch W.B. Walch W.B. Russia and Soviet Union. A modern history. — The University of Michigan press. 1968.
52. Africa, America and Central Asia: formal and informal Empire in nineteenth century. Edited by Morris Peter/. University of Exeter, 1984.
53. Blunt Wilfrid. The golden road to Samarkand. — London: Hamish Hamilton, 1973.
54. Qrousset R. The empire of the steppes. A history of Central Asia. — New Brunwice.
55. Mission of N.P. Ignatev to Khiva and Bukhara. 1858. Edited and translated by J.Evans. Newton Ville, Mass, 1988.
56. Encausse Carrere. Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. A translated reprint of Reforme et revolution cherries musulmans de Lempire russe. Bukhara 1867 — 1924. — London, 1966.
57. Central Asia in world history. By S.Adshead. — New Zealand, 1995.

ЕГОРЕНКО Ольга Александровна, старший преподаватель.

Статья поступила в редакцию 09.01.07

© Егоренко О. А.

Книжная полка

Кузишин В.И. История Древнего Востока: учеб. пособие. " М.: Высш. шк., 2007 — 432 с.

В учебном пособии излагается история первых цивилизаций, возникших в обширном регионе Древнего Востока: в долине Нила (Египет), рек Ефрат и Тигр (Месопотамия), Инд и Ганг (Индия), Хуанхэ и Янцзы (Китай), а также в других областях — Восточном Средиземноморье, Малой Азии, Закавказье, Аралии, на обширных просторах Иранского нагорья и Средней (Центральной) Азии. Дается характеристика древневосточной цивилизации: рассматриваются социально-экономический строй, государственное управление, основные факты культурной и религиозной истории.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования. Может быть полезно преподавателям вузов, колледжей и лицеев, учителей средних школ, а также широкому кругу читателей.

Рекомендовано УМО.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ПЕРИОДИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в. В ДВИЖЕНИИ ДЕКАБРИСТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»)

В статье на примере журнала «Русский вестник» рассматриваются взгляды русских консерваторов второй половины XIX — начала XX в. на историю движения декабристов. Выявляется, какие именно идеи консервативной доктрины на разных этапах ее эволюции стали основой для интерпретации декабризма.

Вопросы о влиянии восстания декабристов на развитие общественной мысли России второй половины XIX в., оценка типа их поведения, способов и средств борьбы представляются различными политическими течениями не раз поднимались в работах отечественных историков — С. Гессена, [1], П. Парадизова [2], И. В. Пороха [3], В. М. Тарасовой [4] и др. Однако основное внимание исследователей было сфокусировано на работах историков демократической и либеральной ориентации. Данная статья посвящена сюжету, слабо изученному в отечественной историографии, — реконструкции представлений русских консерваторов о декабризме.

По большому счету в отечественной историографии все суждения об отношении консервативного лагеря к движению декабристов базировались на материале книги М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». На наш взгляд, такой подход представляется не совсем корректным: во-первых, монография Корфа выражала лишь узкий спектр толкований небольшой группы (императорской семьи), во-вторых, неправомерно называть всех представителей правящей династии носителями консервативных идеалов, в-третьих, консервативная мысль, как и ее представления о декабризме, не оставалась неизменной, а развивалась во времени.

Исходя из данных соображений, в качестве объекта для исследования был выбран журнал «Русский вестник» как наиболее авторитетное консервативное периодическое издание второй половины XIX — начала XX в. В. А. Твардовская и другие исследователи убедительно аргументировали большое влияние журнала на формирование мировоззрения и системы ценностей образованной российской публики [5].

Тема декабризма на страницах «Русского вестника» как специальная проблема не поднималась в исследовательской литературе. В историографии суждение по данному вопросу ограничивалось замечанием М. В. Нечкиной относительно ремарки В. О. Ключевского, по мнению которого отличительными чертами декабристов были «неестественные позы, нервные судорожные жесты, вызывавшиеся местными неловкостями общих положений» [6]. В совместной монографии И. В. Курукина и М. П. Мохначевой, единственной на сегодняшний день работе, посвященной анализу исторических воззрений М. Н. Каткова и членов редакции «Русского вестника», данная тема исчерпывается цитированием не-

скольких отрывков, вырванных из контекста статей [7]. Кроме того, в силу идеологических доминант советского периода некоторые выводы кажутся несколько категоричными и нуждаются в определенной корректировке.

Прежде чем приступить к непосредственному выявлению характерных особенностей образа декабриста, присущего консервативным кругам, необходимо кратко остановиться на характеристике идейной платформы журнала. На разных этапах развития историографии русского консерватизма истории были едины во мнении, что «Русский вестник», как и его редактор и издатель М. Н. Катков, на протяжении тридцати лет определявший идейное направление издания, прошли сложную эволюцию от умеренной оппозиционности к «охранительству» и союзу с самодержавием. На наш взгляд, более верным является тезис, сформулированный С. М. Саньковой, согласно которому сущность идеологических воззрений Каткова заключалась в сочетании политики «либерального консерватизма» и идеологии «государственного национализма», по которой либерально-консервативные начала ставятся в зависимость от государственных потребностей, как он их понимал [8].

Первые упоминания о декабристах в «Русском вестнике» были связаны с публикацией журналом правительственных распоряжений, касающихся амнистии участникам движения [9]. Подобные сообщения появлялись в рубриках «Внутренние известия» или «Политическое обозрение», где целенаправленно публиковались заметки о преобразованиях, проводимых правительством Александра II. Таким образом редакция журнала соотносила амнистию декабристов с реформаторским курсом «нового царствования».

В 1860-х гг. формирование представлений о декабристах у читательской аудитории происходило посредством публикации источников личного происхождения — переписки декабристов (например, А. А. Бестужева) и воспоминаний современников.

Среди воспоминаний современников, опубликованных на страницах журнала, следует упомянуть о мемуарах Ф. Ф. Вигеля, вызвавших в обществе сильный резонанс. Из всех участников движения, по мнению автора, «настоящими революционерами» можно считать только Пестеля и Рылеева, которые единственные знали, чего хотели. В основной

же массе декабристы были представлены мемуаристом как «молодые люди, увлеченные примером обычая и распространившейся моды, почитающие свободомыслие лучшим выражением ума и познаний, коих не было в них» [10].

В воспоминаниях Ф.Ф. Торнау, встречавшегося с участниками движения во время службы на Кавказе, декабристы были представлены как «люди, получившие большей частью хорошее воспитание, некоторые с замечательными душевными качествами, испытанные несчастьем и наученные тяжелым опытом жизни» [11]. Торнау особо отмечал забвение декабристами своего прошлого и отсутствие у них способности к «политической агитации. Кроме того, он ссылаясь на свои хорошие отношения с декабристами. На наш взгляд, данное обстоятельство свидетельствует о том, что возвращение декабристов из ссылки и включение их в общественные отношения предполагало выработку определенного поведения со стороны общественности. Принадлежность к кругам, в которых вращались возвращенные из ссылки, становилась демонстрацией хорошего тона.

В 1860-х гг. «Русский вестник» предпринял публикацию писем А.А. Бестужева-Марлинского. Публикация частной переписки способствовала формированию «трагического» образа декабристов, перенесших тяжелые испытания. В качестве примера сошлемся на фрагмент письма, в котором Бестужев описывает жизнь своего брата П.А. Бестужева: «Кроме здоровья физического он потерял здесь драгоценнейшее для человека — свой разум, и тому виной было бесчеловечное обхождение с ним его двух начальников» [12].

В 1870 г. инициатором публикаций выступил историк либерального толка, редактор «Русской старины» М.И. Семевский, опубликовавший письма Бестужева к его родным. Публикации сопровождалась вступительными комментариями Семевского, в которых он стремился запрограммировать аудиторию на определенное восприятие материала, заостряя внимание читателей на конкретных сюжетах.

Прежде всего, Семевский подчеркивал, что речь пойдет не о писателе Марлинском (литературный псевдоним декабриста. — **Прим. автора**), а именно об Александре Бестужеве. Таким образом, автор делал явный намек на его декабристское прошлое. Более того, автор номинировал Бестужева как «типичнейшего представителя своего поколения», исходя из чего мы можем сделать вывод, что Семевский вышел из рамок собственно биографического исследования и попытался представить общий портрет декабристов.

В оценке Семевским Бестужева можно выделить два основных аспекта. Первый — личностные качества декабриста, с помощью которых он пытался объяснить участие Бестужева в деятельности тайных обществ. По мнению автора, это «... вполне объясняется, с одной стороны, его увлекающим пылким характером, его сердцем, возмущавшимся всякою неправдою и злом, а с другой стороны, и недостатками его нравственной личности. А недостатки эти составляли тщеславие, в постоянном стремлении первенствовать и играть роль» [13].

Важным элементом в формировании образа декабриста стало описание поведения Бестужева во время его пребывания в Сибири и на Кавказе. Описывая сибирский период жизни декабриста автор делал акцент на его стремлении к самообразованию: Бестужев учит немецкий язык, к которому питал

отвращение, читает в подлиннике Байрона и римских классиков [14]. Обращаясь к кавказскому периоду, Семевский рисует нестигаемую волю и твердость духа Бестужева, несмотря на все его жизненные трудности: «И чем тяжелее действительное положение Бестужева, невольно хоронившегося от русской публики под псевдонимом Марлинский, тем, казалось, живее работала его фантазия, тем увлекательнее вырабатывались подробности заимствованных сюжетов его повестей и рассказов» [15].

Второй аспект — политические действия Бестужева как члена тайного общества, вызывавшие неприятие Семевского, называвшего их преступными.

Можно предположить, что спонтанная или преднамеренная апология морального облика декабриста при непереносимой критике его политической деятельности являлась точкой, сближавшей «Русский вестник» с либеральной публицистикой. На наш взгляд, это можно объяснить следующими причинами. Во-первых, сохранением либеральных тенденций, характерных для журнала в первые годы после событий 1863 г. Во-вторых, сближением либерального и консервативного лагеря с целью противостояния революционно-демократической идеологии и практике, имевшем место в 1860-х гг., в котором образ декабриста, по существу, стал одним из составляющих компонентов.

Однако с конца 1860-х гг., по мере нарастания разочарования в проводимых реформах, активизации радикально настроенной народнической интеллигенции, в публицистике «Русского вестника» начинают превалировать консервативные нотки, что повлекло за собой смещение акцентов в оценке декабристов от положительно-апологетических к резко негативным.

Этой «новой» тональностью проникнуты воспоминания Н.И. Греча, опубликованные в «Русском вестнике» в 1868 г. Воспоминания были написаны в виде 31 краткой биографии участников движения и содержали многочисленные негативные характеристики декабристов, суть которых сводилась к следующим фразам: «Это были благонравные дети, играющие обоюдно острыми кинжалами, сжигающие фейерверк под пороховыми бочками», «гордые аристократы, надутые чувством своей породы, знатности и богатства, смотрели с оскорбительным презрением на людей незнатных и небогатых» [16].

Дальнейшее развитие данный образ получил в биографии М.Н. Муравьева, написанной Д.И. Кропотковым, где автор достаточно полно и аргументированно (естественно, сообразуясь с собственными взглядами) представил историю движения декабристов, стремясь рассмотреть ее как в широком историческом контексте, так и в единстве его составляющих частей.

Размышляя над причинами возникновения тайных обществ в первой четверти XIX в., Кропотков не находил их в российской действительности. По его представлению, ни страдания народа, ни аракчеевщина, ни строгие меры правительства, принятые им относительно возмущения Семеновского полка, не были в списке причин, породивших их создание. Главная причина, по мнению автора, заключалась в том влиянии, которое оказывали на молодежь западно-европейские идеи. Как подтверждение своего вывода Кропотков акцентировал внимание читателей на том, что многие видные деятели декабристского движения либо получили образование за границей, либо воспитывались иностранными, преимущественно французскими, гувернерами. Именно эта

привычка «с детства вращаться между иностранцами и усвоение от них убеждения, что только чужеземные формы политической жизни могут оживить Россию» [17], согласно рассуждениям автора, побудила участников тайных обществ заняться переустройством государства.

Кропотов поднял вопрос и о моральном праве декабристов сделать счастливым свой народ, напрямую связывая это с проблемой вовлечения в восстание солдат, замечая, что «нижние чины были слепыми орудиями, действовавшими бессознательно для поддержания тех замыслов, которые не только были чужды, но даже ненавистны» [18].

Значительный вклад в формирование негативного образа декабриста внес один из участников декабристского движения — Д.И. Завалишин, на протяжении тридцати лет являвшийся постоянным сотрудником «Русского вестника». Статья Завалишина «Декабристы» была продолжением полемики, развернувшейся в 1870 — начале 1880-х гг. среди оставшихся в живых участников движения, и стала ответом его противникам П.Н. Свистуну и А.Ф. Фролову. В оценке своих бывших товарищей Завалишин был весьма близок к Гречу и Кропотovu. В его представлении у большинства декабристов были «личные цели на первом плане, совершенный хаос в понятиях...» [19]. Вместе с тем нельзя не заметить и существования некоторых противоречий во взглядах Завалишина. В само понятие «декабрист» он вкладывал огромное нравственное значение, выводя в ранг «почетного звания, которое ему втайне приписывали». Однако в движении были люди, «дурная примесь» которых «портила все дело, которое само давалось им в руки, и навлекала нарекания на всех, кто действительно жертвовал собой». Таким образом, критика Завалишиным декабризма в основном сводилась к критике отдельных лиц, в частности Рылеева.

Итак, можно констатировать, что в 1870-е гг. в публицистике «Русского вестника» складывается комплекс представлений о декабристах как о молодых аристократах, избыточное честолюбие и неумеренный авантюризм которых едва не привели Россию к гибели.

В 1880-е гг. в трактовку консерваторами образа декабриста были внесены значительные коррективы.

Первое, что обращает на себя внимание, — появление религиозных мотивов. Образ декабриста как искупившего свои грехи и «принимавшего как дар посылаемые свыше испытания и разумеющие их как орудия к душевному усовершенствованию и спасению» [20] был представлен в рецензии на мемуары А.П. Беляева. По мнению рецензента, в Сибири большинство декабристов «достигли духовного просвещения», а сами воспоминания автор сравнивал с религиозным произведением «Путешествие к святым местам инока Парфения».

Весьма интересным в данном случае представляется сравнение с характеристикой, данной участникам движения А.И. Герценом — идейным оппонентом «Русского вестника», который также использовал библейские метафоры, называя декабристов «святыми отцами», «святыми мучениками 14 декабря», «героями святой фаланги», а их возвращение из Сибири уподоблял «воскрешению». Однако если для Герцена, в соответствии с его идейно-политическими идеалами, «святость» декабристов проявлялась, прежде всего, в их стремлении принести себя в жертву ради блага других, то «Русский вестник»

делал акцент именно на смирении и раскаянии. Естественно, что ни о каком «воскрешении» декабристов не могло быть и речи, так как они изначально не являлись «святыми». И, как представляется, в данном случае нашла свое отражение популярная в консервативных кругах теория о социальной ценности религии, посредством которой осужденные декабристы смогли вернуться к общественной жизни.

Весьма симптоматичной является и конечная ремарка рецензии, в которой автор противопоставляет «политически преступных, но высоких помыслом и душою энтузиастов 1825 г.» их «скобообразным» и «звероподобным» преемникам [21].

Образ декабриста как человека, не падшего духом перед тяжелыми испытаниями, вырисовывается в рецензии Т.И. Тихонова на книгу А.И. Дмитриева-Мамонova «Декабристы в Западной Сибири».

Главный акцент автор рецензии делает на единстве и целостности личности декабристов, которая не была разрушена декабрьскими событиями и последующими годами ссылки. Декабристы смогли найти адекватные формы реализации своих юношеских стремлений: «В среде декабристов в Западной Сибири, — писал автор, сохранились умственные и нравственные интересы, которыми они жили в более счастливое время в России, в бедствиях ссылки, на поселении они оказались даже полезными местному сибирскому обществу, как и далекому и полудикому краю». Развивая данную мысль, автор отмечал, что «общественное сознание не только сохранилось у декабристов, но продолжило развиваться в том же направлении, и они оказались по возвращении в Россию на уровне со стремлениями общества..., сочувствуя тогда новому движению последовавших реформ, и со своей стороны сумели и успели внести в него свою долю» [22].

В процитированном фрагменте также обращает на себя внимание появление в журнале весьма популярного в общественном мнении пореформенной России образа декабриста как просветителя сибирского общества, или, говоря словами автора, «оазиса просвещения». Вполне резонным является вопрос — с чем же связано подобное изменение в отношении к декабристам?

Можно предположить, что в основе такого изменения лежал чистый прагматизм, связанный с особенностями подхода «Русского вестника» к решению вопроса о месте и роли дворянства в политической и культурной жизни пореформенной России. Как известно, Катков в данном процессе отводил дворянству ведущую роль, считая его средоточием «умственных и нравственных сил общества», способным заниматься не только частными интересами, но и общественными делами. В 1880-х гг., в период подготовки земской контрреформы, дворянская тема становится одной из ведущих в публицистике «Русского вестника» [23]. С учетом данного обстоятельства вполне логичным кажется предложение о том, что позитивная роль, сыгранная декабристами (в массе своей являвшимися представителями дворянского сословия) в культурном развитии Сибирского региона, их участие в подготовке крестьянской реформы стали своего рода иллюстрацией обозначенной концепции.

Итак, в эволюции представлений публицистов «Русского вестника» о движении декабристов можно выделить три периода:

1. Вторая половина 1850-х — 1860-е гг. В истории «Русского вестника» данный период характерен на-

личием либеральных тенденций с постепенным отходом на консервативные позиции. История декабризма осмысливается в русле либеральных представлений. Также стоит обратить внимание на то, что в 1860-х гг. публицистика «Русского вестника» внесла свой вклад в формирование положительного образа декабриста в глазах большинства российских интеллектуалов.

2. Конец 1860-х — начало 1880-х гг. стали своеобразной вехой в процессе осмысления консервативными публицистами истории декабризма. Именно в данный период под влиянием политических и социальных процессов, происходящих в пореформенной России, складывается комплекс негативных стереотипов в отношении декабристов. Их воплощением были следующие слова-маркеры: «шайка злодеев», «люди, не ведавшие, что творят», «молодые честолюбцы», «французы, а не русские люди».

3. В 1880-х — 1890-х гг. конструирование образа декабриста происходило вокруг ценностей традиционной дворянской культуры, переживавшей глубокий кризис. Как результат данного процесса можно считать и другую особенность в трактовке истории декабризма — на возросшей волне освободительного движения и череде террористических актов публицисты «Русского вестника» пытались противопоставить дворян-декабристов революционерам начала 1880-х гг.

Библиографический список

1. Гессен С. Декабристы перед судом истории (1825-1925). М., Л.: Изд-во «Петроград», 1925. — 365 с.
2. Парадизов П. Очерки по историографии декабристов. М. — Л.: «Московский рабочий», 1928. — 287 с.
3. Порох И.В. Герцен о революционных традициях декабристов // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Вып. 2. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1968. — С. 28-88.
4. Тарасова В.М. Происхождение либеральной концепции декабризма. // История и историки: Историография истории СССР. (Сб. статей). М.: Наука, 1965. — С. 313-332.
5. Твардовская В.А. 80-е гг. русской журналистики // Вопросы литературы. — 1972. — № 9. — С. 218.
6. Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. — Т. 1. — С. 18.

7. Курукин И.В., Мохначева М.П. Проблемы истории России в консервативной публицистике второй половины XIX — начала XX в. // Журнал «Русский вестник» 1856-1906 / Учебное пособие по спецкурсу М.: МГИАИ, 1990. — С. 66-67.

8. Санькова С.М. Либеральный консерватизм как неотъемлемая составляющая государственного национализма на примере политических воззрений М.Н. Каткова. Режим доступа: <http://www.conservatism.narod.ru/oktober2/oktober2.html>

9. Политическое обозрение // Русский вестник. — 1856. — № 8. — С. 365.

10. Вигель Ф.Ф. Воспоминания // Русский вестник. — 1865. — № 7. — С. 364.

11. Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Грузии // Русский вестник. — 1865. — № 4. — С. 700-701.

12. Письма А.А. Бестужева-Марлинского к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831—1837 годах // Русский вестник. — 1861. — № 3. — С. 313.

13. Александр Бестужев в Якутске. (Неизданные письма его к родным, 1827—1829) // Русский вестник. — 1870. — № 5. — С. 220.

14. Там же. — С. 263.

15. Александр Бестужев на Кавказе // Русский вестник. — 1870. — № 6. — С. 216.

16. Греч Н.И. Записки моей жизни // Русский вестник. — 1868. — № 6. — С. 456.

17. Кропотов Д.И. Из биографии графа М.Н. Муравьева // Русский вестник. — 1870. — № 3. — С. 33.

18. Там же. — С. 74.

19. Завалишин Д.И. Декабристы // Русский вестник. — 1884. — № 2. — С. 242.

20. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном 1805-1850. А. Беляева // Русский вестник. — 1882. — № 6. — С. 904.

21. Там же. — С. 909.

22. Тихонов Т. И. Декабристы в Западной Сибири. // Русский вестник. — 1896. — № 2. — С. 151-152.

23. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). — М.: Наука, 1978. — С. 218-219, 232-235.

ВАСИЛЬЕВА Елена Борисовна, аспирант кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 10.01.07 г.

© Васильева Е. Б.

Книжная полка

История России XIX — начала XX в.: учебник: / В.А.Георгиев, Н.Д.Ерофеев, Н.С. Киняпина и др.; Под ред. В.А.Федорова. " 3-е изд., перераб. " М.: Высш.шк.; Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 2007. " 364 с. " (Классический университетский учебник).

Книга является классическим университетским учебником. В нем освещаются проблемы социально-экономического и политического развития, внутренняя и внешняя политика России, её культура. Учтены новейшие достижения исследовательской литературы по отечественной истории, включены новые темы, например по истории Русской православной церкви, культуры и быта города и деревни. Книгу отличают новые подходы к трактовке исторических явлений и процессов.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования. Может быть полезен всем, кто интересуется отечественной историей.

Рекомендовано Минобразованием России.

УЧИТЕЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (1865—1890 гг.)

Работа посвящена, по сути, одному из главных направлений деятельности Воронежского земства — самоотверженной работе по вопросу качественного и количественного развития народного образования в крае, улучшению условий учёбы и работы. Подвижнический и целеустремленный труд земства в этом вопросе актуален и сегодня, являясь примером результативного поступательного метода реформирования системы начального образования.

Отношение к фигуре сельского учителя всегда было парадоксально двояким. С одной стороны, его образ издавна был окутан необычайным пиететом, уважением. К нему всегда шли за советом, нередко использовали как третейского судью, постоянно подчёркивая его исключительность, мудрость, образованность. С другой стороны, в крестьянской среде порой проявлялись непонятная зависть, желание насолить, обидеть лиц этой нелёгкой профессии. Что касается государственного отношения к учителям в целом и к сельским в частности, здесь также можно проследить некий двойной стандарт. Труд их всегда объявлялся почётным, но при этом оплачивался со стороны власть имущих крайне скупо.

Используя опубликованные и архивные материалы, мы постараемся пролить свет на те или иные аспекты жизни и трудовой деятельности сельских учителей нашего края в годы создания и первоначального развития в Воронежской губернии сети земских школ.

С 1 января 1864 г., согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях», на подавляющей части Российской империи вводились новые органы местного самоуправления. Земства должны были взять на себя основную тяжесть забот о хозяйственной и культурной жизни своей местности, о развитии народного образования и здравоохранения, должны были решать вопросы строительства дорог, мостов, плотин, принимать меры по борьбе с насекомыми и животными-вредителями. Воронежская губерния не стала исключением для земских нововведений. На ее территории помимо губернского земства были созданы двенадцать уездных земских учреждений самоуправления.

По земскому «Положению» 1864 г. подбор преподавательских кадров, проверка деятельности училищ, общая организация учебного процесса осуществлялись через училищные советы, формировавшиеся из выборных земских представителей [1].

Вскоре эти советы провели обследование положения народного просвещения и получили неприятные данные. Материальное положение некоторых народных школ было на крайне низком уровне, не хватало школьной мебели, наглядных пособий, не было необходимых средств для отопления, ощущался

резкий дефицит помещений и квалифицированных преподавательских кадров.

Для наглядности приведу конкретный пример: в Екатериновской слободе Острогожского уезда местный причетник, практиковавший обучение крестьянских детей, решил определить своих в соседнее Колыбельское училище, объективно сознавая низкий уровень собственных знаний и педагогических способностей [2].

Из немногочисленных полученных уездными училищными советами Воронежской губернии сведений (есть данные, что это результаты обследования всего двух или трёх уездов) было невозможно объективно оценить качественный, а главное — количественный состав учебных заведений к 1865 году. Назывались лишь приблизительные цифры — по всей губернии начальных школ было якобы около 330 [3].

В отчётах значилось, что в некоторых школах «наставниками состояли священники, не занимавшиеся учением вовсе или плохо им занимавшиеся, в других — наставниками были исключённые семинаристы, неспособные к педагогическим занятиям». Всё это заставило училищные советы «некоторых наставников вовсе уволить, а помощников назначить на их места, а в ряде народных училищ священники-преподаватели, сильно загруженные работой, были заменены на выпускников семинарий» [4].

Что касается других аспектов трудовой деятельности сельских учителей, то здесь свобода в принятии тех или иных решений по данным вопросам была у гласных уездных земств довольно обширная. Каждый уезд первоначально принимал собственные правила и принципы работы земских начальных училищ и их персонала.

На земском собрании Воронежского уезда в 1865 г. гласный П.П.Глотов поставил вопрос об изучении состояния сельских школ и о необходимости открытия при духовной семинарии курсов для подготовки сельских учителей, а в 1866 г. собрание приняло предложение о введении налога по 1 коп. на каждую десятину земли в пользу школ [5].

Конкретные сведения о заработной плате преподавателям земских школ Воронежского уезда датируются только с 1870 г. В том году уездное собрание

определило учителям 12 школ по 180 руб. в год жалованья каждому, установив такой же размер жалованья и для учителей тех школ, при которых общества будут устроены особые квартирные помещения с отоплением, освещением и наймом сторожа. По данным Ф.А.Щербины, собрание 1871 г. ассигновало на 22 школы по 180 руб. на каждую, или 3960 рублей всего, установивши правило, чтобы собственно учителям выдавалось от 120 до 240 руб. жалованья, по усмотрению управы, если в школе будет не менее 20 учащихся и содержание помещений будет производиться на счёт общества [6].

Дальнейшие шаги Воронежского уездного земства и далее способствовали привлечению на преподавательскую работу новых кадров и сохранению квалифицированных старых. В 1872 г. собрание постановило официально допустить в земские начальные школы помимо учителей и учительниц, назначив им заработную плату в размере 150 руб. в год [7].

В 1876 г. было принято решение рассылать через специальных поверенных лиц зарплату учителям в волостные правления, которые строго контролировали процесс выдачи и фиксировали посещаемость сельских преподавателей. В этом вопросе было о чём беспокоиться. Дело в том, что учительская дисциплина первых лет существования земских органов была на прежнем, дореформенном уровне. Грубость, невниманье, опоздания и даже ведение уроков в нетрезвом состоянии имели место практически во всех уездах Воронежской губернии. Показателен случай, когда учитель истории и географии Острогжского уездного училища по неясной причине пропустил в 1865/66 учебном году 248 из 364 своих уроков, то есть около 68 % занятий [8].

В целях поощрения лучших учителей Воронежское уездное земское собрание в 1878 году постановило «выдавать по 3 рубля награды за каждого мальчика, получившего свидетельство об окончании курса», и к 1880 г. ситуация в уезде была следующей: официально числилось 22 школы с 1716 мальчиками и 50 девочками, из которых окончили полный учебный курс в том же году 68 учащихся. Учительский персонал состоял из 12 учителей, 9 учительниц, 3 помощников и 20 законоучителей. Жалованье учителя получали в размере 150 руб. в год, помощники — 120 руб., а законоучителя — 40 руб. Находя недостаточным такое вознаграждение преподавателей сельских начальных земских училищ, Воронежское уездное земское собрание в том же 1880 г. постановило выдавать жалованье учителям до 200 руб. в год, а их помощникам — до 150 руб., дополнительно ассигновав помимо этого 500 руб. на всевозможные премии и награды [9].

В остальных одиннадцати уездах Воронежской губернии деятельность земских органов по «учительскому вопросу» была различной. Например, сельские общества Коротоякского уезда долгое время демонстрировали равнодушное отношение к начальным школам. К 1871 г. здесь числилось всего 17 училищ, где обучались 744 мальчика и 14 девочек. Уровень обучения, как отмечали гласные Коротоякского уездного земства, находился на крайне низком уровне, малообразованные учителя могли научить ребят лишь простой грамоте, отсюда выделение средств на поддержание земских школ велось неохотно, с задержками и скудно.

В 1881 г. в качестве эксперимента Коротоякское уездное земство учредило две передвижные школы, большую часть работ от которых взяли на себя некие Таргонский и Роменский, местные меценаты [10].

Эти училища функционировали по следующему принципу: на несколько сёл приходился один учитель, проводивший в каждой из школ определённое время. В период его отсутствия в качестве его помощников выступали старшие, наиболее отличившиеся, учащиеся. Известно, что организацией таких народных училищ активно занимались Вятское, Курское, Смоленское земства и некоторые другие. В Вятской губернии большим энтузиастом этих школ был находившийся в то время в ссылке видный издатель и общественный деятель, друг Д.И. Писарева Ф.Ф. Павленков [11].

Ситуация в Бобровском уезде также была ещё неустойчивой. Источники указывают на желание и местного населения, и гласных Бобровского земства развивать школьную сеть, но отсутствие широких материальных возможностей ограничивало эти желания. Ещё в 1869 в уезде было 62 школы, обучение в которых проводили 56 учителей, 8 помощников, 6 учительниц и 11 законоучителей.

В 1879 г. на заседании Бобровского земского собрания с яркой, эмоциональной речью выступил гласный В.И. Колюбакин, который указал, что «почти все школы страдали совершенно непригодностью помещений, недостатком в учебных пособиях, скудным содержанием учителей» и т. д., что «в некоторых школах невозможно было проводить обучение, так как потолки обвисли и грозили обвалиться, рамы выбиты, печи редко топились, не имелось ученических скамеек».

В связи с этим управа провела два заседания, на которые пригласили выступить учителей. По итогам данных встреч земское собрание 1879 г. предложило избрать школьных попечителей, которые могли бы заботиться о материальных нуждах школы, выделять необходимые средства для приобретения учебных пособий, создать небольшую библиотеку для учителей, ассигновать деньги на воскресные школы [12].

Подобное положение было и в Бирюченском уезде: местное земство не могло полностью оплатить расходы существовавших школ, деля это бремя с сельскими обществами. Отсюда открытие новых училищ, повышение заработной платы учителям инициировались, прежде всего, решениями сельских сходов, меценатами или просто совестливыми людьми. Противоположная ситуация сложилась в Богучарском уезде, активная земская деятельность в котором порой даже настораживала коронные власти. Уже в 1867 г. в уезде функционировало 48 школ, учителями в которых являлись в основном священники с оплатой до 100 руб. в год, а в некоторых училищах были помощники учителей с жалованьем 75 руб.

Проявив редкую для того времени самостоятельность, Богучарское уездное земство уже в первые два года своей работы постановило: назначать учителей в школы только после утверждения их кандидатур в земской управе, которая была вправе «проэкз-меновать соискателя».

В 1871 г. местное земское собрание выделило 125 руб. на съезды учителей для изучения передовой методики преподавания. Ассигновка земства на образование уже в 1874 году равнялась 10 000 руб. К тому же в 1877 г. на дополнительное жалованье учителям и их помощникам местные сельские общества израсходовали 3994 руб.

Подобное покровительство не могло не сказаться на качестве преподавания в начальных школах. Учителя дорожили своей работой, текущая кадровая практика отсутствовала, профессионализм и опыт в

преподавательских кругах прогрессировали. Собрание 1888 г. утвердило: учителям, получавшим 200 руб. в год, жалование могло быть повышено до 240 руб. после пятилетней добросовестной службы [13].

В докладе земской управы Валуйского уезда собранию 1866 г. есть сведения о состоянии народного образования в уезде до открытия земских учреждений. Обучением детей в большинстве сельских школ занималось в основном духовенство. Учебный процесс был организован плохо. Зарплату учителя получали от сельских обществ, причём везде она была разной. Например, в слободе Конопляновке учитель — местный дьячок, получал вознаграждение от родителей «по их усмотрению».

Сразу же земское собрание постановило выделить 3000 руб. на «поддержание сельских школ в уезде и устройство новых». В докладе управы собранию 1875 г. отмечено уменьшение учащихся в этом году на 172 человека. Причину этого Валуйская земская управа видела в недостаточном количестве квалифицированных педагогов. На этом же собрании был заслушан проект управы о пенсиях сельских учителей, которые могли бы после 20 лет службы иметь пенсию в размере половины получаемого жалования. Проект был одобрен, но затем в течение многих лет вопрос о пенсиях народным учителям уезда неоднократно обсуждался на земских собраниях, выдержал ряд замечаний попечителя Харьковского учебного округа, но был оставлен открытым [14].

Вопрос о преподавательских пенсиях широко обсуждался и на заседаниях Павловского уездного земства. Любопытно, что здесь долгое время не была определена постоянная сумма жалования учителям, а существовала поощрительная система для педагогов и сельских обществ. Только в 1872 г. денежные награды учителям были заменены регулярной зарплатой. Через шесть лет член училищного совета С.М. Потапьев выступил с обстоятельным докладом и внёс предложение о выплате пенсий учителям, прослужившим более 25 лет в земских школах. Несмотря на широкий общественный резонанс, проект Потапьева не был осуществлён [15].

Стремясь привлечь в свои «подведомственные» начальные школы настоящих учителей — профессионалов, опытных практиков, земства периодически вводили дополнительные материальные отчисления в пользу преподавателей, получивших «отменное образование», имевших весомый опыт работы. Особое расположение со стороны училищных советов получали женатые преподаватели, у которых были свои дети, т. к. считалось, что «тот учитель, кто своих детей имеет, он лучше по своим детям рассуждать будет и о учениках; словом, учитель должен быть ученикам отец...» [16].

Из полученных местным училищным советом сведений следовало, что в 1865 г. в Острогожском уезде официально числилось 60 учителей и 4 учительницы при общем числе начальных школ, равном 50 [17]. После двухлетнего разбирательства и сбора реальной информации о состоянии народного просвещения в Острогожском уезде местное земское собрание 1867 г. постановило выдавать в качестве жалования преподавателям по 100 — 120 руб. в год, а их помощникам — по 60 руб. в год. Помимо этого «вновь определявшиеся учителя» получали на путевые расходы по 10 руб. [18].

В 1870 г. в Острогожском уезде преподавали в 41 земской народной школе 57 педагогов, в числе которых было 4 женщины. Учителей имелось 39, из них 13 священников, 1 причетник, 9 окончивших курс в

духовной семинарии и 1 окончивший курс на земских педагогических курсах при Воронежской гимназии, а остальные — недоучившиеся слушатели различных учебных заведений. Помощников учителей состояло 4, из них два причетника. Особых законоучителей было 10: семь священников, два дьякона и один — выпускник духовной семинарии. В двух училищах, в слободе Шапошниковской и хуторе Неровном, учителями состояли два грамотных крестьянина [19]. Увеличение учителей со средним образованием дало возможность заменить буквослагательный способ обучения звуковым, а уездное собрание того же 1870 г. увеличило жалование преподавателям, окончившим семинарию, которое теперь составляло 180 рублей в год [20].

За восемь лет, с 1867 по 1875 гг., финансовая помощь Острогожского уездного земства увеличилась почти в полтора раза (с 6 968 до 10 204 руб. соответственно) [21]. Пусть в скромных размерах, но денежное содержание учителей постепенно повышалось. Примечательно, что 83 % от земской ассигновки 1875 года пошло на жалование учителям (8474 руб.) [22].

Стремясь привлечь в народные школы преподавателей-женщин [23], Острогожское земство добилось увеличения их числа к 1 июня 1878 г. до двадцати пяти. Всего же к этому времени преподавателей насчитывалось 79 (19 законоучителей и 35 учителей мужского пола) [24].

Ввиду явного улучшения качества преподавания в острогожских школах училищный совет в 1887 г. выступил с предложением пересмотреть тарифные ставки учителей в сторону их количественного увеличения. С этого времени жалование учителям подразделялось на три разряда: 1) в 240 руб.; 2) в 180 руб. и 3) в 120 руб. в год. С окладом первого разряда учителя, — и непременно учителя, а не учительницы, — должны быть в школах, которые издавна существуют, где сильна потребность в грамотности и где общества обяжутся вносить на нужды школы по 80 руб. в год в распоряжение управы; учителя и учительницы с окладом в 180 руб. назначаются в те школы, по которым сельские общества примут на себя последнее обязательство о 80-рублёвых взносах; наконец, последний разряд учителей и учительниц предназначался в школы, для которых обществами давались лишь помещение, отопление и квартира.

В 1888 г. в 67 земских народных училищах преподавали 126 учителей (не считая их помощников), из них 48 законоучителей (из которых семеро были выпускниками духовных семинарий), 78 наставников (из них 37 — учительниц) [25]. Каждый пятый преподаватель (24 человека) окончил специализированное учебное педагогическое заведение, и только семеро имели лишь домашнее образование. Столь перспективная квалификация народных учителей требовала и новых, повышенных капиталовложений со стороны Острогожского земства. В общей сумме сельские преподаватели уезда получили на зарплату в 1888 г. 19 577 руб., а в качестве дополнительных премиальных за выслугу лет земские учреждения выделили ещё 265 рублей [26]. С 1888 г. училищный совет инициировал выдачу периодических ассигнований некоторым преподавателям частных школ грамоты и церковно-приходских школ [27].

Говоря о деятельности земских органов Задонского, Землянского, Нижнедевицкого и Новохопёрского уездов, надо отметить их общие чаяния по вопросу финансового обеспечения учителей народных школ. Из года в год повышая ассигнования на данную сферу, они добились увеличения зарплаты пре-

подавателям в среднем до 250-270 руб. в год, были приняты нормы пенсионного обеспечения, периодически проходили учительские съезды. Новохопёрское уездное земское собрание, например, поручило в 1876 г. управе ежегодно за земский счёт отправлять в Тамбовский Екатеринбургский учительский институт по одному отличившемуся учителю [28].

Характеризуя деятельность Воронежского губернского земства, необходимо упомянуть о том, что оно осуществляло общий руководящий контроль, занимаясь в основном вопросами подготовки народных учителей, проблемами статистического анализа, финансовым посредничеством. В 1873 г. губернский училищный совет и губернская управа предложили провести съезд учителей. Устроить эти курсы предполагалось по программе, подготовленной известным педагогом Н.Ф. Бунаковым, теоретиком и практиком начальной школы, «учителем учителей», неоднократно выезжавшим для чтения лекций на съезды учителей в Кострому, Псков, Курск, Тамбов, Великие Луки, Херсон, Одессу, Ярославль и другие города [29]. Но уже тогда Николай Фёдорович ходил в «неблагонадежных», и попечитель Харьковского учебного округа не утвердил Бунакова руководителем курсов, объясняя это тем, что не знает лично такого педагога [30].

О масштабах деятельности Воронежского губернского земства свидетельствует статистика, данные которой всё же, к сожалению, недостаточно полны. Лишь в 1877 г. были собраны сведения о начальных школах в губернии по всем двенадцати уездам. Школ на тот момент насчитывалось 439, а уже через десять лет их было уже 557. К 1884 г. в 12 уездах Воронежской губернии преподавало в 539 школах 706 учителей и 477 законоучителей, 158 человек из которых имели специальное педагогическое образование, 1 — высшее, 242 — среднее, 247 — низшее, 58 — домашнее. Земские расходы на 1884 год исчислялись 244 575 руб., из которых только на оплату преподавательского труда было истрачено 162 991 руб., т. е. около 67% [31].

К 1889 г. земские учреждения губернии пришли со следующими результатами. В 560 начальных школах проходили своё обучение 36 146 мальчиков и 4885 девочек, на жалованье 783 преподавателям и 503 законоучителям было выделено 178 606 руб., или 71% от числа всей «образовательной ассигновки» на этот год (252 011 руб.) [32].

Таким образом, Воронежское земство за несколько десятилетий своего существования сумело резко изменить положение учителей народных школ. В результате его кропотливой, выверенной работы удалось увеличить численность преподавателей, значительно вырос качественный уровень этих педагогов, были привлечены выпускники и, что также важно, выпускницы специальных педагогических заведений, курсов, была налажена преемственность поколений, появлялись целые учительские династии, дисциплинированность, солидность, обходительность, уважение к учащимся, трезвость пришли на смену прежним «качествам» «педагогов»: разболтанности, безответственности, бездарности и пьянству.

Библиографический список

1. Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края. XVIII — начало XX века. Воронеж, 1999. С. 189.
2. Народное образование в Острогожском уезде. С планами школ и картою грамотности. Воронеж, 1887. С. 26.
3. Щербина Ф.А. Воронежское земство 1865—1889. Воронеж, 1891. С. 92.
4. Там же. С.529.
5. Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. Указ.соч. С. 189.
6. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 485.
7. Там же. С. 491.
8. ГАВО (Государственный архив Воронежской области), ф. 64 (дирекции народных училищ Воронежской губернии), оп. 1, д.221, л. 5.
9. Щербина Ф.А. Указ. соч. С.492.
10. Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. Указ.соч. С.198.
11. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. Под редакцией А.И. Пискунова. М., 1976. С. 97.
12. Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. Указ.соч. С.201.
13. Там же. С.205.
14. Там же. С.209.
15. Там же. С. 206.
16. Там же. С. 411.
17. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 528.
18. Народное образование в Острогожском уезде. С планами школ и картою грамотности. Воронеж, 1887. С.6.
19. Там же. С. 7.
20. Моногаров Ю.Н. Становление и развитие народного образования в Острогожском уезде и влияние на него местных органов земского самоуправления // Новик. Воронеж, 2003. № 8. С. 134.
21. Щербина Ф.А. Указ. соч. С.528 — 530.
22. Журналы Острогожского очередного уездного земского собрания. Сессии 1878 года. С докладами, отчётами и другими приложениями. Острогожск, 1879. С. 257.
23. Народное образование в Острогожском уезде. С планами школ и картою грамотности. Воронеж, 1887. С. 8.
24. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 532.
25. Журналы Острогожского очередного уездного земского собрания. Сессии 1889 года. С докладами, отчётами и другими приложениями. Острогожск, 1890. С. 98.
26. Там же. С. 99.
27. Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. Указ.соч. С.207.
28. Там же. С. 210.
29. Моногаров Ю.Н. Н.Ф.Бунаков против Л.Н.Толстого: идейное столкновение двух русских педагогов// Воронежская неделя. 2004. № 22.
30. Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. Указ.соч. С. 211.
31. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 93.
32. Там же. С. 94.

МОНОГАРОВ Юрий Николаевич, аспирант кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета, преподаватель Российского государственного социального университета (филиал в г. Воронеж).

Статья поступила в редакцию 10.01.07 г.

© Моногаров Ю. Н.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКЦИЗНАЯ ПОЛИТИКА, ВИННАЯ МОНОПОЛИЯ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основании проведенных исследований рассмотрены особенности проведения государственной акцизной политики и винной монополии в Западной Сибири в конце XIX — начале XX века, отмечены их негативные и положительные последствия для населения данного региона.

Модернизация, охватившая Российскую империю во второй половине XIX века, не обошла стороной и ее окраины, в том числе и Западную Сибирь. Многие исследователи отмечают как положительные, так и негативные стороны модернизационных процессов [1]. На наш взгляд, к негативной стороне модернизационных процессов можно отнести винную монополию, введенную государством в конце XIX века, хотя она и являлась одним из важнейших финансовых рычагов российской модернизации. Винной монополии предшествовала акцизная политика государства. Главной целью и акцизной политики, и винной монополии, прежде всего, являлось извлечение максимальных доходов в государственную казну с продажи алкогольной продукции. В 1863 г. был решен вопрос о передаче казенных винокуренных заводов Сибири «в ведение губернских акцизных управлений Западной и Восточной Сибири». До 1863 г. в Сибири казенные винокуренные заводы управлялись казенными палатами и состояли под особым надзором генерал-губернаторов. Всего заводов было три: два — Успенский и Екатерининский — в Западной Сибири и один — Александровский — в Восточной Сибири, из них «первые два отданы разным лицам в арендное содержание, ... а Александровский завод по неявке желающих снять его в аренду — оставлен недействующим». Министр финансов М.Х. Рейтерн считал, что управление этими заводами обременительно для местных казенных палат, в то время как акцизные чиновники «могли бы с большей пользой для дела принять на себя обязанности... казенных палат» [2].

«Положение о казенной продаже питей» было утверждено 6 июня 1894 года. Сначала реформа касалась лишь 4 восточных российских губерний — Пермской, Оренбургской, Уфимской и Самарской, затем последовательно на протяжении 10 лет она была проведена по всем регионам России.

В 1898 г. были приняты конкретные меры по проведению питейной реформы в Тобольской, Томской губерниях и в Акмолинской, Семипалатинской областях. 28 февраля 1898 г. на совещании в Министерстве финансов было выработано заключение по вопросу об установлении казенной продажи питей в Западной Сибири, где определялись территории и сроки введения винной монополии в Западной Сибири, рассматривались особенности проведения здесь

питейной реформы и принимались решения по ее подготовке [3].

В ходе работы совещания было рассмотрено предложение о разделении Акцизного управления Западной Сибири «на Тобольское и Акмолинское и на Томское и Семипалатинское» и об открытии казенных очистных складов «в первом из вновь образованных управлений в городах Тобольске, Тюмени, Кургане, Ишиме, Таре, Петропавловске и Омске с ежегодной производительностью каждого от 100 — 200 000 ведер», а во втором управлении «предположено открыть девять очистных складов в городах Томске, Мариинске, Каинске, Барнауле, Бийске, Кузнецке, Семипалатинске, в селе Камень Барнаульской округи и в селе Белоглазове Змеиногорской округи с ежегодной производительностью от 60 — 200 000 ведер» [4].

Анализируя работу центральных имперских органов по введению винной монополии, можно прийти к следующим выводам: во-первых, царское правительство учитывало при введении питейной монополии в Западной Сибири особенности этого региона — огромные пространства, состояние экономики и неоднородный состав населения; во-вторых, казенная винная монополия, вводимая в Российской империи с 1895 г., заменяла акцизную систему взимания питейного дохода, которая стала неэффективной как в фискальном, так и в социальном отношении. Питейный доход падал, а население все больше спаивалось кабатчиками.

Население Западно-Сибирского региона (как, впрочем, и других частей Российской империи) отреагировало на акцизную политику и казенную монополию в типично русской традиции и начало по своему «бороться» с ними, занявшись самогонноварением и беспатентной продажей вина. На заседаниях окружных судов губерний Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. довольно часто рассматривались дела о нарушении «казенной продажи питей». Примечательно, что информация о таких преступлениях в административно-надзорные органы чаще всего предоставлялась односельчанами или соседями нарушителей правил торговли. Должностные лица выявляли подобные нарушения не чаще других. Приговоры по таким делам обычно содержали в себе решение суда о выплате штрафа (половина которого отдавалась открывателю), а также взыскание патентного

годового сбора за торговлю вином. Денежный штраф мог заменяться арестом на срок от одного до десяти дней. Но когда нарушителями являлись ссыльные, они подвергались более суровому наказанию — аресту до двух месяцев.

В 1888 г. акцизным надсмотрщиком Любимовым в г. Томске был составлен протокол по содержанию мешанами Б. Фуксманом и М. Перскиным портерной лавки по чужому патенту и продаже вина Перскиным из этой же лавки. 5 октября 1888 г. акцизный управляющий по данным нарушениям составил постановление следующего содержания: «1. Евреев мешан Б. Фуксмана и М. Перскина подвергнуть по равной части денежному взысканию, равному цене годового патента на портерную лавку в местности 2-го разряда, т.е. 20 руб., из которых одну половину обратить в доход казны, а другую выдать открывателю нарушения надсмотрщику Любимову; сверх того обязать Фуксмана и Перскина уплатить стоимость годового патента на портерную лавку... всего 35 руб., из которых 30 руб. обратить в доход казны и 5 руб. — в губернский земский сбор; 2. Мещанина М. Перскина за продажу вина из портерной лавки подвергнуть денежному взысканию, равному половине цены патента на питейные заведения в местности 2-го разряда, т.е. 140 руб., из коих одну половину обратить в доход казны, а другую выдать надсмотрщику Любимову. Кроме сего, обязать М. Перскина уплатить стоимость годового патента на питейное заведение... всего 362 руб. 50 коп., из которых 290 руб. обратить в доход казны, а 72 руб. 50 коп. — в земский сбор» [5].

Другой пример. 3 октября 1896 года в Курганском окружном суде рассматривалось дело крестьянки Дарьи Кокориной, осужденной за беспощинную торговлю вином. Осужденная была приговорена к штрафу размером в пять рублей в пользу открывателя сельского старосты Кискина либо одному дню ареста [6].

Как уже отмечалось выше, дела о незаконной торговле вином в окружных судах были довольно частым явлением. Например, только в октябре 1896 года Курганский окружной суд рассмотрел двенадцать аналогичных дел.

Один из способов борьбы с самогонварением и незаконной безакцизной продажей вина имперская власть видела в открытии подконтрольных питейных заведений в городе и в деревне. Зауральский педагог и священник того времени К.Я. Маляревский отмечал, что до конца 1870-х годов в Курганском уезде почти не было кабаков, но в эти годы (1879-1881) по-

явились насельщики (переселенцы), которые требовали вина. «Потребители явились: явились и поставщики». В деревне Кошкиной стала торговать «некая Андреевна, а в Носилках — Ивановна, были и другие. Решили все же открыть кабак, чтобы хоть акциз шёл. Открыли — и пьянство только усилилось» [7]. На совещании в Министерстве финансов 28 февраля 1898 г. отмечалось «увеличение числа питейных заведений, содержимых непосредственно крестьянскими обществами». Таких заведений на территории подведомственной Управлению акцизными сборами Западной Сибири было: в 1890 г. — 19, в 1891 г. — 138, в 1892 г. — 230, в 1893 г. — 282, в 1894 г. — 327, в 1895 г. — 528 и в 1896 г. — 817 [8].

Подобная политика государства привела к дальнейшему росту пьянства в городе и деревне. Один из корреспондентов «Тобольских епархиальных ведомостей» приводит следующие данные по числу продажи вина в Тобольской губернии: в 1902 году было продано вина и водки на 3 млн руб., в 1903 г. — на 7 млн руб., в 1905 г. — на 9 млн руб., а в 1906 г. — на 10 млн руб. (9). Интересно в данном случае сравнить производство и потребление алкогольной продукции населением Западной Сибири с населением других регионов России. Приведем статистические данные, составленные в виде таблицы (табл. 1) [10].

При анализе данной таблицы можно сделать несколько выводов. Во-первых, потребление спирта в Западной Сибири существенно опережало его производство. Вероятнее всего, недостающие 1 миллион 605 тысяч ведер спирта ввозились в Западную Сибирь из других губерний России, но в данном случае мы не исключаем и другого источника восполнения недостающего спирта: его производства местными жителями кустарным способом, т.е. обычным самогонварением. Во-вторых, на первый взгляд кажется, что Западная Сибирь в потреблении спирта на душу в переводе на литр занимала вполне «благопристойное» пятое место из семи крупных регионов России. Однако в целом в производстве и потреблении спирта Западная Сибирь занимала «почетное» второе место по всей России, уступая лишь России Европейской, где количество населения значительно выше рассматриваемого региона.

Таким образом, акцизная политика и винная монополия, введенные имперскими органами власти, вызвали значительный рост пьянства и алкоголизма среди всего населения Российской империи, в том числе и в Западной Сибири. Самое печальное, что пьянство распространялось не только среди взрослых, но и среди подростков и детей. Сибирский на-

Таблица 1
Производство и потребление спирта в России в 1912–1913 гг. (ведер, 40 град.)

Регионы России	Число губерний	Производство, тыс. ведер	Потребление, тыс. ведер	На душу, в переводе на литр
Европейская Россия	50	100104	86071	8,2
Кавказ	3	2164	3922	8,6
Закавказье	2	57	371	2,9
Западная Сибирь	4	4097	5702	7,5
Восточная Сибирь	2	1578	1513	11,0
Приамурский край	2	617	1049	15,0
Туркестан	3	308	562	1,7
Итого	66	108875	98640	8,0

родник П. Головачев писал: «Пьянство детей и подростков, насколько оно показывается на улицах, развито в Тюмени в громадных размерах. Мы часто встречали детей 10-12 лет со всеми признаками алкогольного отравления, шатающихся, с громкой бессвязной речью, с неестественно оживленными лицами. Иногда эти несчастные дети собираются в целые компании. Однажды мы встретили 16-летнего подростка в состоянии полной бессознательности... В другой раз мы наткнулись на еще более возмутительную картину: пьяного отца и еще более пьяного его маленького сына, мальчика четырех лет; несчастный мальчик тщетно пытался встать и сделать несколько шагов — всякий раз он со всего размаха падал на землю... Отец стоял и смотрел на сына с пьяной улыбкой... В дни иллюминации, особенно летом, по улицам расхаживают целые толпы пьяных подростков, обижаят женщин, производят нападения на прохожих...» [11].

Пьянство, в свою очередь, вызвало существенный рост уголовных преступлений, правонарушений и хулиганства среди сельского и городского населения в Западной Сибири. Об этом свидетельствует количество преступлений и правонарушений, совершенных крестьянами в нетрезвом виде, рассмотренных в волостных судах западно-сибирских губерний в конце XIX — начале XX в.

Приведем несколько примеров. В селе Емуртлинском Ялуторовского округа Тобольской губернии на Пасху 1896 г. трое приятелей решили поколотить своего старого врага Якова Храмцова и напали на него. Однако у Якова оказался нож, и в этой драке один из нападавших был им зарезан [12].

В городе Кургане в 1907 г. пьяные хулиганы напали на одиннадцатилетнего мальчика, который нес молоко. Женщина, пытавшаяся за него заступиться, едва спаслась от них бегством [13].

В 1913 г. в «Тобольских епархиальных ведомостях» священник села Чинеевского Курганского уезда также приводит печальные примеры последствий роста пьянства. Толпа молодых людей посреди улицы убила своего товарища, молодой парень среди бела дня застрелил девушку, почти ребенка.

В общественно-политическом журнале того времени «Сибирские вопросы» писалось: «Сибирская деревня стоном стонет... Сокрушение ребер или расквашивание носов под пьяную руку бывало и раньше, но всегда имело под собой какую-то подкладку... Теперь же развилось озорство ради озорства, носящее все черты хулиганства. Вошло, можно сказать, в обычай, что после каждого праздника часть деревенских обывателей недосчитывается либо стекол, либо зубов» [14].

Таким образом, винная монополия, введенная государством в конце XIX — начале XX в., дала России определенные средства для проведения технической модернизации, существенно увеличила рост государственных доходов. Об этом свидетельствует доходная часть бюджета России за 1900 и 1913 гг., в котором косвенные налоги (главной статьей которых был питейный акциз и сборы) составляли в 1900 г. 38,6% и в 1913 г. 20,7% всех денежных поступлений в государственный бюджет страны. Примечательно,

что в расходной части бюджета России Министерство народного просвещения и Министерство путей сообщения занимали первое и второе места в 1900 г. среди других государственных министерств, опережая даже «силовые» министерства [15]. Но одновременно эта же акцизная политика и винная монополия вызвала новые виды преступлений (самооголовоение, безакцизную продажу вина), рост пьянства, а вместе с ними и рост уголовной преступности и хулиганства по всей России, в том числе и в Западной Сибири.

Библиографический список

1. Российская модернизация проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. №7; Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Русская история: проблемы ментальности. М., 1994; Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995; Поляков А. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. №3; Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: историко-культурный аспект. М., 1998; Андреева Т.А. Особенности российской модернизации в свете современного исторического знания // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Опыт российских модернизаций XVII-XX вв. М., 2000; Алексеев В.В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Екатеринбург, 2000; Алексеева Е.В. Государственная власть и модернизация Российской империи: детерминанты и константы // История отечественного государства и права: Методология изучения и методика преподавания. Екатеринбург, 2001. и др.
2. Российский исторический архив (далее РГИА). Ф.574. Оп. 2. Д.151. Л.1-2.
3. РГИА. Ф.575. Оп.2. Д.1243. Л.11-15.
4. Там же. Л.14.
5. РГИА. Ф.574. Оп.2. Д.1594. Л.4-5.
6. Государственный архив Курганской области (далее ГАКО). Ф.236. Оп.1. Д.114. Л.9.
7. ГАКО. Ф.189. Оп.1. Д.204. Л.1-4.
8. РГИА. Ф.575. Оп.2. Д.1243. Л.12.
9. Школьный листок. Приложение к Тобольским епархиальным ведомостям. 1910. № 24.
10. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 183-195.
11. Головачев П. Тюмень как гнездо народного невежества // Сибирский листок. 1890-1893. Тюмень, 2003. С. 557.
12. Тобольские губернские ведомости. 1896. №16.
13. Курганские известия. 1907. 7 октября.
14. Сибирские хулиганы // Сибирские вопросы. 1911. № 20-21. С. 61.
15. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1902 г. СПб., 1903. С. 35-45; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 36-42.

ФЕДОРОВ С.Г.

Статья поступила в редакцию 27.12.06 г.

© Федоров С. Г.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ-КРЕСТЬЯНКИ В 1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Автор обращается к изучению проблем, возникавших в повседневной жизни женщины-крестьянки в 1920-е гг., в условиях социокультурных изменений, инициированных политикой государства. В статье делается вывод, что мероприятия государственной власти оказали влияние на изменение кругозора, взглядов, однако в крестьянском социуме не произошло кардинального изменения понимания гендерных ролей как женщинами, так и, прежде всего, мужским населением.

В последнее время в исторической науке возрос интерес к изучению социальных проблем развития общества, особенно к исследованию повседневной жизни людей, которое позволяет заглянуть в глубины народной жизни, расширяет границы предмета исследования.

В связи с этим особый интерес представляют 1920-е гг., когда наряду со старыми традициями в повседневной жизни российской деревни стали появляться черты нового уклада, стали меняться сознание крестьян, система отношений, вырабатывались новые мировоззренческие ориентации. Как и в любом обществе, переживающем период перемен, доминирование той или иной тенденции в повседневной жизни уральской деревни во многом определялось поведением женщины, которая стала играть весьма существенную роль в жизни села.

Исходя из вышесказанного, цель данной статьи состоит в описании проявлений традиций и новаций в повседневной жизни женщин-крестьянок, живших на территории Уральского региона в 1920-е гг.

В статье решаются следующие исследовательские задачи:

- показать сохранение традиционных черт в образе жизни женщины-крестьянки;
- проследить изменения, наметившиеся в 1920-е гг. в повседневной жизни женщины-крестьянки под воздействием государственной политики, на материалах Уральского региона.

Актуальность специального изучения заявленной проблемы обуславливается не только наметившимся в последнее время интересом к сюжетам истории повседневности, но и малой изученностью данной темы.

Несмотря на то что первые исследования образа жизни крестьян появились уже в 1920-е гг., когда многочисленные экспедиции краеведческих организаций и статистических управлений тщательно изучали бюджеты, структуру крестьянских хозяйств, динамику их развития, повседневная жизнь женщины в 1920-е гг. не являлась предметом специального исследования отечественных историков.

Это касается работ советских ученых, занимавшихся изучением социальной истории крестьянства, таких, как: Данилов В.П., Ефременков Н.В., Фунтов А.Ф., Чуфаров В.Г. [1] Современные исследова-

тели крестьянства, такие, как Корнилов Г.Е., Козлов В.А., Кузнецов И.С., Поршнева О.С., Попов М.В. [2], также не изучали специально проблем повседневной жизни женщин-крестьянок, однако рассматривали некоторые аспекты попутно в связи с раскрытием основных сюжетов исследований.

Образ жизни уральского сельского населения в 1920-е гг. по-прежнему носил традиционные черты. Сельчане жили в деревянных избах с одной комнатой, с полатами, с лавками по углам и столом. Русская печь, обмазанная глиной, занимала четвертую часть избы. Даже в 1929 г. в Свердловском округе Уральской области в селах Буддзи и Воздвиженка, по данным выборочных статистических обследований, на 10 семей в среднем приходилось 8 кроватей, 7,3 стула, 6,1 шкафа. Лишь в каждой третьей крестьянской избе висели настенные часы. Зато 92,1 % семей в избах имели иконы [3].

Вот как описывает побывавший в марте 1926 г. в Верхне-Камском округе Уральской области врач И. Попов жизнь крестьян Ныробского района: «В каждой избе имеются полаты. Вдоль стены идут лавки... В избе стоит лохань — деревянная кадушка на ножках. Над лоханью висит берестяной умывальник. В избе проводится заварка корма для скота, стирка белья, сушки пеленок... В избе за печкой имеются зимой куры... В избу же затаскивается только что родившийся зимой скот — телята, овцы... Пьют простую воду и квас... Вода берется из рек, ключей и колодцев... Мыло они считают за редкость. В баню ходят еженедельно» [4].

Даже в материалах публикаций 1920-х гг. подобные описания считаются типичными. Например, в сборнике «Удмуртское хозяйство к десятилетию революции» помещена статья А.Д. Хлопотова, который пишет: «Крестьяне живут весьма скученно, в избе с площадью в 84 кв. арш. помещается зимой до 20 человек; как правило, форточек не имеется; зимой в избе вместе с людьми помещаются молодые домашние животные... Водой для питья обычно пользуются из рек. Вода для питья не кипятится... Крестьяне моются в бане (в неделю раз)... Мыло употребляется редко... Постельное белье у большинства отсутствует...» [5].

Типичной формой семьи для большинства округов Урала являлась крестьянская патриархальная семья. В материалах обследования культурно-быто-

вого состояния деревни, проводившегося в 1924 г. в сельскохозяйственных округах Уральской области (Ишимском, Шадринском), читаем: «...Руководит жизнью семьи и ее хозяйством глава семьи, и все остальные ему беспредельно подчиняются. Он ходит на общественные собрания, сходы, единолично решает женить или не женить сына, выдать или не выдать замуж дочь. Мать или старейшая из женщин руководит женской частью семьи...» [6]. В такой семье пределом мечтаний для любой крестьянской девушки было удачное замужество, здоровые дети, с которыми она бы никогда не разлучалась. Главное, чтобы в семье любили, а в селе или в деревне уважали [7].

В этих обстоятельствах загруженность работой по домашнему хозяйству, забота о содержании и воспитании детей совмещались с активной производственной деятельностью женщины на селе.

Характерная ситуация описывается в сводке Уральского обкома ВКП(б) о работе в деревне за 1925 г.: «...вот был сенокос. Крестьянин работает в поле и жена с ним, дома ребятишки оставлены без призора, да ее грудной ребенок оставлен с девочкой лет 7-ми. Крестьянин уедет и спит в поле. Матери надо домой каждый вечер и утро. Прибежит за 12-ть верст, а дома голосят ребятишки и корова не доена и дров нет, ребятам режут, она крутится — крутится — и ночь прошла, хлеба настряпает да и в поле, а муж уже ругается. А тут ее такие случаи происходят, что крестьянка ходит беременна, работая непосильную работу в поле, и там несчастная родит. Вот на днях привезли с поля одну — родила; косила до самого последа, и везли с поля за 15-ть верст» [8].

В 1920-е гг. все большее влияние на положение женщины в деревне стала оказывать политика государственной власти, направленная на изменение повседневной жизни и мировоззрения крестьян, составлявших большую часть населения страны. Советская власть уделяла большое внимание работе среди женщин, привлекая их в качестве «активного элемента, строящего советскую деревню». Партия в решениях съездов и других документах призвала низовые органы Советской власти, профсоюзные и кооперативные организации уделять систематическое внимание вовлечению женщин в общественно-политическую и культурную работу [9].

В середине 1919 г. при ЦК РКП(б), губкомах, уездах, райкомах были созданы женотделы. Подобные органы функционировали и на Урале. Женотделы организовывали собрания женщин, съезды, конференции, на которых обсуждались важнейшие вопросы жизни и труда работниц и крестьянок, контролировали выполнение законов и постановлений, касающихся охраны труда женщин и охраны материнства.

XIII съезд РКП(б), состоявшийся в мае 1924 г., в резолюциях «О работе среди работниц и крестьянок» потребовал от низовых партийных и советских органов акцентировать особое внимание на работе среди женщин. Здесь указывалось, что «...растущее в последнее время движение крестьянок к участию в общественной жизни деревни имеет огромное значение, сельские ячейки этой работе должны уделять большое внимание и вести ее систематически и в плановом порядке. Собрания женотделов необходимо проводить регулярно, вопросы на них ставить не случайно, а с полной подготовкой.... Крестьянок надо втягивать в работу советов, в работу нарзаседелей, сельскохозяйственные кружки, кружки политграмоты и в работу изб-читален» [10].

Однако до середины 1920-х гг. в сельской местности деятельность женских отделов не играла такой значительной роли, как это было в городе. Такой вывод, в частности, был сделан на партийном совещании низовых партработников деревни Уральской области, проводившемся 3-5 февраля 1925 г., после того как были заслушаны доклады секретарей районных комитетов РКП(б) и сельских партийных ячеек [11]. Слабое влияние работы в женских отделах на сознание женщин-крестьянок отмечается в отчете о работе Отрядного сельского совета за октябрь — ноябрь 1925 г. В документе отмечалось, что крестьянка в своей семье еще до сих пор находится рабой своего мужа, ... на крестьянку, посещающую делегатские собрания и ведущую общественную работу, у мужчин очень плохой взгляд ... говорят: «нечего делать, так она треплется по собраниям» [12].

В то же время уже в начале изучаемого периода в отчетных материалах местных партийных организаций отмечалось, что деятельность женских отделов и участие женского населения в их работе оказывали влияние на повседневную жизнь крестьянок. Например, в отчете Пермского губернского женского отдела за октябрь-декабрь 1922 г. о работе среди женщин говорилось, что «по всей губернии практикуется устройство вечеров делегатов, вечеров труда, ... эти вечера носят часто характер бесед, чтений, лекций ..., за которым идет концертное отделение, хорошие песни, игры и проч. После таких вечеров женщины входят в общую колею, не так чуждаются коммунистов, и больше начинается интерес к текущим событиям». Зафиксировано также, что за 1922 г. Пермским губернским женским отделом было проведено 16 подобных вечеров [13].

Показателем уровня общественной активности женщины-крестьянки можно назвать ее участие в женских делегатских собраниях, а также в работе сельских ячеек РКП(б), ВЛКСМ. Важно отметить, что крестьянки, входившие в состав данных организаций, составляли общественно-политический актив на селе.

Однако по результатам анализа отчетных материалов секретарей сельских партийных ячеек можно сделать вывод, что в середине 1920-х гг. посещаемость женщинами-крестьянками собраний сельсоветов не была высокой. В целом по Уральской области доля женщин в составе членов сельских советов в 1923 г. составила 2,4%, в 1924 г. этот показатель увеличился на 9,4% и составил 11,8% [14]. Невелико было и количество женщин в сельских ячейках РКП(б) Уральской области. Об этом свидетельствует табл. 1. В то же время представленные в ней данные показывают тенденцию роста числа женщин-коммунистов в деревне: в 1924-1927 гг. их число увеличилось на 16,1 % и составило к концу 1927 г. 22,1% от всего состава деревенских коммунистов.

Несмотря на то что процент девушек и женщин, участвующих в работе общественно-политических

Таблица 1
Состав сельских ячеек Уральского обкома РКП (б), в %*

Дата	Мужчин	Женщин
1.07.1924 г.	94,0	6,0
1.07.1925 г.	86,9	13,1
1.07.1926 г.	83,7	16,3
1.07.1927 г.	77,9	22,1

*Таблица составлена по: ЦДАООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 357. Л. 33; Ф. 4. Оп. 7. Д. 339.

организаций, не был высоким, это не означало, что сельчанки не проявляли активности в решении вопросов жизни села. Подобные случаи всегда фиксировались в отчетных материалах местных чиновников, на такие ситуации обращалось внимание.

Например, в отчете Отрадновского сельсовета за осенние месяцы 1924 г. отмечалось, что, «когда мужья находились на работе, крестьянки аккуратно посещали все проводимые собрания, с приездом мужей домой ни одного собрания не состоялось» [15]. В отчете о перевыборах Ново-Николаевского сельсовета Верхотурского района за январь 1927 г. описан случай, когда женщины активно проявили свою позицию: «женщин половина на половину с мужчинами, мужчинам нужно было одного местного зажиточного провести в члены сельсовета. Когда стали голосовать, то женщины, сидя на другой стороне против своих мужей, проголосовали против, большинством не прошел» [16]. Однако в этом же отчете содержится информация о низкой посещаемости женщинами подобных собраний: из 718 женщин, имевших право голоса, на собрание пришло 159 человек, или 23 % [17].

Советская власть проводила мероприятия, направленные на помощь матерям по воспитанию и уходу за детьми, на облегчение домашнего труда женщин. В стране, в том числе и на Урале, создавалась сеть детских учреждений, закладывались основы общественного обслуживания быта населения, что имело положительные последствия в повседневной жизни женщины, стала формироваться активная общественная позиция крестьянок. Как уже отмечалось выше, в условиях сельской жизни 1920-х гг. женщине-крестьянке приходилось совмещать заботу о воспитании малолетних детей с активной производственной деятельностью семьи. Поэтому появление яслей и детсадов на селе существенно влияло на изменение их образа жизни в исследуемый период.

Детские учреждения начали появляться в сельской местности Урала в середине 1920-х гг. При этом, как и все остальные мероприятия Советского государства, это событие сопровождалось широкой пропагандой среди населения. Так, весной 1926 г. Свердловский окружком ВКП(б) предложил Окрполитпросвету провести широкую кампанию среди крестьянства «за открытие детских учреждений» [18].

Уже летом 1927 г. в Уральской области функционировало 298 временных яслей, работавших в период сельскохозяйственных работ, в которых содержалось 8 тыс. детей [19]. При этом в момент закрытия таких временных яслей крестьяне часто обращались к властям с просьбами о создании постоянных детских учреждений. В докладной записке Ураломо в обком ВКП(б) о состоянии дошкольного воспитания в Уральской области в 1927 г. отмечалось: «Отношение населения к дошкольному делу не только со стороны рабочей части, но и со стороны крестьян доброжелательно... При закрытии детплощадки в одной из деревень Кунгурского округа крестьянин заявил: «...было бы хорошо, если бы эта площадка существовала круглый год, надо наших детей учить хорошему, а то не дело, если они сидят за печкой и ничего не знают» [20].

Женщины-активистки под влиянием государственной политики устраивали коллективные чтения и обсуждения книг о новых методах воспитания детей, способах лечения различных болезней, организации домашнего быта, взаимоотношениях с мужем и детьми.

Например, в избах-читальнях Ишимского округа Уральской области имелись «уголки крестьянки», регулярно устраивались «вечера красной пряжи». Вот как описывается проведение «вечера красной пряжи» в журнале «Уральский учитель»: «27 января 1927 г. в Аромашевской избе-читальне собралось около 40 женщин. Они пряли или вязали. Работник райисполкома читала статью из окружной газеты «Серп и молот». Затем спели несколько песен и прослушали беседу фельдшерицы «Гигиена родов» [21].

Таким образом, в 1920-е гг. в уральской деревне сохраняются традиционные черты повседневной жизни. В то же время под влиянием политики Советской власти, мероприятий, направленных на изменение образа жизни и мировоззрения сельских жителей, происходят изменения в положении женщин на селе. Участие женщин в созданных в деревне общественно-политических организациях (женотделы, сельские ячейки РКП (б), комитеты крестьянской взаимопомощи и пр.) существенно меняло жизнь крестьянки. Однако попытки властей создать из женской части сельского населения актив, поддерживающий политику и мероприятия партийно-советского руководства, в полной мере не оправдались.

Новизна настоящего исследования состоит в том, что автор впервые в отечественной историографии с позиций истории повседневности изучила особенности проявления традиций и новаций в мировоззрении и повседневном образе жизни женщин на материалах Уральского региона и сделала вывод, что 1920-е гг. характеризуются закладыванием ростков женской эмансипации. Политическая агитация, газеты, устройство литературных вечеров, работа женских отделов при местных сельсоветах способствовали расширению кругозора крестьянки, изменению взглядов женщин на свою общественную роль. Наибольшие изменения проявились в повседневной жизни девушек, привнесших в семейный быт новые способы лечения болезней, ухода за маленьким ребенком, периодически посещавших собрания сельсовета, женские делегатские собрания. Однако женщины очень осторожно отступали от вековых традиций. В семье они оставались под полной властью мужа и делали только первые шаги в общественной жизни.

Библиографический список

1. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения / В.П. Данилов. — М., 1979; Ефременков Н.В. Социально-экономическая характеристика состава уральских колхозов накануне перехода к массовой коллективизации / Н.В. Ефременков // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. — Материалы науч. конф. - Свердловск, 1963; Фунтов А.Ф. Колхозное движение в бывшем Шатровском районе Тюменского округа (1919-1933 гг.) / А.Ф. Фунтов // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале ... С. 185-167; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920-1937 гг.) / В.Г. Чуфаров. — Свердловск, 1979.
2. Корнилов Г.Е. Эволюция крестьянского менталитета (на материалах Урала 1920-30-х гг.) / Г.Е. Корнилов // Уральское село в XX веке: Статьи и информац. материал к "Летописи уральских деревень". - Екатеринбург, 1994; Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг. / И.С. Кузнецов - Новосибирск, 1992; Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство (1921-1927) / В.А. Козлов. - М., 1997; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение

рабочих, крестьян и солдат России в Первой мировой войне (1914-1918) / О.С. Поршнева. - Екатеринбург, 2000. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала 1920-1941 гг. / М.В. Попов — Екатеринбург, 1997.

3. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. - Вып. IV. - Свердловск, 1930. - С. 507.

4. ГАСО. - Ф. 678. - Оп.1. - Д. 438. - ЛЛ. 5, 6, 7.

5. Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. - Ижевск, 1927. - С. 99.

6. ЦДООСО. - Ф. 4. - Оп.2. - Д. 570. - Л. 67.

7. Миненко Н.А. Право и обычай в крестьянской семье (Урал и Сибирь). - Челябинск, 1998. - С. 17

8. ЦДООСО. - Ф. 4. - Оп. 3. - Д. 344. - Л. 89.

9. О работе среди женского пролетариата. Резолюции восьмого съезда РКП (б). Москва. 18-23 марта 1919 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 8-е изд., доп. и испр. - М., 1970. - Т. 2. (1917-1924). - С. 83-84.

10. О работе среди рабочих и крестьянок. Резолюции тринадцатого съезда РКП (б). Москва. 23-31 мая 1924 г. //

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... - Т. 3. (1924-1927). - С. 122-123.

11. ЦДООСО. - Ф. 4. - Оп. 3. - Д. 345. - ЛЛ. 2-7.

12. Там же. - Ф. 77. - Оп.1. - Д. 35. - Л. 69.

13. Там же. - Ф. 1494. - Оп.1. - Д. 176. - ЛЛ. 53-54.

14. Там же. - Ф. 4. - Оп. 2. - Д. 88. - Л. 155.

15. Там же. - Ф. 77. - Оп. 1. - Д. 35. - Л. 69

16. Там же. - Д. 80. - Л. 8.

17. Там же. - Л. 8.

18. Там же. - Ф. 61. - Оп. 1. - Д. 827. - Л. 56.

19. ГАСО. - Ф. 88. - Оп.1. - Д. 1083. - Л. 53.

20. ЦДООСО. - Ф. 4. - Оп. 5. - Д. 475. - Л. 72.

21. Уральский учитель. - 1927. - № 3-4. - С. 54-55.

ВОРОБЬЕВА Анна Леонидовна, ассистент кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 29.12.06 г.

© Воробьева А. Л.

УДК 947:329.28

А. В. ГРАЧЕВ

Омский государственный педагогический университет

РУССКИЕ АНАРХИСТЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. О ПРЕДТЕЧАХ АНАРХИЗМА В РОССИИ

В статье анализируются воззрения русских анархистов первой трети XX в. на предысторию российского анархистского движения. Дана общая характеристика историографии отечественного протоанархизма. На основании проведенного исследования сделан вывод об особом понимании анархистами антиэтатизма некоторых религиозных и социально-философских учений дореволюционной России.

Изучение истории и теории российского анархизма началось в начале XX в. во многом благодаря появлению на политической арене России оформленного революционного анархистского движения. Исследовательский интерес к анархизму начинают испытывать историки, юристы, философы и собственно сами участники анархистского движения. В это время происходят постановка основных вопросов, связанных с теорией и историей отечественного анархизма, сбор фактического материала, рассмотрение хронологии событий, издание трудов классиков анархистской мысли (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин).

Одним из ключевых вопросов, который стал интересовать исследователей и критиков анархизма, становится вопрос о происхождении российского анархизма, давшего мировому революционному движению немало талантливых теоретиков. Социально-политическая история России неожиданно для многих оказалась богата на проявления «анархического духа», и становилось ясно, что русский анархизм не является «калькой» западно-европейского анархизма (П.-Ж. Прудон, М. Штирнер), а имеет свои глубокие корни в общественной жизни русского народа.

Так, известные представители российского либерализма (П.Н. Милоков, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев) и других политических сил, ссылаясь на «склонность русского народа к анархии», искали в социально-

политической истории факты, доказывающие несостоятельность и пагубность анархистских воззрений на государство и власть. Анархисты же искали корни своей теории, чтобы показать древность своего «генеалогического древа», а также значение и глубину проникновения антиэтатизма в народную жизнь. Именно с этого времени проблема доклассического анархизма, или протоанархизма, начинала занимать особое место в историографии российского анархизма.

На наш взгляд, для изучения историографии протоанархизма очень важным является исследование взглядов самих анархистов на предысторию и предшественников анархистского движения в России, что мы и попытаемся сделать в рамках данной статьи.

Термин «протоанархизм» в дореволюционной и советской историографии не употреблялся. Такие видные исследователи, как В.В. Комин, С.Н. Канев и др., для определенного периода в истории анархистской мысли использовали термин «стихийный анархизм», или «доклассический анархизм». Впервые термин «протоанархизм» был аргументированно предложен в 90-х гг. XX в. П. В. Рябовым, известным участником современного анархистского движения [1]. Сейчас его можно встретить в работах таких известных историков анархизма, как С.Ф. Ударцев, А.А. Штырбул и др.

В современной историографии протоанархизмом принято называть период в истории анархизма, включающий в себя «проявление анархического сознания в еретических движениях, сектантстве, в стихийных народных восстаниях, крестьянских войнах и т.д., предшествовавших кристаллизации первых развитых форм теоретического анархического сознания» [2]. Многие историки и сами анархисты считают, что идеи протоанархического характера можно найти у китайских даосов (Лао Цзы, Чжуан Цзы), софиста Антифонта, греческих киников (Антисфен, Диоген Синопский), некоторых стоиков (Зенон). Идеи безгосударственности и абсолютной свободы личности также присутствуют в раннем христианстве (монтанизм), средневековых сектах («братья свободного духа», чешские адамиты, учение П. Хелчицкого). В России к протоанархизму относят секты бегунов (странников), духоборов, а также вольное казачество на ранней стадии своей истории. Некоторые идеи анархистского характера, хотя и в зародышевой форме, можно встретить в левом славянофильстве (К.С. Аксаков и др.). Все эти течения считали государственную власть злом, зачастую старались выйти из-под контроля государства и его институтов, стремились к замене государства иными общественными механизмами и формами социального общежития.

О стихийных проанархистских воззрениях русского народа в свое время писали классики анархистской мысли. М.А. Бакунин в брошюре «Русские дела», вышедшей в Германии в 1849 г., сообщал об известных ему двухстах русских сектах, «которые все носят политический характер и все сходятся на отрицании существующего порядка вещей и на признании царской власти властью Антихриста» [3]. М.А. Бакунин, как и многие другие анархисты, симпатизировал церковным ересям и схизмам, а также таким известным персонажам русской истории, как С. Разин и Е. Пугачев. «Апостол анархизма» одним из первых отметил проанархистский характер славянофильства. В одном из своих поздних писем он вспоминал, что К.С. Аксаков уже в 30-е гг. XIX в. был «врагом петербургского государства и вообще государственности, и в этом отношении он даже опередил меня» [4].

Не меньший интерес к предыстории анархизма проявлял и П. А. Кропоткин. Значительную часть своего труда «Современная наука и анархия» (1892) он посвятил анализу происхождения и развития анархистской мысли. П.А. Кропоткин делал вывод, что анархизм, как всякое общественное движение, «родился среди народа», а не среди «немногочисленной аристократии ученых». Согласно этому суждению, Кропоткин отмечал определенную близость анархизма и русской секты духоборов. [5]

Следуя своей историософской концепции и рассматривая исторический процесс как борьбу государства и противогосударственных стремлений масс трудящихся, анархисты в этом же ракурсе видели и саму историю анархизма. История анархизма виделась им как постоянное противостояние официальных «государственнических» социально-философских школ и «философов с анархическим направлением мысли» [6].

До того момента, пока анархистское движение в СССР не было разгромлено большевиками, анархисты имели здесь определенную монополию на изучение истории идей анархизма. Это часто приводило к однобокому, «выгодному» для них пониманию предыстории русского анархизма, потому как в анархис-

ты «записывали» тех или иных мыслителей, которые, может быть, и повлияли на появление русского анархизма, но имели лишь косвенное отношение к анархистской теории и практике.

Процесс изучения истории анархизма собственно анархистами начинается в годы первой русской революции 1905-1907 гг. В условиях бурного роста различных политических партий, групп, кружков и т. д. у участников анархистского движения появляется необходимость идентификации российского анархизма и поиска корней (истоков) анархистской мысли. Так, известный анархист Н.И. Рогдаев, выступая в августе 1907 г. на международном анархистском конгрессе в Амстердаме, провел границу между «эпохой, предшествующей появлению в России чистого анархизма» и периодом оформленного анархистского движения. К предшествующей эпохе, по мнению Рогдаева, следует отнести социально-политические воззрения некоторых религиозных сект. Своеобразный анархизм в религиозной оболочке видится Н.И. Рогдаеву в сектах русских духоборов и иеговистов. На основе анализа социального идеала иеговистов и духоборов автор сделал интересные и в чем-то даже выгодные для анархизма выводы. Иеговисты и духоборы были противниками какой-либо власти и капитала имущих, «помимо революционной пропаганды самостоятельно вырабатывали анархическую доктрину», за что жестко подвергались гонениям со стороны царского правительства. Эти религиозные секты определялись Н.И. Рогдаевым как течения, носящие «заметную анархическую окраску» [7].

В ноябре этого же года в анархистском журнале «Буревестник» (орган русских анархистов-коммунистов) была опубликована вторая часть доклада Н.И. Рогдаева под названием «Различные течения в русском анархизме». Публикация этого отрывка в России говорит в пользу того, что анархисты уделяли серьезное внимание проблеме проанархистских воззрений русских сектантов и надеялись найти поддержку среди этих слоев населения.

Эта традиция была продолжена К.Н. Медынцевым в его труде «Неплательщики. Духоборы. (Материалы по истории анархизма в России)». Работа опубликована при поддержке всероссийской секции анархистов-универсалистов, но без указанного года издания. Из текста можно предположить, что книга издана уже после Октябрьской революции 1917 года, но не позднее середины 20-х годов XX в., когда анархистское движение практически перестало существовать, а типографии анархистов были закрыты. К сожалению, эта книга не вошла в обширный перечень публикаций по проблемам анархизма, который был составлен известным современным исследователем анархизма В.Д. Ермаковым. Тем ценнее для нас этот труд, как и любой историографический факт, который ранее не был включен в научный оборот.

К.Н. Медынец попытался изложить «политическое мировоззрение» неплательщиков на основе высказываний самих приверженцев секты. Здесь стоит отметить, что секта неплательщиков (как секта «немоляков») возникла в 60-х годах XIX в. в Красноуфимском уезде Пермской губернии, первые официальные сведения о которой появляются лишь в 1879 г. в связи с появлением судебных дел об адептах секты. Неплательщики отвергали правительственную власть, отказывались платить подати и отбывать воинскую повинность. Сектантами также отвергался православный храмовый культ с его таинствами, иконами и другими атрибутами. [8]

Внимание К.Н. Медынцева, как и когда-то Н.И. Рогдаева, было приковано к Уралу и Приуралью, поскольку в этом регионе положение заводских крестьян было особенно тяжелым, что давало толчок к возникновению всякого рода протестных движений. Анархист К.Н. Медынец также сделал вывод о сектантах как о предшественниках российского анархического движения: «к началу великой русской революции на заводах Приуралья образовалось могучее ядро коммунистов-анархистов из бывших когда-то «Неплательщиков», у которых была большая примесь религиозности, от этого последнего осталась только чисто этическая сторона» [9].

Близкой к анархистам по социально-политическим воззрениям на власть и государство К.Н. Медынец считал секту духоборов. Хотя духоборчество как религиозное течение возникло задолго до появления анархического движения в России, все же оно имело в себе явные, во многом стихийно сложившиеся представления о государственной и церковной власти, близкие к анархизму и такому его течению, как толстовство.

Интересно, но точка зрения анархистов о причастности духоборов к анархизму не расходилась с официальной. Так, состоявшийся в 1897 году третий Всероссийский миссионерский противораскольничий и противосектантский съезд, прошедший в Казани под патронатом Священного Синода, усмотрел в духоборчестве «следы противогосударственного и даже анархистского движения», а потому постановил «признать секту духоборцев особенно вредною и крайне опасною в церковном и (особенно) государственном отношениях» [10].

Проблема истории русского анархизма плотно смыкалась с вопросом о русской крестьянской общине как прототипе коммуны будущего анархо-коммунистического общества. Именно поэтому многие современные историки находят близкие к анархизму идеи у славянофилов, а также у А.И. Герцена.

Не обошли этот вопрос и анархисты первой трети XX в. Так, общую точку зрения на русское крестьянство разделял идеолог анархо-синдикализма П.А. Новомирский. В работе «Из программы синдикального анархизма» (1907 г.) П.А. Новомирский указывал, что крестьянские восстания времен крепостного права «явно шли под знаменем безгосударственного коммунизма» [11]. Тем не менее даже после этой оценки синдикалист П.А. Новомирский не перестал считать крестьянство скорее реакционной, чем революционной силой.

С оценкой русского крестьянства как социального слоя, в мировоззрении которого был явный анархический элемент, не был согласен один из лидеров анархистского движения — А.А. Боровой. В одной из своих работ А. Боровой писал: «Изуукрашенная русская община имела весьма мало в себе «анархического». В ней не было личности, следовательно, не было и сознания человеческого достоинства. Не все «изгои» могли быть и были анархистами, но возможные анархисты были среди «изгоев», а не оставались в общине» [12]. В итоге мы видим, что и среди анархистов не было единого мнения о русской крестьянской общине. Хотя еще сам М. Бакунин делал ставку на крестьянство как главную силу всенародного бунта.

С наступлением советского периода в отечественной историографии обозначился некоторый интерес к изучению анархизма. Этому во многом способствовало уважительное отношение В.И. Ленина к П.А. Кропоткину и М.А. Бакунину как революци-

онерам прошлого, много отдавшим для борьбы с царским режимом.

В 1926 г. по поводу пятидесятой годовщины смерти М.А. Бакунина в свет выходит большое количество статей, брошюр, книг, посвященных анархизму. Большой исследовательский интерес среди этого разнообразия представляет собой вышедший в Москве сборник под редакцией А.А. Борового «Михаилу Бакунину (1876-1926). Очерки истории анархического движения в России». Помимо А.А. Борового в создании этого сборника приняли участие такие видные анархисты, как М.П. Сажин, Н.Н. Русов и др. В статье, подписанной псевдонимом П.А., «Анархические устремления в русском сектантстве XVIII-XIX вв.» впервые в анархистской историографии дан достаточно глубокий анализ воззрений на власть русского сектантства и старообрядчества. Работа была проделана с опорой на сочинения самих раскольников и привлечение трудов известных дореволюционных исследователей раскола и сектантства: В. Кельсиева, А.С. Пругавина, В. Д. Бонч-Бруевича, А.П. Щапова. Автор находит явные анархистские мотивы в учениях различных раскольниковых толков, бегунов, духоборов, малеванцев, немоляков, «общих», неплательщиков. А.П., рассматривая русское сектантство как движение религиозно-общественного протеста, считал, что сектантство давно уже приступило к «непосредственному осуществлению анархизма».

Не менее интересной для нас является статья Н.Н. Русова, напечатанная в этом же сборнике и посвященная славянофильству. Н.Н. Русов очень конкретно ставит вопрос: откуда начинать историю анархических идей в России? Анархистские устремления сектантов он определяет как «анархические настроения, нежели анархические идеи». Более осознанное, «глубоко продуманное отношение к государству в анархическом духе мы [Н.Н. Русов. — А.Г.] находим у ранних славянофилов в лице их «передового бойца» Константина Аксакова» [4]. Опираясь на труды К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, Н.Н. Русов видит совсем другую основу в социальной философии славянофильства, нежели другие исследователи, — идею живого общественного механизма, в центре которого стоит народ, а не государство. Являясь приверженцами самодержавия, славянофилы видели политическую власть монарха не как право, а как обязанность, как бремя, которое народ доверил ему, не желая сам участвовать в управлении.

В записке «О внутреннем состоянии России», представленной императору Александру II, К.С. Аксаков писал: «...Русский народ есть народ государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша властолюбия. Самым первым доказательством тому служит начало нашей истории: добровольное призвание чужой государственной власти в лице варягов, Рюрика с братьями» [13].

По мнению Н.Н. Русова, идеи К.С. Аксакова, сформировавшиеся в 30-х годах XIX в., еще до появления работ П.-Ж. Прудона и М. Штирнера, повлияли на молодого М.А. Бакунина, который был активным участником московских литературных салонов 30-х годов XIX в.

С выходом анархистского сборника «Михаилу Бакунину (1876-1926). Очерки истории анархического движения в России» и с исчезновением последних анархистских кружков завершается важный период в анархистской историографии, а вместе

с ним надолго прекращается изучение вопроса о корнях анархизма в России.

Установившийся «сталинский» курс в исторической науке предопределил некоторые передержки в изучении анархизма. Это привело к одностороннему пониманию истории идей этого социально-политического учения. Большинство исторических исследований по данной теме было направлено на критику теории и практики анархизма как «мелкобуржуазного течения», «контрреволюционного» по своей сути. До середины 80-х годов XX в. вопросы, связанные с историей анархистского движения в России, рассматривались лишь через призму марксистско-ленинских оценок общественно-политического движения. Догматические марксистские суждения об анархистах, как, собственно, и о других политических силах, участвовавших в трех русских революциях, сыграли негативную роль в изучении истории анархизма.

С изменением политического климата в СССР в середине 80-х годов XX в. вопросы, связанные с генезисом анархизма в России, стали привлекать к себе большее внимание. Работы таких исследователей, как Л.С. Мамут, В.А. Должиков, В.Д. Ермаков и др., открывают новый этап в отечественной историографии протоанархизма. Участников вновь возродившегося анархистского движение в меньшей степени, чем их предшественников, интересует вопрос о корнях анархизма, хотя определенные исследовательские шаги в этом направлении предпринимались П.В. Рябовым, А.В. Шубиным и др.

Все это в очередной раз подтверждает актуальность изучения феномена анархизма и его истории с более объективных позиций. По нашему мнению, современному исследователю, изучающему анархизм, не стоит пренебрегать опытом, накопленным самими анархистами. Именно поэтому воззрения русских анархистов на предысторию своего движения должны занять особое место в историографии отечественного анархизма.

Библиографический список

1. Рябов П.В. Проблема личности в философии классического анархизма: Дис. ...канд. филос. наук /П.В. Рябов. — М., 1997. — С.14.

2. Ежова Е.А. Духовные истоки философского анархизма, этапы его развития и проблема определения /Е.А. Ежова. // Вестник МГТУ — 2004. Т. 7, № 2. — С. 220.

3. Бакунин М.А. Русские дела //Собр. соч. и писем (1828-1876) — М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан ссыльнопереселенцев, 1935. — Т. 3. — С. 405.

4. Русов Н.Н. Анархические элементы в славянофильстве /Н.Н. Русов. //Михаилу Бакунину (1876-1926). Очерки истории анархического движения в России /Под ред. А.А. Борового. — М.: Голос труда, 1926. — С. 37.

5. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин /Н.М. Пирумова. — М.: Наука, 1972. — С. 157.

6. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия /П.А. Кропоткин. — М.: Правда, 1990. — С. 291.

7. Доклад Н.И. Рогдаева (Россия) на Международном анархическом конгрессе 1907 года в Амстердаме (26 авг. 1907 г.) /Н.И. Рогдаев. //Анархисты: документы и материалы 1883-1935 гг. — Т. I. — М.:РОСПЭН, 1998. — С. 405.

8. Никольский Н.М. История русской церкви /Н.М. Никольский. — М.: Политиздат, 1983. — С. 370-371.

9. Медынцева К.Н. Неплательщики. Духоборы. (Материалы по истории анархизма в России) /К.Н. Медынцева. — М.: Издательство Всероссийской секции анархистов-универсалистов, Б.г. — С. 10.

10. Цит. по: Русская социально-политическая мысль XIX-нач. XX в. (П.А. Кропоткин) — М.: Социально-политическая мысль, 2004. — С. 279.

11. Цит. по: Горявин А.Н. Аграрно-крестьянский вопрос в трудах теоретиков раннего российского постклассического анархизма /А.Н. Горявин. //Политические партии, организации в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. — Омск, 2000. — Ч.1. — С. 74.

12. Боровой А.А. Анархизм /А.А. Боровой. — М.: Революция и культура, 1918. — С. 163.

13. Теория государства у славянофилов. — СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1898. — С. 24.

ГРАЧЕВ Анатолий Викторович, аспирант кафедры истории, политологии и социологии.

Статья поступила в редакцию 21.12.06 г.

© Грачев А. В.

Книжная полка

Парсамов В.С. История России: XVIII—XIX вв.: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2007. — 480 с.

Учебное пособие охватывает имперский период истории Российского государства. В нем рассматривается ход исторического процесса от Петра I до свержения самодержавия, выявляются общие закономерности экономического и политического развития и доказываются неизбежность крушения монархического строя в России. Представлены яркие словесные портреты государственных и общественных деятелей, даются четкие и легко запоминающиеся определения всех вводимых исторических понятий.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2007. — 272 с.

В учебном пособии анализируются теоретические проблемы истории как науки: проблемы истории как целого, исторической необходимости, динамики исторического развития, детерминизма в истории, принципа историзма и др. Рассматриваются методы исторического исследования.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования. Может быть полезно аспирантам исторических факультетов университетов, а также всем, кто интересуется проблемами истории.

Рекомендовано УМО.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЫ НА СТАРОМОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В ТУВЕ (1925-1929 ГГ.)

В статье раскрываются причины возникновения и особенности развития газетной прессы на монгольском языке в Туве (1925-1928 гг.). Изучение ранее недоступных источников, комплексный научный подход позволили рассмотреть газетную периодику на монгольском языке как целостный объект, создание и развитие которого обеспечивались за счет внутренних факторов, и в то же время как субъект, испытывавший влияние внешних — идеологических и общецивилизационных факторов, динамику их взаимодействия и взаимовлияния.

В истории национальной печати Тувы уникальным, но практически малоизученным является начальный этап ее зарождения, создания и развития на старомонгольском языке (1925-1929 гг.). Появление местной периодики было связано с решающим влиянием внешних общецивилизационных и идеологических факторов и только в меньшей степени явилось результатом внутреннего развития региона. Логическая цепь в Туве развернулась следующим образом — *возникновение прессы — создание национальной письменности — становление книжной печати — распространение массовой грамотности*.

Такой сценарий зарождения национальной печати во многом определил особенности исторического развития местной газетной периодики в последующие годы. Изучение своеобразного опыта преломления в Туве общих закономерностей возникновения и развития прессы является актуальной научной задачей. Это позволит как выявить специфические черты истории становления и развития местной прессы, так и понять причины сложностей распространения печатной продукции, специфики восприятия материалов СМИ тувинским населением вплоть до настоящего времени.

В данной статье мы опирались на современные методологические подходы в изучении истории национальной печати, сформулированные в трудах Р.П. Овсепяна, Б.И. Есина, О.Д. Якимова, Ф.Т. Кузбекова [1]. Без идеологических предпочтений, характерных для советской историографии, мы проследим причины возникновения и особенности развития газетной прессы на старомонгольском языке в Туве в контексте исторических событий первой четверти XX в.

В статье использовались три вида источников. Из них базовыми являлись 16 уцелевших номеров газет, выходивших в 1925-1929 гг. полностью на старомонгольском языке, — «Эрх чолоот Танну-Тува» (Свободная Тува) — № 1 (фрагмент), «Танну-Тувагийн унэн» (Правда Танну-Туву) — № 1 (фрагмент), 2, «Тувагийн унэн» (Тувинская правда) — № 3-9, 12, 13, 17, 18. Вероятно, большая часть газет на старомонгольском языке, содержащих печатные материалы «...злейших врагов аратских масс-контрреволюци-

онеров...», была уничтожена по решению III Пленума Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии (ЦК ТНРП) в 1939 г. [2].

Директивы и инструкции Восточного секретариата Коминтерна, Восточной комиссии КИМа, постановления ЦК ТНРП, Центрального комитета Тувинского революционного союза молодежи (ЦК ТРСМ), райбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) в Тувинской Народной Республике (ТНР) позволили проследить этапы становления организационной, материально-технической и редакционной базы газетной периодики. Многие из этих документов являлись ранее недоступными или малодоступными для исследователей. Отдельные источниковедческие сведения были выявлены в публикациях Ф. Пудалова [3] и работе Е.Т. Тановой [4]. Особую ценность монографии Е.Т. Тановой придает наличие сведений из личного архива автора, в частности, материалов опросов сотрудников первых тувинских газет, членов правительств и аратов.

Критический анализ источников позволил по-новому определить хронологические рамки исследования (1925-1929 гг.) и в целом продолжить научное изучение истории периодической печати Тувы, начатое в конце 1970-х гг. Е.Т. Тановой, а затем О.Д. Якимовым. По нашему мнению, характерные черты в развитии газетной периодики на старомонгольском языке прослеживаются до начала 1929 г. Во второй половине 1929 г. в результате изменения политико-идеологического курса партии (VIII съезд ТНРП) и задач печати наступил новый этап в истории газетной периодики Тувы.

Предпосылки для создания газетной периодики на монгольском языке в Туве сложились в первой четверти XX века. Внутренним условием их появления стал рост культуры и образованности на основе старомонгольской письменности, которой владели управленцы, представители духовенства, зажиточные кочевники. Удовлетворение возросших информационных и культурных потребностей тувинской элиты происходило за счет достижений монгольской культуры (литература, пресса).

В то же время большая часть местного кочевого населения — аратов была неграмотной. Распространение социальной информации (нередко в форме

слухов) осуществлялось на родном языке при помощи своеобразного института устной информации, который в народе называли «дидир-дидир» (сказали-сказали). Отсюда — значимость в традиционной культуре Тувы посредников в передаче информации (медээчи — разносчик новостей) и в целом слухового ее восприятия.

Решающими для создания и последующего развития газетной прессы стали социально-политический и идеологический факторы. Образование Тувинской Народной Республики в 1921 г. выдвинуло задачу объединения местного населения посредством его регулярного информирования, формирования общественного мнения в поддержку проводимого политического и экономического курса. В то же время идеологические задачи советской национальной и внешней политики подразумевали активное участие СССР не только в международных, но, прежде всего, во внутриполитических делах молодого государства. Распространение советского влияния в ТНР осложнялось из-за традиционно сильных монголофильских предпочтений национальной элиты. Монголия была ближе тувинцам по культуре и религии.

В условиях географической изолированности и труднодоступности региона руководство СССР и Коминтерна видело решение задач партийно-идеологического и культурного просвещения населения в создании местной газетной периодики на монгольском языке. Этот вывод — результат анализа рекомендаций Коминтерна, Сибирского бюро ЦК РКП(б) местным партийным организациям, а также отчетов представителей Коминтерна о своей работе в Туве.

Идеологическое влияние в первую очередь стало осуществляться через Русскую самоуправляющуюся трудовую колонию, объединившую в 1922 г. русских граждан Тувы. Здесь в июле 1924 г. совместными усилиями членов полномочной комиссии ВЦИК СССР, работников исполкома и райбюро РКП (б) была выпущена первая в Туве газета «Красный пахарь».

Под влиянием русской газеты в августе 1924 г. на III съезде ТНРП было вынесено первое решение о создании своей газеты [5], а в апреле 1925 г. началась подготовительная работа по ее изданию [6]. Надо отметить, что редакции первых тувинских газет находились под определенным влиянием более опытных журналистов «Красного пахаря» и опирались на их помощь. Поэтому в определении статуса, структуры редакции, принципов ее оформления и содержания тувинской газеты был заимствован советский опыт. Главным в организации работы редакции стал принцип коллегиальности, в качестве необходимого был введен элемент поддержки и в то же время контроля (советники). 5 мая 1925 г. ЦК ТНРП утвердил редколлегия в составе: Докпан (редактор), Самдан-Парчин и Дарма-Базыр (сотрудники), В.А. Богданов (советник) [7].

31 августа 1925 г. вышел первый номер газеты на старомонгольском языке «Эрх чолоот Танну-Тува» с эпиграфом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!». Газета была небольшого размера (чуть больше листа размером А4), тираж 300 экземпляров. Учредителем газеты был определен ЦК ТНРП.

Характерной деталью оформления заголовка газеты является наличие рисунка, дополняющего название газеты. Этот рисунок в отличие от своеобразного названия газеты станет своего рода идеологическим визуальным штампом в оформлении местных периодических изданий и стенных газет с

1925 г. На наш взгляд, рисунок, с одной стороны, символизирует идею поддержки (покровительства) Советским Союзом Тувинского государства, с другой, служит ориентиром для выбора СССР в качестве единственного возможного союзника. Размещение рисунка выглядит хорошим средством для привлечения внимания к газете аратов, традиционно обладающих художественным восприятием окружающего мира. И, что не менее важно для ее создателей, — идеологический смысл рисунка был понятен даже неграмотному человеку. Основное содержание первого номера, по данным Ф. Пудалова, составили приветствия в честь выпуска газеты и переводные материалы из московских газет [3].

Газета «Эрх чолоот Танну-Тува» по причине финансовых трудностей, отсутствия собственного типографского оборудования, совместительства членов редколлегии на партийной и правительственной работе в течение года выходила с большими перерывами [8]. Тиражи газеты в 300-500 экземпляров рассылались бесплатно по комитетам партии, учреждениям, хошунным (районным) и сумонным (сельским) правлениям [4. С. 13-14].

Это не соответствовало идеологическим задачам, поставленным советским руководством при создании газетной периодики в Туве. Для активизации работы ТНРП, ТРСМ и улучшения работы ее печатных органов по линии Коминтерна летом 1926 г. в Туву был командирован С.А. Нацов (Шойжелов) с опытом партийной и газетно-издательской деятельности в Монголии. По его инициативе во втором полугодии 1926 г. были проведены комплексные мероприятия, способствовавшие улучшению газетного дела в Туве.

27 июля 1926 г. название газеты «Эрх чолоот Танну-Тува» сменилось идеологически окрашенным «Танну-Тувагийн унэн». Расширение учредительского состава за счет ЦК ТРСМ, президиума Малого хурала и правительства ТНР привело к обновлению редколлегии и активизации участия руководства учредителей в подготовке газеты. В редколлегию вошли Дамдын-Сюрюн, Шагдыржап, Сандык, Сюрюнчап, Суровцев [9]. Установление четкой структуры редколлегии газеты содействовало упорядочению ее работы. Между сотрудниками были распределены обязанности по отделам: иностранный отдел, партийная жизнь, союзная жизнь, отдел внутренней информации, секретариат [10].

Были приняты меры по формированию собственной полиграфической базы за счет заказа в СССР печатной машины, крупного шрифта, приглашения из Монголии опытного наборщика [11]. Из Москвы в Туву был направлен квалифицированный переводчик — Гомбожап Банзаракцаев. С целью приближения печати к аратам было предложено выделить специальные кадры помощников печати каждому партийному комитету и установить сеть худонских (сельских) корреспондентов.

Принятие этих мер позволило наладить периодический выпуск газеты, увеличить ее тираж до 700 экземпляров, объем — до 4 страниц, а также начать выпуск двух журналов на монгольском языке «Хувисгалт Ард» (Революционный арат) — органа ЦК ТНРП, «Залуучуудын зорилго» (Задачи молодежи) — периодического издания ЦК ТРСМ [12].

В первом номере «Танну-Тувагийн унэн», вышедшего 15 августа 1926 г., утвердилась определенная структура оформления газеты, которая в своей основе не менялась до 1928 г. Заголовок газеты состоял из трех частей — названия, общих сведений о

газете и краткого содержания номера. Весьма удобным было наличие в номере краткого содержания, где указывались названия и авторы основных материалов. К примеру, в содержании первого номера «Танну-Тувагийн унэн» указано пять материалов, написанных руководителями партии и правительства. И если сравнительный анализ показал наибольшее сходство внешнего оформления тувинской газеты с монгольской газетой «Унэн» (Правда) за 1925 г., то структура внутреннего содержания имела много общих элементов с рекомендованными ЦК РКП (б) планами местных (губернских, уездных) газет [13].

Номер, как правило, открывался передовой публикацией, отражавшей политико-идеологические задачи текущего момента. Например, передовица первого номера называлась «О всеобщем собрании». Ее автор, член партии и сотрудник редколлегии Сандык, рассказал о повестке предстоящего собрания ТНРП, а также о работе членов партии по его подготовке. В рубрике «Зарубежная газета» на второй странице освещались новости в первую очередь о событиях в СССР, Монголии и Китае. На третьей странице помещались материалы об организационном и идейном становлении ТНРП, ТРСМ и их идеологической работе с населением Тувы.

Последняя страница шла под рубрикой «Внутренняя газета». Содержание соответствовало ее названию — здесь размещалась информация о заметных событиях общественной жизни в ТНР. Авторами большинства публикаций «Танну-Тувагийн унэн» выступали члены редколлегии, руководители партии и правительства. Материалы носили в основном информационный характер (заметки, известия, выписки из резолюций, приветственных речей, телеграмм, объявления). По причине малограмотности авторов, отсутствия профессиональной подготовки уровень этих публикаций был невысоким. Некоторые материалы перепечатывались из газет «Правда», «Красный пахарь» либо готовились советскими партийными работниками.

Основными точками распространения газеты оставались сельские ячейки и комитеты партии, городские организации, культурные учреждения и местные управления. В них создавались «газетные кружки», в которых активистами и пропагандистами периодически устраивались коллективные чтения и разъяснения по газетным материалам [4. С.19].

1927 — начало 1929 г. мы считаем особым этапом в становлении газетной периодики на монгольском языке. В это время была опубликована первая революционная концепция, положенная в основу деятельности и развития периодической печати. С третьего номера, вышедшего 19 апреля 1927 г., газета стала называться просто «Тувагийн унэн». Облик газеты, судя по ее внутреннему содержанию и внешнему оформлению, приобрел свое неповторимое лицо.

Мы склонны связывать эти нововведения с укреплением технической базы, кадрового состава печати, установлением взаимодействия газеты с читательской аудиторией и развитием самой тувинской газеты. Оборудование собственной типографии позволило установить регулярный выпуск, увеличить формат и объем газеты до 6 страниц, улучшить качество ее полиграфического исполнения. Например, публикации специального тематического выпуска, посвященного В.И. Ленину, шли в сопровождении фотографий Ленина [14]. Первая и последняя страницы шестого номера от 8 сентября 1927 г. вышли в цветном исполнении. К этому времени сложился постоянный авторский актив газеты с определенным

опытом журналистской деятельности (Содном, Шагдыржап, Буян-Бадьргы, Санчай). В августе 1927 г. в редколлегии газеты начали работать Х. Манлай-Байыр, Нармандах, Санчай-Доржи, в начале 1929 г. — Хемчик-оол, Дондук.

Эффективность взаимодействия газеты с читателем заметно возросла, когда параллельно с работой первых корреспондентов на местах [15] редколлегия стала публиковать обращения к населению, в первую очередь членам партии. Одно из таких обращений было дополнено важной преамбулой, которую мы считаем первой сформулированной программой тувинской прессы. Содержательно это была революционная по духу программа. В ней говорилось: «Правильный путь тувинского народа после утверждения народной власти, создания своего государства и партии заключался в последовательном укреплении государственности посредством издания своих законов, развития партийной пропагандистской работы. Для достижения этой цели «нашим хорошим товарищем» является печать (газеты и журналы). В заключение в форме пожелания редакцией была верно сформулирована основная функция прессы и условие ее популярности — «народные массы, что они хотят — об этом подробно пишите и в любое время отправляйте...» [16].

Следуя этой установке, первые корреспонденты газеты, активисты партии приступили к распространению газет среди аратов. Имеются сведения, что араты покупали газеты, но так как среди них не было людей, которые бы смогли объяснить содержание написанного в газете материала, хранили их в сундуках [15]. На практике единственным способом ознакомления аратов с содержанием газет стала привычная форма ее устной передачи посредством пропагандистов, агитаторов ТНРП, ТРСМ и людей, знавших монгольский язык (фото. 1).

На фотографии запечатлено коллективное чтение газет аратам в Чоон-Хемчикском хошуне (1928 г.). Информация передавалась населению устно, но важно то, что с этого времени одним из действенных инструментов политической власти в руках ее посредников стали печатное слово и газета. «Когда появилась газета, люди не стали верить слухам. Если кто-нибудь скажет: «Говорят, там-то происходит то-то, обязательно спросят: «А об этом газета писала?» — вспоминал один из первых активистов «газетного кружка» Монгуш Бадьин-оол [4. С.17]. Это свидетельствует о том, что среди тувинского населения сложилось иное в отличие от устных сведений отношение к официальной информации, распространяемой газетами. Эта информация приобрела особый — легитимный статус.

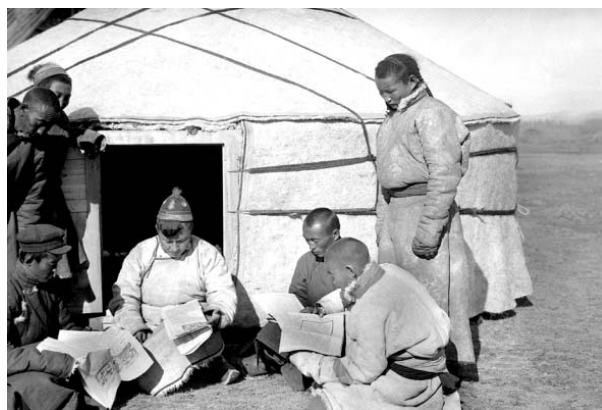

Фото. 1

Принятие вышеуказанных мер вместе с началом распространения газет среди аратов содействовало постоянному увеличению доли внутренней информации, расширению географии ее новостей. Так, например, в № 6 от 8 сентября 1927 г. было опубликовано 15 заметок на местную тематику. Известия приходили не только из близлежащих, но и из многих отдаленных поселений Чоон-Хемчикского, Улуг-Хемского районов. Наиболее актуальными были темы:

- работа правительства, партии и ревсомола, деятельность местных органов власти;
- экономическая политика правительства (новая тема — создание и развитие кооперации в Туве);
- культура (просвещение аратов, обучение тувинцев в СССР, Монголии, семейно-брачные отношения, праздники, религия, положение тувинской женщины).

В освещении первых двух тем по сравнению с предыдущим периодом расширился спектр используемых информационных жанров — доклад, отчет, коллективное обращение, некролог, опровержение. Значительное место в общем объеме газетных материалов занимала публикация решений съездов, пленумов ТНРП, ТРСМ, Хуралов правительства ТНР, отчетов ведомств и учреждений республиканского, городского, сельского уровней. И это было закономерно. В условиях слабой издательской деятельности и, как следствие, недостатка печатной литературы газеты являлись единственными источниками информации о деятельности правительства и партии. Газеты стремились популяризировать передовой опыт партийных комитетов и ячеек в организации и проведении политико-идеологической и культурно-просветительной работы. Поэтому вполне понятно, что они использовались членами партии, работниками местных органов власти в качестве методических пособий в их повседневной работе.

Кроме того, чтение газет становилось одним из факторов социальной мобильности и средством политической социализации местного жителя. Из газеты можно было получить предварительную информацию о приеме в различные кружки (шахматный, драматический, физкультурный, швейный и др.), открытии новых культурных учреждений (клубы, красные уголки). Объявления о наборе на внутренние краткосрочные курсы обучения и в советские учебные заведения обязательно размещались в газете.

Характерно, что отдельные материалы по вопросам культуры носили аналитический характер. Эти материалы были подписаны от имени аратов «Один из аратов», «Один из многих» или шли под вымышленными именами (Мутугай, Красное Знамя Революции, Улан-Сюзюкт, Тангрийн Ванг и др.). Получил распространение жанр критической заметки, а в 1928 г. появилась первая проблемная статья [17]. Применение указанных жанров позволяло, на наш взгляд, отразить дискуссионный характер поднимаемых прессой актуальных в тувинском обществе вопросов религии и культуры. На страницах газет публично осуждались партийные работники, представители местных органов власти, которые допускали соблюдение традиционных обычаев и обрядов. Они, как и многие тувинцы, вопреки новым законам о браке в вопросах семейно-брачных отношений придерживались традиционных норм, отправляли религиозные обряды [18]. Эти публикации отразили противоречия переходного этапа в развитии тувинской культуры, вызванные распространением рево-

люционной идеологии, введением новых социальных порядков. Судя даже по количеству примеров и обращений газет к данным темам, буддизм и шаманизм продолжали играть важную роль в общественно-политической жизни ТНР и определяли традиционный менталитет ее жителей в 1920-е гг.

Показательно, что и во внешнем оформлении газеты отразили главное противоречие того периода. Заголовок и содержание газет дополнялись декоративными элементами — рисунками, орнаментами и символами, сочетание которых было неповторимо для каждого номера. Их размещение, видимо, преследовало цель облегчить восприятие и чтение читателем материалов, так как структурировало монгольский текст. Интересно то, что в революционной по содержанию тувинской газете чаще всего использовались религиозные символы и знаки. Заголовки публикаций помещались в рамки, а в качестве разделителя текста между ними использовались две параллельные черточки (шат). Этот элемент из религиозной тибетской печатной традиции означал конец текста.

В заключение подчеркнем следующее. Решающими для создания и последующего развития газетной прессы на старомонгольском языке стали социально-политический и идеологический факторы. Формирование и последующее изменение ее структуры в меньшей степени подчинялось внутренней логике развития, а в основном исходило из задач, продиктованных большевистской идеологией, а также осуществления культурной революции в ТНР.

Однако создание, функционирование и в какой-то степени развитие прессы на монгольском языке обеспечивалось за счет внутренних факторов — задач информационной политики молодого государства и, прежде всего, социокультурного потенциала представителей национальной интеллигенции, нарождающейся партийной элиты, выступивших первыми читателями и журналистами. Их традиционное миропонимание проявилось в применении религиозной символики в оформлении революционных по содержанию газет.

Через грамотную прослойку тувинцев и с помощью адаптации привычных и устойчивых механизмов устной передачи информации происходило эпизодическое распространение газет среди аратов. С помощью газет араты вовлекались в общественно активную публичную деятельность, приобщались к достижениям цивилизации, в том числе расширяли свой кругозор, так как пространственный охват транслируемой информации был весьма широким (СССР, Монголия и другие страны). Печатное слово стало важным фактором в формировании их национального и патриотического сознания.

Библиографический список

1. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 — 90-е гг.): учеб. пособие /под ред. Я.Н. Засурского. — 3-е изд., доп. — М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005; Он же. Периодическая печать России. Система. Типология. Теоретический курс. — Москва: Акад. изд-во МЭГУ, 1995; Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981; Он же. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики. //Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика — 2003. — №1. — С. 11-16; Он же. История русской журналистики (1703-1917 гг.): Учебно-методический комплект (Учебное пособие; Хрестоматия; Темы курсовых работ). — 2-е изд. испр. — М: Флинта: Наука, 2001; Якимов О.Д.

Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: от возникновения до наших дней. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000; Кузбеков Ф.Т. Башкирская журналистика: история и современность. — Уфа, 1998; Он же. Становление средств массовой информации Башкортостана и развитие этнической культуры башкир (XIX в. — 30-е гг. XX в.) — Уфа, 2001.

2. ЦГА РТ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

3. Пудалов Ф. Первая национальная газета в Танну-Туве (История ее рождения)/Красная печать. -1926. - № 1-2. — С. 43-45.

4. Танова Е.Т. История возникновения и развития периодической печати Тувы. — Кызыл. — 2006.

5. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37 Л. 117.

6. ЦАДПОО ЦГА РТ. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 11.

7. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158. ЛЛ. 28, 29.

8. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 5. Л. 101.

9. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 7. ЛЛ. 12-20.

10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 14. Л. 13.

11. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 7 ЛЛ. 34, 35.

10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 5. Л. 107.

11. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 7 ЛЛ. 34, 35.

12. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 7. Л. 2, 14.

13. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении./Сост. Л.С. Климанова. — М.: Изд-во «Мысль», 1972. — С.84-87.

14. Танну-Тувагийн унэн, 1926, 15 августа.

15. Хувисгалт ард, 1926, № 4. — С. 30-32.

16. Тувагийн унэн, 1927, 5 ноября.

17. Тувагийн унэн, 1928, 23 августа.

18. Тувагийн унэн, 1927, 8 сентября; 1928, 23 августа.

КАН Валерия Сергеевна, младший научный сотрудник сектора социологии и права.

Статья поступила в редакцию 15.01.07 г.

© Кан В. С.

УДК 34

Ч. Г. САНГАДЖИЕВ

Московский государственный университет им. В.М.Ломоносова

ПРИЗНАНИЕ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАТИВНОГО ОПЫТА В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ: ЕВРАЗИЙСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ Н. Н. АЛЕКСЕЕВА

В статье раскрываются взгляды евразийцев русского зарубежья на советский федеративный опыт на примере аргументированного признания Н. Н. Алексеевым советского федеративного государственного устройства.

Имя Николая Алексеева (1879-1964) ныне известно как имя одного из крупных ученых-правоведов России первой половины XX века, внесшего значительный вклад в методологию юридической науки. Но значимость его фигуры выходит за узкодисциплинарные пределы юриспруденции, ибо Н.Н. Алексееву принадлежит также видное место в отечественной традиции федеративной мысли, вклад в которую он осуществил будучи участником евразийского движения русского зарубежья (1921-1938). Проблема федерализма осмыслялась им в ставшем традиционным для России ракурсе, который связывает федерализм с решением национального вопроса в полиэтническом обществе. Окончательное складывание такого отечественного дискурса о федерализме обычно датируется началом XX века, когда, как отмечает Н.И. Цимбаев, для многих в Российской империи «идеал виделся в федерации народов». Возникшее в 1917-1924 гг. федеративное большевистское государство стало материализацией этого идеала союза народов.

Юридически сложившееся к середине 1920-х гг. федеративное устройство СССР и РСФСР как новое явление в российской истории встречало неоднозначную оценку в русском зарубежье. На фоне

правомонархических страхов перед федерализмом как угрозой единству России и сдержанно-критических оценок либеральных идеологов евразийцы выделялись как лояльные сторонники советской модели федерализма. Главную роль в выработке федералистской позиции евразийского движения как раз и сыграл выдающийся юрист и философ права Н.Н. Алексеев, ставший одним из лидеров движения. Для более полной характеристики Алексеева как личности и ученого приведем его биографию.

Николай Николаевич Алексеев (1879, Москва — 1964, Женева)¹. В 1906 году окончил юридический факультет Московского университета. Был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. Специализировался по кафедре энциклопедии права и истории философии права. Через два года получил ученую степень магистра государственного права. Ученик П.И. Новгородцева, он воспринял идеи правового государства и свободы личности как необходимые основы человеческого общежития. Активно занимался научно-педагогической деятельностью. В 1916 году стал профессором юридического факультета Московского университета. В годы Гражданской войны воевал в составе белой Добровольческой армии (1919 год), заведовал литературной частью

отдела пропаганды Добровольческой армии («Осваг»), затем заведовал информационной частью при штабе армии Врангеля. Эти факты биографии характеризуют его как убежденного антибольшевика. С октября 1920 г. попал в эмиграцию. Сумел закрепиться в Праге, где начал работать на Русском юридическом факультете Карлова университета и продолжал свою научную работу. Здесь, в Праге, в начале 1920-х гг. он лично встречается с евразийцами П.Н. Савицким, Н.С. Трубецким и в середине 1920-х входит в евразийское движение, верность идеям которого сохранял вплоть до конца движения в конце 1930-х гг. Приход в середине 1920-х гг. в движение крупного ученого-правоведа Н.Н. Алексеева знаменовало качественно новый этап в развитии евразийского движения, в его осмыслении советского государственного опыта. Алексееву суждено было сыграть большую роль в переводе евразийской идеологии на политические рельсы во второй половине 1920-х гг., став одним из главных творцов политической программы евразийства, в частности теории идеократии.

Что же привлекло Николая Алексеева к евразийской идеологии? Какие культурно-философские идеи раннего евразийства оказались соответствующими его личным убеждениям? Следует думать, что, прежде всего, это цивилизационная теория евразийцев, имевшая антиевропоцентристскую направленность. В ряде своих трудов они доказывали, что европейская цивилизация не является универсальной и общечеловеческой, наряду с ней всегда существовал и существует ряд других цивилизаций как особые культурно-исторические миры, живущие по своим особым законам. Европейская цивилизация — всего лишь локальный, уникальный продукт специфической истории и культуры европейского «месторазвития», так что ее политические, правовые и культурные институты нельзя слепо переносить на чуждую цивилизационную почву. Такие антиевропоцентристские органические положения евразийства оказались близки научному мировоззрению Н. Алексеева как русского юриста. Как отмечают современные исследователи творчества Н.Н. Алексеева, его творчество изначально характеризовалось большим интересом к эпистемологическим и методологическим проблемам политико-правового знания. Благодаря этому он пришел к основополагающему для себя выводу: политико-правовые теории и институты неотделимы от их социокультурного контекста². Отсюда проистекало отрицание Алексеевым универсальности западного права и утверждение о неизбежной национальной специфике правовых институтов в разных культурах. Еще до эмиграции, он, по сути, встает на позиции германской исторической школы права с присущим ей органическим пониманием феномена права³. Революция 1917 года, вынесшая на политическую поверхность русские народные идеи социальной справедливости, народоправства и твердой власти, только укрепила Алексеева в подобных воззрениях⁴. Новобразованное советское право он рассматривал в рамках такого подхода как синтез западного марксизма и вековых правовых традиций России. Естественным продолжением такого органического понимания права являлось стремление к органическому пониманию государства. В коллективной работе профессоров Русского юридического факультета Праги от 1924 г., посвященной анализу советского права, Н.Н. Алексеев подчеркивает важность изучения новых для истории политических образований, таких,

как советский строй и итальянский фашизм. Потому что подобное изучение, по мысли Алексеева, позволяет расширить рамки науки о государстве, освобождая ее от привычного стереотипа, что западно-европейские государственно-правовые формы универсальны⁵. Так что, видимо, как раз для теоретического обоснования своих убеждений в органической природе права и государства как продуктов уникальной культурно-исторической «почвы» Н. Алексеев обратился к евразийству, в частности, к его цивилизационному подходу. После входа в евразийское движение Н. Алексеев возглавляет его государственно-правоведческое научное крыло.

Уже на евразийской платформе Н. Алексеев приводит свои правовые воззрения в целостную систему, которая впоследствии стала известна как «евразийское право»⁶. В соответствии со своим органическим пониманием права как части национальной культуры он постоянно оперирует базовыми для себя понятиями «русское (евразийское) народное право» и «национальное право», которые по своему содержанию тождественны современному научному понятию «национальная правовая культура». Опираясь на евразийскую цивилизационную теорию, Алексеев доказывает, что русско-евразийское право отлично от западного римского права как продукт иного культурно-исторического типа и иных экономических условий. По сути, Н. Алексеев осуществлял национализацию права, стремясь преодолеть западный культурный универсализм, в котором он видел попытку духовной колонизации неевропейского человечества. Исходя из этого постулата, Н. Алексеев в развитие евразийской идеологии поставил задачу построения в России-Евразии собственного национального права и государства путем отказа от механического копирования западной юриспруденции. *«Мы ставим проблему создания собственной правовой терминологии, которая могла бы лучше, чем западная, выразить правовой эйдос (России. — Ч.С.). Мы ставим проблему построения новой теории права, которая соответствовала бы правосознанию евразийских народов и адекватно выражала бы их основные культурные интенции»*⁷. Но тут перед евразийцами вставала проблема применимости к России такого важного политико-правового института, как федерализм, вообще-то имеющего западное культурно-правовое происхождение. Провозглашение в 1922 году федеративного СССР бесповоротно переводило эту проблему из чисто теоретической области в сугубо практическую и злободневную.

Евразийцы, исходя из своей программы по национальной вопросу, стремившейся к укреплению целостности России-СССР путем межэтнической интеграции, признали советский этнотерриториальный федерализм, видя в нем первую ступень строительства единой полиэтнической нации. Первая опубликованная евразийская программа от 1926 года (в ее выработке участвовал и Н. Алексеев) с удовлетворением отмечала: *«С нашей точки зрения, революция привела к созданию наилучшим образом выражающей евразийскую идею формы — формы федерации. Ведь федеративное устройство не только внешне отмечает многочленность евразийской культуры, вместе с тем сохраняя её единство. Оно способствует развитию и расцвету отдельных национально-культурных областей, окончательно и решительно порывая с тенденциями безумного русификаторства»*⁸. В этой формулировке обращает на себя внимание инструментальность евразийского понимания феномена федерализма:

для евразийцев он выступает исключительно как способ решения проблемы этнических меньшинств. Каких-либо иных задач перед федерализмом, например экономических, они не ставили.

Надо отметить, что признание советского федерализма давалось евразийцам нелегко. Первое препятствие к этому признанию — узкий русский национализм — было евразийцами пройдено благодаря замене понятия «Россия» понятием «Евразии», которое, по мысли П. Савицкого, указывает на полиэтничность России⁹, но оставалось второе препятствие — определенные политические убеждения. Все евразийцы (кроме, пожалуй, К. Чхеидзе и Э. Хара-Давана) разделяли главное политическое предубеждение против института федерализма в его классическом варианте: что он, децентрализуя государственную власть по вертикали, тем самым ослабляет единство страны. Н. Алексеев пытался подкрепить это мнение цивилизационной теорией евразийства: России как неевропейской, евразийской цивилизации со своей особой географией, историей и культурой нужны особые государственные формы. С помощью исторических и географических аргументов он доказывал, что широкая автономия и самоуправление непригодны для специфики России: *«При громадных пространствах России и при чрезвычайном разнообразии населения широкое развитие автономности просто означало бы распадение государственного целого. Для целостности России нужен некоторый централизм»*¹⁰. Поэтому Алексеев подверг профессиональному анализу советское федеративное устройство: насколько оно соответствует специфическим, цивилизационным условиям России-Евразии, удерживая ее целостность, другими словами, насколько советский федерализм национален, ограничен?

Н.Н. Алексеев о советском централизованном федерализме

Многие эмигранты, считая большевизм чужеродным для России явлением, распространяли свое неприятие и на его государственный опыт. С такой точки зрения, советский этнотерриториальный федерализм казался им искусственным насаждением Советской власти, не имеющим никаких причин и предпосылок в российской истории. Оспаривая эту распространенную точку зрения, Н. Алексеев указывал на давние центробежные силы России, глубоко укорененные в истории образования Российского государства, говорил о давней традиции федералистской мысли в России (проект Государственной уставной грамоты 1820 г., конституция Н. Муравьева, проекты М. Драгоманова, «Народной воли», национальных партий окраин Российской империи). Безусловно, рассуждал Н. Алексеев, идея федерализма никак не вытекает из марксизма, но она навязана большевикам самой жизнью. Они вынуждены, против своей идеологии, считаться с этими центробежными силами, приспосабливаться к ним — *«играть с ними в федерализм»*. И такая игра привела к уступкам в своей теории: фактическое признание принципа национальности, никак в марксизме не обоснованного¹¹. В свою очередь, марксизм с его социально ориентированной идеологией оказал сильное влияние на советский федерализм. Итого, в возникновении последнего Алексеев выделял два основных компонента: историческая необходимость удержания целостности России, объективно вставшая перед новой властью, и коммунистическая идеология.

Надо указать, что анализ федеративного устройства СССР Н. Алексеев проводил как серьезный ученый на основе солидной источниковой базы, которую можно разделить по трем группам: 1) теоретические труды основателей советского государства В.И. Ленина, Л. Троцкого; 2) советские законодательные материалы: конституции РСФСР 1918 г. и СССР от 6 июля 1923 года, тексты конституций союзных республик, советские законодательные акты, публиковавшиеся в собрании установлений СНК, Известиях ВЦИКа, а также материалы Всероссийских (союзных) Съездов Советов и съездов РКП(б)-ВКП(б); 3) труды тех советских юристов, которых Алексеев считал выразителями советского официоза: А. Шрейдер. Федеративная советская республика; А.Д. Стучка. Учение о государстве. М., 1922.; Магеровский Р. Союз советских социалистических республик. М., 1923; Рейснер Р. Государство, буржуазия и РСФСР. М., 1923.; и особенно Г.С. Гурвич. Основы советской Конституции. Вып. 1. М., 1922, книгу которого Н. Алексеев особенно часто цитировал.

Прежде всего, Алексеев-евразиец обращал внимание на специфичность советского федерализма, его отличие от западных, исторически первых аналогов — американского и швейцарского. Какими же факторами обусловлена эта специфичность и насколько она соответствует органичной природе России? В ответе на этот вопрос Алексеев выделял два фактора — влияние марксизма как правящей идеологии и объективное влияние специфики российской цивилизации, в частности русской правовой культуры, на характер советского государства.

Н. Алексеев отмечал, что марксистско-ленинская идеология обусловила специфическое отличие советского федерализма от его западных классических аналогов. Ведь идея пролетарской диктатуры, а точнее диктатуры ВКП(б), приводит к полной политико-административной централизации советского государства: в нем полностью отсутствует местная автономия и самоуправление, отличительные черты западного либерального федерализма. Поэтому, писал Алексеев, если взглянуть на советский федерализм с точки зрения коммунистической диктатуры, то его и не существует! Партия единолично правит государством, она жестко централистична, никаких автономных национальных или иных частей внутри нее нет, официальный язык — русский. *«С политической точки зрения Россия ныне самое унитарное и централизованное государство»*¹². Причем партийный централизм дублируется централизмом советской административной системы и законодательства. По советской Конституции 1924 года вертикаль власти разделена на три административных уровня — центральный, республиканский и местный. По сравнению с царской Россией властный аппарат сильно децентрализован: созданы формально самостоятельные мощные центры власти на местах. Но, замечал Алексеев, советская административная децентрализация не предполагает самоуправления низестоящих административных органов, власть которых сводится лишь к исполнению указаний вышестоящих инстанций; так что подобная административная вертикаль носит унитарный характер¹³. Н. Алексеев приходил к выводу философско-правового характера: либеральное начало самоуправления вообще чуждо советской правовой культуре. В СССР автономии (самоуправления) нет ни у социальных, ни у политических, ни у культурных институтов (городов, университетов,

церкви и т.д.). Местные органы власти не имеют самостоятельной компетенции, их функции сведены к управлению, т.е. к выполнению указов вышестоящих инстанций. Поэтому советский центр обладает огромной властью: в его компетенции все области жизни, на которые он может влиять законодательством, он может отменять постановления всех нижестоящих органов власти. Итак, чисто административная по своему истинному характеру децентрализация власти в СССР совмещена с политическим централизмом¹⁴, что вообще-то характерно для унитарного типа государств.

Список таких унитарных характеристик советской государственной системы Алексеев дополнял отсутствием в СССР принципа разделения и противовеса ветвей власти. По его наблюдению, реальным носителем власти в СССР выступали исполнительные органы власти: Президиумы ЦИКов и Советские народные комиссариаты, несущие в себе и законодательные функции. Из-за этого они становились независимыми от «народной воли» в лице законодательной власти — Всесоюзного Съезда Советов¹⁵. Исполнительные органы «замещают» власть законодательную. Это еще более усиливает центральную власть. Но в таком «заступлении» Алексеев находил удивительный парадокс: оно приводит к значительной властной децентрализации советского административного аппарата. Фактическое слияние законодательной и исполнительной власти в руках губисполкомов, ресисполкомов, сельсоветов и т.д. делало их всевластителями на местах, пока это всевластие не противоречит общим законам и воле вышестоящих инстанций. Отсюда Алексеев делает довольно спорный вывод: в советском государстве возникли самостоятельные центры власти в областях, союзных и автономных республиках, и получается, что на бумаге Россия не управляется из Москвы, как раньше из Санкт-Петербурга. Хотя фактическая, неофициальная власть Москвы как партийного центра, безусловно, сохраняется¹⁶.

Алексеев отмечал, что советский политико-административный централизм зеркально воспроизводится в федеративном устройстве СССР в области распределения компетенции между союзным центром и членами федерации. Анализируя конституции РСФСР 1918 года и СССР от 6 июля 1923 г., он приходил к выводу о полном подчинении союзных (в СССР) и автономных (в РСФСР) республик компетенции федерального центра (ст. 49-50 Конституции РСФСР, ст. 1 и ст. 49-60 Конституции СССР)¹⁷. И в советской союзной, и в российской федерации самоопределение государств-членов ограничено сферой местного управления, которое к тому же направляется указаниями центральных органов Союза. Объявляемая же Конституцией СССР свобода выхода из состава федерации, по мнению Алексеева, являлась чисто декларативным лозунгом, имеющим пропагандистское значение. *«Декларируемый конституцией суверенитет государств-членов есть также суверенитет чисто декларативный»*¹⁸.

Казалось бы, такие унитарные качества советской государственно-политической системы сводят на нет федеративность СССР и РСФСР, но это в том случае, указывал Н.Алексеев, если в качестве «идеального типа» федерализма мы неосознанно берем западный либеральный децентрализованный федерализм. Для Алексеева-евразийца это неприемлемо, он протестует против механического перенесения западных либеральных принципов на органическую, самобытную почву России-Евразии. В соот-

ветствии со своими евразийскими органицистскими взглядами он говорит о необходимости приспособления института федерализма к специфическим цивилизационным условиям России-Евразии. Такая трансформация стихийно и происходит в СССР, утверждает Алексеев, и складывающиеся советские федеративные формы необходимо принять как формы национально-органические, в силу этого имеющие преимущество перед западными аналогами. *«...Советский федерализм имеет совершенно особую природу по сравнению с федерализмом западных государств»*¹⁹. Разумеется, главной целью такой советско-евразийской трансформации института федерализма в условиях России-СССР Алексеев и все остальные евразийцы намечали создание централизованной властной системы, способной эффективно удерживать целостность российской государственности.

Кроме централизма советский федерализм обладал и другими, на евразийский взгляд Алексеева, преимуществами перед его западными аналогами. Вторым его преимуществом он считал то, что федеральная власть в нем не является верховной. Анализируя государственную структуру СССР, Алексеев указывал, что федеральная власть в лице ВЦИКа не является высшей в советском государстве. Над ВЦИКом стоит высший унитарный орган власти — Съезд Советов, несколько ограничивающий своей декоративной властью федеративное начало СССР, но отнюдь его не отменяющий. Как уже упоминалось, из-за слабости законодательной ветви власти фактическим деятелем в СССР остается ВЦИК. Но важен сам принцип — унитарный Съезд Советов, выражающий волю всего населения, поставлен над ВЦИКом, выражающим (в его верхней палате) интересы субъектов советской федерации. Советское федеральное начало подчинено унитарному началу. Для Алексеева это выступает безусловной положительной чертой советского федерализма: в наиболее важных государственных вопросах общегосударственные интересы союзного целого ставятся выше узкорегionalных интересов его составных частей, преодолевается провинциальный эгоизм²⁰. Такая советская политическая практика полностью соответствовала холистской социально-политической философии евразийства.

Третьим плюсом советской федеративной системы Алексеев считал инструментальный характер принципа национального самоопределения. Да, рассуждал он, многие федеративные части СССР образованы по национальному признаку. Но для большинства национальностей не является самостоятельной ценностью, она никак не вытекает из их идеологии. Для них этнос не самоцель, а всего лишь средство, средство освобождения «угнетенных трудящихся» данной национальности. Социально-классовое содержание делается более важным, чем этнотерриториальная форма. Алексеев заключает: *«Национальное самоопределение служит, таким образом, средством для социального переворота. Социальный идеал ставится выше нации»*²¹. Само право национального самоопределения обставляется строгим условием — принятием со стороны самоопределяющихся коммунистической идеологии и советского государственного строя. Вследствие этого субъектом самоопределения признается не этнос как таковой, а только его «трудящаяся» часть, то есть подлинным субъектом советского федерирования является не этнос, а класс, класс «трудящихся» разных национальностей. То есть объединяющим фактором на-

родов СССР является общность социального идеала: свобода, равенство и братство²². Таким образом федерирование напрямую увязывается с марксистской идеологией. В этом принципе примата социального идеала над этническими интересами Алексеев видит преимущество советского строя: подлинной основой советской федерации является социальная идеология, а никак не национализм или эгоистические интересы областных и национальных единиц. Этот принцип кажется ему действенной профилактикой против возникновения этнического эгоизма и сепаратизма. «*Советский союз есть, таким образом, союз, построенный на основе служения некоторым социальным принципам, которые все члены этого союза признают и принудительно осуществляют*»²³.

Суммируя советский опыт, евразийцы 1920-30-х гг. считали необходимым в интересах целостности России, чтобы в любой будущей российской государственности принцип национального самоопределения носил подчиненный характер. Просто универсальный социальный идеал ложного марксизма надо заменить таким же универсальным социальным идеалом истинного евразийства — таково было одно из главных положений евразийской политической программы.

Признание советской модели федерализма ранним евразийством

Признание советского федерализма стало одной из основ национально-политической программы раннего евразийства, в чем, как мы видели, ключевую роль сыграл Н.Н.Алексеев. Декларируя отрицание западных либеральных федеративных моделей как не соответствующих специфической природе русско-евразийской цивилизации (читай: угрожающих целостности российского государства. — Ч.С.), евразийцы признали советский суперцентрализованный федерализм как *органичный, национальный* для России-Евразии²⁴. Евразийцы отдали много сил доказательству того, что в специфических геополитических, культурно-исторических и политико-правовых условиях России этатистская централизация власти необходима. Этому были посвящены географические исследования П.Н. Савицкого, исторические исследования Г. Вернадского, наконец, труды рассматриваемого здесь Н.Н. Алексеева, облекшего евразийский этатизм в соответствующую политико-правовую форму. На основе признания советского суперцентрализованного федерализма он попытался разработать проект «евразийского федерализма» на тех же самых принципах централизма: «*Мы называем федеральным такое государство, отдельные части которого являются участниками в отправлении верховной государственной власти или суверенитета*»²⁵. Как видим, в этой евразийской федеративной формуле отсутствует принцип политического самоуправления субъектов федерации. Этот принцип Алексеев, снова апеллируя к специфике России, считал недопустимым в будущем российском, постбольшевистском государстве и в споре с либеральными юристами доказывал: «*...Федерализм никак нельзя смешивать с децентрализацией или автономным самоуправлением*»²⁶. Итого скопированная с СССР евразийская федеративная модель в представлении Н. Алексеева выглядела следующим образом: этнотерриториальная федерация заменяется чисто территориальной. Составные части этой федерации (ее субъекты)

участвуют в отправлении верховного суверенитета (верхняя, федеральная палата парламента), но самостоятельной компетенции в региональном государственном управлении у них нет. В такой пирамидальной федеративной системе потоки власти текут лишь сверху вниз, и национальным суверенитетом в полном объеме обладает лишь центр, и он делегирует часть своего суверенитета субъектам федерации, а не наоборот.

В конце концов за евразийской риторикой о самобытности, специфичности цивилизации России-Евразии и неприменимости к ней западных либеральных государственных форм можно разглядеть главный мотив, обусловивший признание Н. Алексеевым советского суперцентрализованного федерализма. Это — стремление укрепить целостность российского государства путем максимальной централизации властной вертикали, но при сохранении формального федерализма для инструментального удовлетворения известных претензий этнических меньшинств. Н.Н. Алексеев видел в федерализме всего лишь нейтральную форму, не имеющую никаких самодостаточных политических ценностей²⁷. Можно заключить, что Алексеева и других евразийцев привлекло в советском федерализме не федеративное начало как таковое, а начало жесткого централизма власти.

Примечания

¹ биографические сведения взяты из: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997.; Орлова И.Б. Евразийская цивилизация: социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998.

² Овчинников А.И., Овчинникова С.П. Евразийское правовое мышление Н.Н.Алексеева. Р.-н.-Дону, 2002. с. 11.

³ см., например: Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Симферополь, 1919. с. 107.

⁴ Новоженина И.В. Государственно-правовое учение Н.Н.Алексеева: Автореф. дисс. ...канд. юрид. Наук. Уфа, 2002. с. 8.

⁵ Право советской России: сб. статей. Вып. 1. Прага, 1925. с. 28-29.

⁶ теоретическое его обоснование см.: Алексеев Н.Н. Народное право и задачи нашей правовой политики// Евразийская хроника. Париж, 1927. №8.; его же. Современные задачи правоведения//Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Прага, 1931.

⁷ Алексеев Н.Н. Современные задачи правоведения//Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Прага, 1931. с. 219.

⁸ Евразийство. Опыт систематического изложения. 1926 г.// Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. — с. 396.

⁹ Савицкий П.Н. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н.С.Трубецкого «Европа и человечество»)//Русская мысль. София, 1921. с. 134.

¹⁰ Алексеев Н.Н. Советский федерализм.//Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. — с. 260.

¹¹ Алексеев Н.Н. Советский федерализм//Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. - с. 241.

¹² Алексеев Н.Н. Советский федерализм... — с. 241.

¹³ Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)//он же. Русский народ и государство. М., 1999. — с. 334.

¹⁴ Алексеев Н.Н. Советский федерализм... — с. 255-256.

¹⁵ Алексеев Н.Н. На путях к будущей России... — с. 335-336.

¹⁶ Алексеев Н.Н. Советский федерализм... — с. 256.

¹⁷ Право советской России: сб. статей. Прага, 1925. с. 72-73, 80.

¹⁸ Право советской России... с. 82.

¹⁹ Алексеев Н.Н. Советский федерализм... с. 251.

²⁰ Алексеев Н.Н. Советский федерализм... с. 254-255.

²¹ там же — с. 252.

²² Хотя классовый субстрат государственности лидер евразийства Н.С.Трубецкой считал ненадежным. См.: Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. Париж, 1927. №9.

²³ Н.Н.Алексеев. Советский федерализм... — с. 251.

²⁴ Данное признание было закреплено в программах евразийского движения от 1927 и 1931 годов, например: «Надлежит подчеркнуть, что начала федерации и автономии евразийцы отстаивают в советском, а не европейском их понимании» (Евразийство: формулировка 1927 года. Париж, 1927. № 9. с. 11.)

²⁵ Алексеев Н.Н. Советский федерализм... с. 248.

²⁶ там же — с. 249.

²⁷ единственное краткое упоминание о самостоятельной ценности федерализма у Н.Н.Алексеева встречается в его «Теории государства» - см.: Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи//его же. Русский народ и государство. М., 2003. с. 602.

САНГАДЖИЕВ Чингис Геннадьевич, аспирант исторического фак-та МГУ им. В.М.Ломоносова.

Статья поступила в редакцию 18.12.06 г.

© Сангаджиев Ч.Г.

УДК 930.1 (574)

Б. К. АЙТЕНОВА

Омский государственный
педагогический университет

НОВЕЙШАЯ КАЗАХСТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ НА РУБЕЖЕ XIX — XX вв.

В статье раскрывается переселенческая политика как составная часть колониальной политики царской России. Предприняты попытка периодизации переселенчества, а также анализ историографии по данной проблеме.

В числе наиболее сложных и актуальных проблем колонизации казахского края царской Россией остается история переселенческого движения. На протяжении XIX — начала XX вв. именно крестьянство в различных «ипостасях» оставалось для Российской империи основным колонизационным элементом. Российское государство возлагало на переселенческое движение решение важнейших геополитических, экономических, национальных задач.

Узловые проблемы аграрной истории Казахстана в рассматриваемый период исследованы в трудах советских историков Б. Сулейменова (Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начала XX вв. А., 1963) и П. Галузо (Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. А., 1965).

В монографии Б. Сулейменова раскрыта сущность аграрной политики самодержавия, подвергнута анализу история оседания и социально-хозяйственного устройства казахского аула. Автор отметил усиление строительства в ауле постоянных жилищ и помещений для скота, показал разницу между административным аулом, образованным в результате реформы 1867-1868 гг., и хозяйственным аулом, рассмотрел формы и методы эксплуатации в них. Им отмечено, что в силу живучести патриархально-феодалных отношений беднота аула в значительной степени эксплуатировалась под видом «родовой помощи».

П. Галузо в оценке роли переселения и вследствие этого перераспределения земельных угодий исходил из того, что этот процесс является тормозом

в развитии казахского земледелия, в переходе казахов к оседлому хозяйству. В переселенческой политике царизма автор видит два этапа: XIX век, когда Жетысу и Сырдарьинская область заселялись русскими крестьянами по стратегическим и военно-политическим соображениям, и XX век — переселение из России большого количества бедного и среднего крестьянства в целях ослабления его борьбы за землю. В результате переселенческой политики самодержавия, считает автор, кочевое (скотоводческое) и оседлое (земледельческое) хозяйства вступили в полосу глубокого кризиса. Он пишет об «огромном разрушении производительных сил, исключительно глубоком обнищании крестьянства».

Несмотря на существенные различия в выводах, Б. Сулейменов и П. Галузо рассматривали переселенческий вопрос в тесной взаимосвязи с изменениями, характерными для экономики России XIX — начала XX вв.

В конце 1970-х годов интерес к аграрным проблемам развития Казахстана ослабел, и это состояние историографии характерно и на сегодняшний день.

Сегодня раскрытие переселенческой политики как составной части колониальной политики царской России представлено только в ряде диссертационных исследований и статей.

Современные исследователи подчеркивают, что в целом во всей политической линии российского самодержавия в Центральной Азии красной нитью проходила «идея» стимулирования оседания кочевников, в результате которого облегчались бы

управление краем, его колонизация и освоение как государственно-административными способами, так и социально-экономическими средствами. И поскольку курс на седентаризацию номадов, которого придерживалась за редкими исключениями колониальная администрация в течение XVIII — XIX вв., не дал сколько-нибудь очевидных результатов, то с конца XIX в. и особенно в начале XX в. он был полностью пересмотрен, и взамен него был взят новый курс на изъятие земельных угодий у кочевников и широкомасштабное переселение крестьянского элемента из европейских губерний России [1].

В современной историографии переселенческой проблематики дискуссии ведутся вокруг периодизации данной проблемы.

О. Мухатова, анализируя исследования, связанные с переселенческой политикой, предложила свой вариант периодизации данной проблемы: «Процесс переселения русских царской Россией можно разделить на три этапа: первый этап — 1861 — 1890 гг., когда российские крестьяне свободно переселялись на территорию Казахстана; второй — 1891 — 1905 гг., когда переселение приняло «законный характер»; третий период — 1906 — 1917 гг., когда переселение приняло невиданный ранее характер» [2]. В своей кандидатской диссертации, анализируя проблему переселения, Ш. Омарбеков отмечает, что с «позиции современной казахстанской историографии данный взгляд можно вполне одобрить» [3].

Авторы третьего тома новой «Истории Казахстана» представили более обобщенную периодизацию: «Переселенческая политика царизма в Казахстане до 90-х гг. XIX в. была определена лишь стратегически, в виде основной линии — заселить окраины крепким элементом из крестьянской среды. Наряду с этим шел процесс выработки фактических и юридических прав правительства распоряжаться землями местного населения. Затем в середине 90-х гг. был взят курс на массовую колонизацию казахских земель» [4].

Историки попытались определить основные направления переселенческой политики царизма.

По мнению историка Н. Масанова, «земельная политика царизма в Казахстане была направлена, во-первых, на поощрение и увеличение численности оседло-земледельческого населения посредством предоставления льгот и привилегий в наделении земельными участками, в основном русскому казачеству и переселенческому крестьянству; во-вторых, на отчуждение и массовое изъятие наиболее плодородных земельных площадей у кочевников-скотоводов в пользу тех, кто занимался земледельческим хозяйством; в-третьих, на сохранение статус-кво в структуре поземельных отношений кочевников, в частности общинного и «родового» землевладения и землепользования; в-четвертых, на поддержание привилегированного положения должностных лиц» [5].

Рассмотрев основные направления переселенческой политики царизма в Казахстане в конце XIX — начале XX века, А. Бельбаева сделала следующие выводы: «Во-первых, из землепользования казахов изымались не только земли, пригодные для хлебопашества, но и пастбищные угодья, на которых впоследствии устраивались переселенческие поселки; во-вторых, колониальная администрация выдворяла казахское население в иные климатические полосы со скудной растительностью и отсутствием водоемных источников; в-третьих, переселенческие чиновники нарезали удобные участки переселенцам, не учиты-

вая того, что эти земли находились на скотопроектной дороге; в-четвертых, вклинивание разрозненных земель, чересполосица не могли обеспечить рационального освоения земельных ресурсов Казахстана ни посредством земледельческого хозяйства, ни скотоводческого; в-пятых, с целью пополнения «переселенческого фонда» колониальные власти использовали «излишки» земель, вводили различные «нормы» землепользования казахов и т.д.» [6].

Проблема взаимоотношений переселенческой деревни и казахского аула во второй половине XIX — начале XX вв. стала объектом изучения Р.М. Таштемхановой и Г.А. Менилбаева [7]. Р. Таштемханова продолжает традиции довоенных историков Тогжанова и Асфендиярова, отмечавших негативную роль крестьянской колонизации в жизни казахского населения, на материалах Семипалатинской области пишет о чрезвычайно большом ущербе, нанесенном казахам переселенческой политикой царизма [8]. Г. Менилбаев рассматривает объективные и субъективные стороны взаимовлияния переселенческой деревни и казахского аула на материалах Сырдарьинской области [9].

А.С. Динашева проанализировала аграрные законы Российской империи по переселению из центральных районов сотен тысяч людей в Туркестанский край (в том числе Южный Казахстан). Автором рассмотрены причины и необходимость для царского правительства заселения русским крестьянством Уральско-Тургайского региона, ход и этапы переселения. Исследователь подчеркивает, что взаимоотношения коренных жителей региона с переселенцами складывались трудно и сложно, временами имели место межнациональные конфликты. История переселения в Казахстан на рубеже XIX — XX вв. явилась отражением имперской колониальной политики царизма» [10].

В своих исследованиях историки рассматривают различные аспекты проблемы переселенческого движения.

Интересна работа С.И. Ибраева, рассматривающего переселенческую политику в тесной связи с изменением демографической ситуации в Северном Казахстане в конце XIX — начале XX вв. В своем исследовании он отмечает отрицательное влияние крестьянского переселения, сопровождавшегося массовым изъятием казахских земель, зачастую лучших, в переселенческих фонд [11].

Обстоятельства переселенческой политики Российской империи в конце XIX — начале XX века рассмотрены на основе новых архивных документов и творческого наследия представителей национальной интеллигенции дореволюционного Казахстана [12].

Следует заметить, что при исследовании переселенческой политики царизма историки изучали, прежде всего, аграрные отношения, особенности хозяйства крестьян-переселенцев, влияние социально-экономических процессов на аул и т.д. Однако существует ряд проблем, которые требуют глубокого и внимательного изучения.

Одной из них является история государственных учреждений России в Казахстане, занимавшихся организацией переселенческого дела в крае. В последнее время данная проблема была отражена в публикации А.Ж. Мырзахметовой «История образования и деятельности органов переселенческого управления в конце XIX — начале XX вв.» [13]. Автор заметила, что создание Переселенческого управления было вынужденной мерой российского правительства. Необходимость в этом назревала в связи с уве-

личением самовольного переселения крестьян из центральных губерний на окраины империи. В ведение Переселенческого управления, согласно высочайшему повелению от 2 декабря 1896 г., передавались руководство делом выдачи разрешений на переселение и сама эта выдача, принятие мер к упорядочению переселенческого движения, попечение о первоначальном устройстве переселенцев на местах водворения [14]. А.Мырзахметова приходит к выводу, что «Переселенческое управление не справилось со своей основной задачей, но явилось тем самым государственным учреждением, результаты деятельности которого сказались на функционировании переселенческой деревни и казахского аула» [15].

Значительное увеличение населения края во второй половине XIX и особенно в начале XX века за счет переселенческого движения привело к необходимости создания специальных административных органов по управлению крестьянами-переселенцами. Таким органом явился институт крестьянских начальников. Рассматривая подробно полемику вокруг вопросов о введении института крестьянских начальников, К.А. Жиренчин анализирует это управленческое звено. Функции крестьянских начальников были следующими: устройство переселенцев, проведение сходов, утверждение волостных и аульных должностных лиц, рассмотрение спорных вопросов в суде, наложение взысканий и наказаний, сбор податей и недоимок. Институт крестьянских начальников являлся неотъемлемым элементом системы колониального управления, призванным обеспечить ее эффективное функционирование [16].

Тема административного управления мигрировавшим на территорию Казахстана европейским населением только поставлена в историографии еще одним исследователем С.Б. Маркиным и требует дальнейшей, более детальной разработки [17].

Историкам предстоит выяснить главное — ускорила ли перестройка хозяйства казахов, переросло ли оно из скотоводческого в скотоводческо-земледельческое. Лишь получив объективный ответ на данный вопрос, исследователи смогут дать более точную оценку всей переселенческой политике и ее результатам в целом [18].

В целом переселенческий вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Необходимы конкретизация периодизации переселенческой политики царизма, развернутое рассмотрение переселенческого движения на всей территории Казахстана. В этом направлении историкам предстоит создание исследований, которые будут охватывать все аспекты переселенческого вопроса.

Библиографический список

1. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. Алматы, 2000. С. 428.
2. Мукаметханұлы Н. Қытайдағы тарихы (1860-1920 жж.). Алматы, 20 Қазақстандағы XX-ғасырдың алғаш аграрлық реформалар тарихына. Алматы, 1998. 119 б.
3. Омарбеков Ш.Т. XX ғасырдағы саяси қуғындалған қазақ зиялылары. Тарих ғыл. канд. дис. автореф. Алмат.
4. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. Алматы, 2000. С. 429.
5. Там же. С. 363.
6. Бельбаева А.А. Переселенческая политика царизма в Казахстане в конце XIX — начале XX вв. // Мысль. 2000. № 4.
7. Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. к.и.н. Алматы, 1994; Менилбаев Гани Абылаевич. Проблемы взаимовлияния переселенческой деревни и казахского аула (1867-1917 гг. по материалам Сырдарьинской области): Дис... к.и.н.: Алматы, 1995. 176 с.
8. Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. к.и.н. Алматы, 1994.
9. Менилбаев Гани Абылаевич. Проблемы взаимовлияния переселенческой деревни и казахского аула (1867-1917 гг. по материалам Сырдарьинской области): Дис... к.и.н.: Алматы, 1995. 176 с.
10. Динашева Лаззат Сарсенбековна. Проблемы истории переселения в Южный Казахстан: новый подход (1867-1917 гг.): Автореф. дис. к.и.н. Шымкент, 1999. 146 с.
11. Ибраев С.И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX — начало XX вв.): Автореф. к.и.н. Алматы, 1995.
12. Смагулова Светлана Одеповна. Национальная интеллигенция и аграрный вопрос в Казахстане в конце XIX — начале XX века: Дис... к.и.н.: Алматы, 1999. 144 с.
13. Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов переселенческого управления в конце XIX — начале XX вв. // Степной край Евразии: Историко-культурное взаимодействие и современность: Тезисы докладов и сообщений / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 290 с.
14. Там же. С. 99.
15. Там же. С. 100.
16. Там же. С. 218.
17. Маркин С.Б. Управление европейским населением в Казахстане в начале XX века // Эволюция государственности Казахстана: Материалы международной конференции. - С. 232-235; Он же. Волостное управление крестьянами-переселенцами в Казахстане в конце XIX - начале XX вв. // Право и государство.-1997. №5. С.29-35
18. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. Алматы, 2000. — С. 29.

АЙТЕНОВА Бибигуль Камзеновна, аспирант кафедры истории.

Статья поступила в редакцию 01.12.06 г.

© Айтенова Б. К.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В СИБИРИ В 1907–1914 гг.

В статье рассматривается изменение основных подходов и концепций, а также дается анализ актуальных проблем в изучении истории социал-демократии в Сибири в 1907 – 1914 гг. в современной отечественной историографии.

К настоящему времени историография социал-демократии в Сибири проделала достаточно большой путь. Советский её период характеризовался огромным интересом к данной проблеме со стороны исследователей. По данным С.П. Исачкина, его «библиография составляет не менее 3,5 тыс. работ, в той или иной степени освещающих историю социал-демократов дооктябрьской Сибири».¹ Несмотря на жесткие методологические рамки, установленные официальной идеологией, в эти годы многое было сделано в плане выявления и теоретического осмысления различных аспектов истории РСДРП в Сибири, расширения источниковой базы.

С началом перестройки в середине 80-х гг. изменения в изучении социал-демократии происходили очень медленно, в основном до начала 90-х гг. продолжали сохраняться многие прежние оценки, штампы и эпитеты. В эти годы, как и ранее, тема истории организаций РСДРП в Сибири была востребована исследователями.

Сохранявшееся господство прежней методологии определяло проблематику исследований, которая концентрировалась вокруг проблем стратегии и тактики, агитационно-пропагандистской деятельности, воздействия на массы, идейно-политической борьбы. И все же главный интерес историки проявили к рассмотрению советской историографии сибирской социал-демократии. Из 83 работ, обнаруженных автором, 21 посвящена подведению итогов и определению дальнейших перспектив изучения в советской исторической науке различных вопросов истории РСДРП в Сибири. Также были защищены две кандидатские диссертации по историографии различных аспектов деятельности большевиков в 1907-1917 гг. — А.И. Соколовым (1986 г.) и С.В. Новиковым (1991 г.).²

В целом в историографических работах была достаточно широко охвачена проблематика исследований советских историков, но в основном они написаны с позиции освещения достижений советской историографии в изучении большевиков. Проблемы, которые поднимали ученые, касались дальнейшего расширения исследования тех или иных вопросов, но не предполагали применения концептуально новых подходов к изучению истории РСДРП и замену устаревших методологических установок.

Как и ранее, партия большевиков принималась за эталон, в приложении к которому рассматривались остальные политические партии, что изначально приводило к их негативной оценке. Часто исследова-

ватели даже в случае вовлечения в научный оборот новых документов в своих выводах в первую очередь ориентировались не на них, а на прежние взгляды и суждения.

А.П. Толочко отмечена тенденция, сложившаяся в отечественной историографии середины 80-х — начала 90-х гг., когда даже использование нового фактического материала по данной проблеме, встречавшееся в ряде работ, не давало ничего нового в плане выводов.³ Так, Е.Н. Бабилова в статье, вышедшей в 1985 году, отмечала сильное влияние в тюменской организации РСДРП меньшевиков и троцкистов и что причиной сохранения организационного единства было влияние «примиренцев».⁴ В то же время сама статья выстроена с позиции успешной борьбы большевиков с оппортунистами и повышения их роли в организации забастовочного движения. Данная работа во многом иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в историографии, когда исследователи строили выводы не столько на основе нового фактического материала, сколько на основе уже сложившихся оценок.

Вопросы политической ориентации местных организаций РСДРП в литературе указанного периода рассматривались в основном в контексте борьбы большевиков с оппортунизмом и ликвидаторством, идейной борьбы в социал-демократическом движении Сибири и участия большевистских заграничных изданий в этой борьбе. Вопрос о причинах и предпосылках длительного существования в Сибири объединенных партийных организаций в основном был представлен в историографических обзорах. В исследованиях отмечалось, что историками ещё в 50-е — начале 80-х гг. был дан ответ на этот вопрос, выявлены социально-экономические и политические факторы, приводившие к затягиванию процесса разрыва отношений.⁵

Деятельность сибирских организаций РСДРП рассматривалась с позиции осуществления большевиками Сибири ленинской тактики сочетания легальных и нелегальных методов борьбы. Несмотря на определенные достижения, в изучении данных вопросов не было сделано ничего концептуально нового.

Довольно широко в работах историков в середине 80-х — нач. 90-х гг. были рассмотрены вопросы влияния большевиков как на массы в целом, так и на различные социальные группы населения с целью вовлечения их в революционное движение. Приоритетным направлением для историков здесь являлось

изучение различных аспектов влияния большевиков на рабочее движение. В ряде исследований было также рассмотрено влияние большевиков на крестьянские массы, вовлечение демократической интеллигенции в революционное движение, изучалась деятельность социал-демократов в войсках.

Как и в предыдущие периоды развития историографии, в исследованиях влияния большевиков на массы мало внимания уделялось анализу характера их социальной базы в Сибири. Большинство выводов не выходило за рамки сложившихся стереотипов, что основная база пролетарской партии — пролетариат и его ближайшие союзники, крестьянство и демократическая интеллигенция.⁶

Вопросы идейно-политического характера в деятельности сибирской социал-демократии не выходили за рамки традиционной тематики «борьбы большевиков...», восходящей к «Краткому курсу», и занимали достаточно большое место в исследованиях указанного периода. Популярной темой оставалась тема борьбы большевиков с либералами и областниками в её различных аспектах. Как и в предыдущие историографические периоды, оценки авторов выдерживались в рамках разоблачения большевиками контрреволюционности буржуазных либералов, своей деятельностью стремившихся помешать революционному просвещению масс в условиях бурного подъема классовой борьбы в стране.⁷

Изменение социально-политической обстановки в стране после 1991 г. самым серьезным образом отразилось на состоянии исследования данной проблемы. В начале 90-х гг. резко сокращается число публикаций по истории социал-демократии. Так, автором обнаружено 48 работ, изданных в 1991 — 2005 гг., посвященных данной проблеме, тогда как в 1985 — 1991 гг. число работ составляло 83. В то же время наряду с количественным сокращением исследований постепенно происходило их качественное изменение, которое было обусловлено отказом от прежних идеологических стереотипов и штампов.

Важное место среди исследований заняли диссертационные и монографические труды, появившиеся в последние годы, в которых были обобщены многие вопросы социал-демократического партийно-политического движения.

По-прежнему, как и в середине 80-х — начале 90-х гг., достаточно большую долю среди трудов историков занимали работы историографического характера. В отличие от прошлых лет серьезное внимание в них уделялось критическому анализу исследований советского периода. Несомненно, огромную ценность представлявшие крупные историографические работы, появившиеся в последние годы.

С.П. Исачкин в своей докторской диссертации проанализировал советскую историографию 20-х — начала 90-х годов XX века, посвященную изучению ссылки, социальной базы и политической ориентация организаций РСДРП. Историк выделил такие специфические условия формирования социал-демократического движения в Сибири, как слабое промышленное развитие и незначительное количество пролетариата по сравнению с крупными промышленными центрами России, слабое восприятие социал-демократических идей местными рабочими. Автором отмечена некорректность использовавшихся в советской историографии данных о численности большевиков в межреволюционный период, выводов о роли большевиков в организации рабочего движения в Сибири. Рассмотрев ключевые вопросы через призму трех основных этапов историографии, автор

ставит задачу концептуального обновления на современном этапе изучения всей историографии социал-демократического движения в целом.⁸

В монографии С.В. Новикова рассмотрен более узкий хронологический период советской историографии социал-демократии — вторая половина 50-х — 80-е гг. XX века. В качестве главных проблем, существующих в изучении социал-демократии, автор назвал: во-первых, узость региональных и хронологических рамок имевшихся к концу 80-х гг. историографических исследований. Во-вторых, неполное привлечение современными историками работ, посвященных проблемам революционного движения между двумя революциями. В-третьих, прекращение изучения проблемы в начале 90-х гг. В итоге исследователь поставил задачу дальнейшего изучения материала, который наработан историками, в том или ином контексте рассмотрения проблемы революционного движения в Сибири.⁹

В последние полтора десятилетия историками подвергнуты критическому анализу данные о численности социал-демократических организаций в Сибири. Согласно выводам С.В. Макаrchука, на востоке страны их численность, даже в крупных городах, составляла в среднем от 5 до 20 человек.¹⁰ Что существенно меньше, чем указывалось в работах историков советского периода.

Э.Ш. Хазиахметов установил, что в различных работах последнего времени историки приводили различные данные о количестве самих организаций. Так, В.П. Сафаров указывал на наличие в 1910 — 1912 гг. 13 организаций, авторы сборника «История Сибири» — 18, А.А. Мухин — 23, а В.М. Самосудов — 27 организаций. Сам Э. Ш. Хазиахметов насчитал 32 организации РСДРП, существовавшие с сентября 1910 по апрель 1912 года.¹¹ Такое расхождение данных ставит перед учеными проблему выработки единых методов подсчета и проведения работы по уточнению численности организаций.

Историки отказались от сложившегося в прежние годы искусственного деления социал-демократов Сибири на большевиков и меньшевиков. Ученые отмечают, что в сибирских организациях РСДРП отсутствовала четкая идейная дифференциация, многие рядовые члены не имели представления о тех течениях, которые существовали в партийных организациях в центре России и за границей.

В связи с этим С.В. Макаrchуком был поставлен вопрос о правомерности употребления в исторической литературе термина «объединенная» социал-демократическая организация. С точки зрения историка, термин «единая» лучше отражает суть этого явления, так как объединенная организация должна «объединять» существующие внутри неё группировки и фракции, а таковых не было внутри сибирских организаций.¹²

В середине 90-х гг. из работ историков практически исчезает тема взаимоотношений социал-демократии и рабочего класса Сибири, столь популярная в советской историографии. С конца 90-х гг. ученые постепенно начинают осознать, что деятельность местных социал-демократов среди масс интересна сама по себе как часть политической истории и ее исследование необходимо продолжить, но с учетом новых методологических принципов.

Изучение нелегальной работы в трудах историков в 90-е гг. либо становилось проходным эпизодом, либо акцент смещался на внешние проявления этой деятельности. Исследователи отмечают, что в определенный момент своей деятельности подпольные

организации отходили от принципа «подполье для подполья» и начинали искать связи с массами.¹³

С середины 90-х гг. начинается пересмотр и такого вопроса, как военная работа революционного подполья в Сибири.¹⁴

В 90-е гг. происходит некоторая активизация в исследовании различных направлений легальной работы социал-демократов, таких, как их деятельность в профсоюзном движении Сибири, сибирской кооперации и культурно-просветительских обществах.

Как отмечают историки, отношение социалистов к кооперации было неоднозначным, представители социал-демократии считали кооперацию подсобной формой борьбы, но при этом отношение к ней напрямую зависело от принадлежности к тому или иному течению внутри партии.¹⁵ В исследованиях отмечается сложное отношение социал-демократов к культурно-просветительским обществам.¹⁶

Таким образом, подводя итоги рассмотрению современного историографического периода, необходимо отметить, что в указанный период историками проведена большая работа по изучению сибирской социал-демократии. Количественный и качественный анализ историографии середины 80-х — нач. 90-х гг. XX в. показывает наличие противоречия, связанного с тем, что исследователи, используя в своих трудах новый фактический материал, не могли выйти за прежние методологические рамки при формулировании выводов.

Многие историки отмечают, что в середине 80-х гг. сложились предпосылки для формирования следующего этапа развития отечественной исторической науки, а в конце данного десятилетия появились первые концептуально новые труды. Если говорить о сибирской историографии указанного периода, то в ней эти тенденции ярко не проявились. Историки не ставили своей целью концептуального обновления истории РСДРП, из работы в работу авторами повторялись одни и те же выводы о сохранении организационного единства и целостности партии большевиков на протяжении всего периода 1907 — 1914 гг., о большевистской ориентации местных партийных организаций, несмотря на их объединенный характер.

С начала 90-х гг. происходят значительные изменения в историографии сибирских организаций РСДРП, в результате меняется методология, а вместе с ней и подходы к изучению. В работах происходит отказ от искусственного деления социал-демократов Сибири на большевиков и меньшевиков, начинает шире изучаться региональная специфика партийно-политической жизни.

С конца 90-х гг. происходит постепенная смена концепций истории социал-демократических организаций в Сибири, но в настоящее время можно говорить о том, что концептуальное обновление затронуло лишь её отдельные сюжеты.

Таким образом, по-прежнему актуальным является вывод, сделанный А.П. Толочко в монографии, изданной в 2001 г., что возможности для мобилизации конкретно-фактического материала к настоящему моменту практически исчерпаны, и главной задачей является дальнейшее концептуальное обновление всей истории сибирской социал-демократии. При этом станет возможным объективный взгляд как на всю историю РСДРП, так и на её отдельные темы.¹⁷

Библиографический список

¹ Исачкин С.П. Историография сибирской социал-демократии 1907-1914 гг. (ссылка, социальная база, политичес-

кая ориентация): Автореф. дис....докт. ист. наук. — Омск, 2002. — С. 4.

² Соколов А.И. Борьба большевиков Сибири против оппортунизма в 1907 - феврале 1917 гг. (Советская историография середины 50-х - начала 80-х гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1986. 25 с., Новиков С.В. Деятельность большевиков по вовлечению народных масс Сибири в революционное движение в 1907-1917 гг. (Современная историография): Автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1991. 20 с.

³ Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в.: Монография. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. С. 11-13.

⁴ Бабикова Е.Н. Борьба большевиков Томской губернии против оппортунизма в 1907-1917 гг. // Томская областная партийная организация - боевой отряд КПСС. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. С. 20.

⁵ Соколов А.И. Борьба большевиков в Сибири против оппортунизма по организационным вопросам в период реакции (к историографии проблемы) // Историография революционного движения в Сибири в пролетарский период (1895 - февраль 1917 гг.). Омск: ОГПИ, 1987. С. 23-30., Он же. Борьба сибирских большевиков с оппортунистами по вопросам организационно-массовой работы в межреволюционный период (к историографии проблемы) // Проблемы историографии партийных организаций Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. С. 27-30.

⁶ Киселев А.Г. Печать сибирских организаций РСДРП 1907-1912 гг. о расстановке классовых сил в революции 1905-1907 гг. // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Омск: ОГПИ, 1987. С. 111-115., Самосудов В.М. Воспитание рабочего класса Сибири на героических подвигах участников революции 1905 — 1907 гг. // Революция 1905-1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма. Тезисы научной конференции, посвященной 80-летию революции 1905-1907 гг. в России. Омск: ОГПИ, 1985. С. 134-138., Сосновская А.П. Роль нелегальной печати сибирских организаций РСДРП в воспитании пролетариата как гегемона революции (1907 - февраль 1917 гг.) // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. (Секции I, II, III). Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Новосибирск, 1987. С. 13-14., и др.

⁷ Орлянский И.Г. Борьба большевиков в Сибири против кадетов и областников по аграрному вопросу в годы реакции и нового революционного подъема (1907-1914 гг.) // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Омск: ОГПИ, 1987. С. 115-119., Родионов Ю.П. Отражение в легальной печати борьбы большевиков Сибири против буржуазных либералов и областников в период избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу // Борьба большевиков в Сибири против либералов и областников (1905 - февраль 1917 гг.). Омск: ОГПИ, 1989. С. 96-103, Толочко А.П. Борьба большевиков в Сибири против либералов за влияние на массы на начальном этапе нового революционного подъема (1910 г. - апрель 1912 г.) // Борьба большевиков в Сибири против либералов и областников (1905 - февраль 1917 гг.). Омск: ОГПИ, 1989. С. 83-96.

⁸ Исачкин С.П. Историография сибирской социал-демократии 1907-1914 гг. (ссылка, социальная база, политическая ориентация): Автореф. дис....докт. ист. наук. Омск, 2002. 50 с.

⁹ Новиков С.В. Социал-демократы и революционное подполье Сибири (1907-февраль 1917 гг.) Историография второй половины 50-80-х гг. XX века.: Монография. — Омск: Изд-во ОмГАУ, 2003. 162 с.

¹⁰ Макачук С.В. Социалисты России в межреволюционный период (июнь 1907 - февраль 1917 гг.). Противоборство

и единение фракций и группировок. Учебное пособие. Кемерово: Кемеровск. ун-т, 1994. С. 15.

¹¹ Макачук С.В. Указ. соч. С. 20.

¹² Макачук С.В. Указ. соч. С. 15.

¹³ Макачук С.В. Социалисты России ..... С. 21.

¹⁴ Толочко А.П. Хроника военной работы революционного подполья в Сибири (1907-1914 годы) // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895-1917 гг. Вып. 2. Томск: Томск, ун-т, 1995. С. 62-76, Циндик А.А. Военная и боевая работа революционного подполья в Томске в годы реакции и нового революционного подъема (1907-1914 гг.) // Исторический ежегодник. Омск: Ом-ГУ, 2000. С. 74-78.

¹⁵ Макачук С.В. Указ. соч. С. 58-69, Он же. Социалистические партии и потребительская кооперация Сибири. Июнь 1907 - февраль 1917 гг. // Из прошлого Сибири. Вып. I. Ч. I. Новосибирск: НГУ, 1994. С. 26-35, Он же. Кооперация в

Западной Сибири: сферы влияния социалистов в межреволюционный период. Июнь 1907 - февраль 1917 гг. // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Материалы Всероссийского симпозиума, посвященного памяти И.М. Разгона. Вып. 1. Томск: Томск, ун-т, 1996. С. 139-144.

¹⁶ Макачук С.В. Социалисты России ..... С. 69-76.

¹⁷ Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в.: Монография. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. С. 18-19.

ПОЛЫНСКИЙ Анатолий Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 27.12.06 г.

© Полинский А. С.

УДК 325

С. М. ПОДЛИВАЛОВ

Курганский
государственный университет

ИЗ ОПЫТА АДАПТАЦИИ ИММИГРАНТОВ (КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ, 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Статья посвящена изучению исторического опыта адаптации беженцев в конце XX века (90-е годы) на примере Курганской области. Показаны первоначальные меры государственных органов власти по оказанию помощи иммигрантам. Раскрываются основные проблемы переселенцев, описаны трудности их жизни.

Автор акцентирует внимание на огромной роли общественных организаций в адаптации иммигрантов на территории региона. Научный интерес представляет описание видов взаимодействия государственных структур и гуманитарных организаций в деле оказания помощи и поддержки переселенцев.

Статья может заинтересовать историков, демографов, практических работников различных служб и ведомств, осуществляющих реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, а также всех, кто интересуется проблемами миграции населения.

Демографическая ситуация в России является одной из приоритетных проблем, требующих немедленного решения. В Послании президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. говорится о том, что «приоритетом остается привлечение из-за рубежа наших соотечественников. При этом необходимо стимулировать приток в страну квалифицированной миграции, людей образованных и законопослушных» [1].

Проблема миграционной убыли в стране наметилась еще во второй половине 80-х гг. XX века и в последующие годы заметно обострялась. По данным В.И. Бутова, к 1990 г. по сравнению с 1986 г. число выехавших из СССР на постоянное жительство за рубеж возросло с 2,9 до 103,6 тыс. чел. (почти в 36 раз). В 1991-1995 гг. за рубеж выехало более 0,5 млн чел., или свыше 70% общего числа эмигрировавших в 1981-1995 гг. [2].

Аналогичная ситуация прослеживалась и в отдельно взятых субъектах РФ. Так, в 1993-2002 гг. Курганскую область покинуло 16 196 граждан [3]. Несмотря на значительный приток в 90-е гг. в Южное Зауралье иммигрантов из стран СНГ и Балтии, миграционная убыль составила 2010 чел. [4].

Сложившаяся негативная тенденция требовала адекватных мер со стороны государственных и местных органов власти, участия в решении проблем народонаселения общественных организаций. И такие меры предпринимались. Чтобы найти эффективные подходы для решения социально-демографических проблем сегодняшнего дня, следует обратиться к позитивному опыту, наработанному в регионах России в 90-е годы XX века, в том числе и в Курганской области.

В результате распада СССР, образования новых независимых государств произошел массовый исход русскоязычного населения в Россию. Особенно напряженная ситуация сложилась в приграничных областях страны. В течение 90-х гг. в Зауралье на постоянное жительство прибыло более 60 тыс. иммигрантов, преимущественно из Казахстана. Прием такого количества новых жителей поставил перед местными властями непростую задачу по размещению мигрантов, предоставлению им работы, созданию нормальных условий жизни.

Прием соотечественников на историческую Родину стал приоритетной задачей органов исполнительной власти региона. 22 мая 1992 г. администрацией

Курганской области было принято постановление «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам». Областные службы, городские и районные администрации, руководители предприятий и организаций обязывались принять меры по приему и размещению переселенцев. Решить поставленные задачи было крайне непросто из-за отсутствия достаточного количества помещений для размещения переселенцев. Но, несмотря на это, делалось все возможное для того, чтобы не оставить переселенцев без крыши над головой. Так, в Белозерском районе Курганской области иммигранты были размещены в помещении Дома творчества школьников, в общежитии филиала СПТУ-33. В школах и дошкольных учреждениях района были созданы дополнительные места для детей из семей переселенцев [5]. В Катайском районе иммигранты размещались в помещениях бывшего пионерского лагеря [6]. В городе Шадринске были размещены военнослужащие из авиационного полка, выведенного из Прибалтики [7].

С целью усиления регулирования миграционных процессов и осуществления контроля за решением задач по обустройству прибывших в область вынужденных мигрантов 10 сентября 1992 г. была утверждена региональная программа «Миграция», в соответствии с которой предусматривалось до 1995 г. отремонтировать и реконструировать жилые помещения для 861 семьи беженцев (затраты составили 160 млн руб.), а также организовать дополнительные рабочие места в Альменевском, Варгашином, Кетовском, Мишкинском и Половинском районах области. Намечено было также построить предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, которые дали бы возможность трудоустроить часть мигрантов [8]. В конце 1993 г. начальник управления труда и занятости населения Курганской области И.П. Немков докладывал на заседании в областной администрации: «В ближайшее время область может принять 760 семей мигрантов. В наличии имеется 50 тыс. га свободных земель. Для размещения беженцев выделено: 69 жилых домов, 11 свободных помещений, 3 ПТУ, 1 детский сад, 4 лагеря» [9]. В последующие годы работа по жилищному обустройству новоселов осуществлялась во многих районах области.

В период с 1995 по 2001 гг. на основании постановления администрации области «О формировании целевого земельного фонда для расселения беженцев и вынужденных переселенцев» 163 семьям вынужденных мигрантов была выделена земля для жилищного строительства. [10].

В 1992-2002 гг. с помощью органов местного самоуправления, предприятий и организаций, а также за счет собственных средств мигрантов вынужденным переселенцам были предоставлены комнаты в общежитиях — 720 семьям (1667 чел.), комнаты в квартирах с общей кухней — 718 семьям (1613 чел.), отдельные квартиры 595 семьям (1374 чел.), индивидуальные жилые дома — 614 семьям (1464 чел.) [11].

Средства для решения жилищных проблем вынужденных переселенцев поступали, главным образом, из федерального бюджета. Это позволило развернуть жилищное строительство на местах. В 1994 г. миграционной службой Курганской области были заключены договоры на строительство домов для иммигрантов в с. Альменево (4-квартирный дом), п. Варгаши (8-квартирный дом), г. Катайске (16-квартирный дом), п. Юргамыше (18-квартирный дом)

и г. Макушино (18-квартирный дом) [12]. За 1994-1997 гг. для вынужденных переселенцев в области было сдано в эксплуатацию 3424 кв. м. жилья. Кроме того, в 1997-2003 гг. для мигрантов было приобретено 92 квартиры, в которых было размещено 114 семей [13]. Эффективной формой поддержки прибывших соотечественников стало предоставление им возвратной долгосрочной ссуды на строительство или приобретение жилья. За 1993-2001 гг. за счет таких ссуд жилье приобрели 2373 семьи, или 32% от общего числа вынужденных переселенцев, состоявших на учете в области [14].

Важную роль в обеспечении переселенцев рабочими местами сыграли местные органы власти, руководители предприятий и хозяйств. По данным социологического опроса, проведенного миграционной службой Курганской области в 1997 г., многие переселенцы устраивались на государственные и муниципальные предприятия (46,9%), на предприятия и в организации смешанных форм собственности (24,1%), 8,6% - создали крестьянские (фермерские) хозяйства, занялись индивидуальной трудовой деятельностью [15].

По данным службы занятости области, наибольшее количество иммигрантов сосредоточилось на предприятиях городов Кургана (Курганский машиностроительный завод, ОАО «Корвет», завод дорожных машин, предприятие «Икар», комбинат «Синтез» и др.) и Шадринска (ОАО ШААЗ, ООО «Урал-Гранит»). В соответствии с программой занятости населения области предприятия, создающие рабочие места для лиц, особо нуждавшихся в трудоустройстве, в том числе беженцев и вынужденных переселенцев, пользовались льготами при налогообложении [16]. Иммигранты из Казахстана и других стран СНГ получали места в учебных заведениях и медицинских учреждениях.

Существенную помощь иммигрантам, желавшим обосноваться на селе, оказывала служба занятости. В 1996-2001 гг. на основании постановления Правительства РФ от 25 мая 1994 г. «О льготах для граждан, переселяющихся в сельскую местность» соответствующими льготами и материальной поддержкой воспользовались 493 семьи вынужденных переселенцев [17].

За 1996-2001 гг. службами занятости было трудоустроено 640 вынужденных переселенцев, 264 было назначено пособие по безработице. Нуждавшиеся в переобучении направлялись на специальные курсы переподготовки [18].

Проблемы трудоустройства иммигрантов стали заботой руководства многих предприятий, которые создавали необходимые условия для привлечения к себе на работу соотечественников из-за рубежа. Так, основу кадрового состава курганского предприятия «Юнона» составили иммигранты из Казахстана и других стран СНГ [19]. Продуманная политика в отношении привлечения соотечественников из-за рубежа дала положительные результаты в решении многих социально-экономических задач в регионе. В качестве позитивного примера можно назвать деятельность руководства сельскохозяйственного производственного кооператива (СХПК) «Богатырь» Половинского района. Здесь было многое сделано для прибывших в хозяйство иммигрантов из Казахстана.

Председатель Николай Адамович Кернер (сам переселенец) стал инициатором по привлечению в с. Яровое соотечественников из Казахстана. Ему досталось разваленное, практически обанкротившееся хозяйство. Из года в год здесь шло сокращение

пахотных земель. Ощущались серьезные трудности с жильем и рабочими местами. К середине 90-х гг. на учете в службе занятости Половинского района состоял почти каждый пятый трудоспособный житель села. Неблагоприятная обстановка складывалась и в сфере образования. Из-за сокращения контингента учащихся рассматривался даже вопрос о закрытии начальной школы [20].

Требовались большие усилия, чтобы не только удержать хозяйство на плаву, но и вдохнуть в него новую жизнь. Первостепенной была названа задача обустройства и создания новых рабочих мест для переселенцев. Была восстановлена котельная в с. Яровое, проложена новая теплотрасса (на эти цели было выделено 400 тыс. руб.). Совместно с переселенцами развернулось строительство и восстановление жилья. С 1997 по 2001 гг. СХПК «Богатырь» выделил на эти цели свыше 4 млн руб. Жилищные проблемы переселенцев были в основном решены [21].

Для сельчан стали создаваться новые рабочие места. Были построены колбасный и столярный цеха, пекарня, восстановлены все МТМ. В селе была полностью ликвидирована безработица.

Вновь прибывшим мигрантам предоставлялась материальная помощь, выделялись скот, инвентарь и семена с рассрочкой по выплате за них. В годы наибольшего притока мигрантов руководство хозяйства выделяло средства на перевозку их имущества из Казахстана на новое место жительства. Использовались и возможности фондов общественных организаций. Так, в 2000 г. по линии Российского общества Красного Креста иммигрантам было выдано 150 комплектов вещей (одежда и обувь) [22].

О том, насколько своевременно стали прибывать в хозяйство мигранты с нужными для него профессиями, говорит тот факт, что на многих участках производства стали укомплектовываться необходимыми кадрами бригады. Так, в числе переселенцев было 26 квалифицированных механизаторов. Это позволило провести уборку урожая собственными силами.

С помощью переселенцев, прибывших из Казахстана, удалось полностью укомплектовать местную школу учительскими кадрами, в том числе 11 учителями-предметниками. За счет детей из семей переселенцев увеличился контингент учащихся. Из 183 школьников 75 являлись детьми иммигрантов. Им оказывалась материальная помощь, обеспечивался летний отдых.

В с. Яровое укрепилась спортивная база. Было приобретено оборудование для спортивного комплекса, появились новые спортивные кружки. Заметно оживилась культурная жизнь в селе. При Доме культуры были организованы группа шейпинга, вокальный и танцевальный кружки [23].

Забота о людях дала положительные результаты. Экономика хозяйства заметно улучшилась: пахотные земли расширились с 3,2 до 5 тыс. га; были решены многие кадровые проблемы в производственной и социальной сфере; созданы новые производства; повысилась производительность труда; хозяйство вошло в число передовых сельскохозяйственных предприятий Половинского района; средний уровень заработной платы за 5 лет увеличился с 200 до 1600 руб. [24].

Информация в СМИ об успехах СХПК «Богатырь» способствовала дополнительному притоку в хозяйство переселенцев-соотечественников. В 90-х гг. в данное хозяйство из Казахстана переехало 90 семей в количестве 361 чел. [25].

Положительную роль в приеме и дальнейшей адаптации иммигрантов на территории области играли различные общественные переселенческие и гуманитарные организации. Например, созданная в июле 1997 г. общественная переселенческая организация «Репатриация» осуществляла деятельность по трудоустройству иммигрантов, оказанию им бесплатной юридической помощи. В 1999 г. в «Репатриации» была создана служба трудоустройства, с помощью которой удалось усилить взаимодействие со службами занятости области, предприятиями и организациями. Был создан банк вакансий. За период с 1997 по 1999 гг. переселенческой организацией было оказано содействие в трудоустройстве 314 иммигрантов [26]. В г. Петропавловске Северо-Казахстанской области Республики Казахстан была открыта общественная юридическая приемная «Репатриации», в которой все желающие переехать в Россию могли получить консультацию о миграционном законодательстве РФ, о возможном трудоустройстве в Курганской области и других регионах Урала [27]. В Варгашином районе успешно действовала общественная переселенческая организация «Надежда». Совместно с администрацией п. Варгаши в районном центре была создана общественная приемная. Во взаимодействии с органами социальной защиты, со службами занятости решались вопросы обустройства прибывавших в район иммигрантов [28].

В 1998-2000 гг. активизировалась работа различных гуманитарных организаций. В эти годы гуманитарная помощь предоставлялась вынужденным переселенцам из благотворительных фондов «Эммануил», «Милосердие и здоровье», «Соотечественники» и фонда поддержки населения области [29].

Органами социальной защиты и миграционной службой Курганской области организовывалась поддержка социально незащищенных категорий вынужденных мигрантов. С 1993 по 2001 гг. ими была выплачена материальная помощь на общую сумму 713,4 тыс. руб., которую получили 12,5 тыс. чел. [30].

Особое внимание уделялось лицам пенсионного возраста. С 1996 по 2001 гг. органами социальной защиты области было обеспечено социальное обслуживание 372 престарелых иммигрантов; 64 переселенца преклонного возраста были направлены в дома-интернаты для престарелых [31].

В рамках федеральной программы «Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев» адресную материальную помощь в Зауралье получили 698 детей из малообеспеченных семей мигрантов, единовременное пособие для подготовки к школе - 852 ученика. За 1998-2000 гг. в оздоровительных лагерях и санаториях области поправили свое здоровье 1373 ребенка (большинство за счет средств областного бюджета) [32].

Таким образом, опыт государственных и общественных организаций по оказанию помощи вынужденным мигрантам, накопленный в регионах, в том числе и в Курганской области, может быть использован при необходимости в настоящем и будущем.

Библиографический список

1. Российская газета. 2006. 10 мая.
2. Бутов В.И. Демография/В.И. Бутов. — М.: Изд. центр «МарТ». 2003. С. 215.
3. Архив миграционной службы Курганской области (АМСКО). Ф.1. Оп. 1. Д. 372. Л. 256.
4. Межрегиональная научно-практическая конференция

«Проблемы, перспективы и направления демографического развития Курганской области», Курган. КГУ. С. 21.

5. АМСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
6. Там же. Л. 16.
7. Там же. Л. 11.
8. Там же. Л. 27.
9. Там же. Л. 23.
10. Информационный бюллетень миграционной службы Курганской области. 1998. №3. С. 25.
11. АМСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 1-4.
12. Там же. Д. 131. Л. 2.
13. Там же. Д. 121. Л. 229.
14. Там же. Д. 236. Л. 169.
15. Информационный бюллетень миграционной службы Курганской области. 1998. №3. С. 17.
16. АМСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 41.
17. Информационный бюллетень миграционной службы Курганской области. 1999. №4. С. 55.
18. Информационный бюллетень миграционной службы Курганской области. 1998. №3. С. 17.
19. Там же. С. 14.
20. Новый мир (г. Курган). 2000. 17 ноября. С. 1.
21. АМСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 219а. Л. 146.
22. Там же. Л. 214.

23. Там же. Л. 212.
24. Там же. Л. 202.
25. Там же. Л. 146.
26. Информационный бюллетень миграционной службы Курганской области. 2000. №5. С. 32.
27. Вестник Форума. 2000. № 12. С. 8.
28. Информационный бюллетень территориального органа Минфедерации России по Курганской области. 2002. №2. С. 31.
29. Зауралье. 2001. 4 июля. С. 2.
30. Информационный бюллетень миграционной службы Курганской области. 1996. №1. С. 22; Там же. 1997. №2. С. 7; Информационный бюллетень территориального органа Минфедерации России. 2001. №1. С. 18; Там же, № 2. С. 11.
31. АМСКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 335. Л. 61.
32. Информационный бюллетень территориального органа Минфедерации России по Курганской области. 2001. №1. С. 22-23.

ПОДЛИВАЛОВ Сергей Михайлович, аспирант.

Статья поступила в редакцию 07.02.07 г.

© Подливалов С.М.

**Издательский центр «Омский научный вестник»
готовит специальный тематический выпуск журнала,
посвященный 10-летию со дня выхода первого номера журнала
«Омский научный вестник»**

«Образ России в современной научной, художественной литературе и публицистике»

Планируемый выход юбилейного номера – ноябрь 2007 года

Приглашаем историков, философов, социологов, экономистов, филологов, политологов и всех, кому небезразлична судьба России, к участию в обсуждении проблемы.

Срок представления статей — до 15 сентября 2007 г. Условия приема материалов и порядок рассмотрения по обычным правилам. Статьи, не соответствующие заявленной тематике, но получившие положительное заключение, по согласованию с автором, будут направлены в очередные номера журнала.

Адрес, по которому могут быть направлены статьи в электронном виде: evga-18@mail.ru
Телефон: 8-905-921-98-22